

А. П. Смирнов

С К И Ф Ы

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ «ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

А. П. Смирнов

СКИФЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

Москва 1987 г.

Ответственный редактор
П. Д. ЛИБЕРОВ

Почему скифы?

Скифы — блестящий период нашей древней истории. Именем этого народа назван период, охватывающий около пяти веков, в течение которого на территории Восточной Европы, Средней Азии и Южной Сибири в развитии общества произошли изменения первостепенного значения. Это время совпадает с возникновением и развитием античных государств Греции, сыгравших огромную роль в сложении европейской цивилизации.

Скифы были тесно связаны с греческим миром. Однако след в нашей истории они оставили не только потому, что были посредниками в распространении греческой культуры на нашей территории. Они сами создали высокую для того времени культуру, влияние которой сказалось на огромных пространствах Восточной Европы, Западной и Центральной Азии. Скифская держава, включавшая не только степи Северного Причерноморья и Крым, но и племена, населявшие лесостепную область, явилась звеном культурных и торговых связей между Передней и Средней Азией и Европой.

Скифы вовлекли в жизнь того времени, приобщив к передовым цивилизациям древности, даже Средний и Северный Урал и Приуралье. На стоянках, расположенных на далеком Севере, встречаются вещи, созданные местными мастерами по античным образцам. В области распространения ананьинской культуры приписываемой предкам удмуртов, мари и коми, встречается много изделий из Ольвии и других мест Северного Причерноморья и раннеантичного и римского времени. Многие вещи, найденные под Пермью, повторяют скифские образцы¹. Здесь находят предметы из области савромат и далекого Кавказа². Отсюда на юг, в область передовых государств

Скиф на коне. Фигурка из кургана Куль-Оба
(собрание ГИМ)

того времени шли ценные меха. Эти направления торговых связей сохранились и в последующее время, включая средневековье. Приуралье оказалось связанным и с Центральной Европой. Вещи гальштатского типа из Центральной и Западной Европы проникают до Кавказа. С другой стороны, и изделия мастеров Передней Азии доходят до Западной Европы. В этих взаимных обменах основную роль играли скифские племена.

Отсюда ясно значение скифов в общеевропейском историческом процессе.

Скифское государство, втягивая окрестные племена в торговые связи, содействовало и развитию общественных отношений и культуры. Культурные связи возникли несколько раньше, в эпоху поздней бронзы и в киммерийское время, но культурное общение народов никогда не достигало тех высот, каких оно достигло при скифах. Может быть, покажется парадоксальным, но походы скифов с целью грабежа и захвата пленных, обращаемых в рабство, способствовали развитию строя военной демократии, выделению и укреплению положения племенной

аристократии у ряда народов. Несомненно, произведения скифских ремесленников, обладавших высокой по тому времени техникой, содействовали развитию техники на периферии скифского мира.

Без особого преувеличения можно сказать, что в истории цивилизации следующее место за греками и римлянами занимают скифы и кельты. Эти народы определили расцвет варварской Европы и наложили отпечаток на ее дальнейшее развитие.

Вот почему история скифов, их культура представляет для нас огромный интерес, хотя ни один из современных народов и не является их прямым наследником.

Легенды

Беря в руки пожелтевший документ или читая книгу, вышедшую 150—200 лет назад (не говоря уже о более старых), испытываешь почтительное чувство прикосновения к прошлому, сопричастности к истории. Легко понять тех, кто предпочитает читать книги в их первом издании. Мы не имеем возможности предложить читателю ознакомиться с первоизданием, чтобы в полной мере ощутить «аромат времени», но мы надеемся, что 2500 лет достаточно большой срок, чтобы вызвать интерес и внимание к ниже приводимому тексту.

«Скифы говорят, что их народ моложе всех других и произошел следующим образом: в их земле, бывшей безлюдной пустыней, родился первый человек, по имени Таргитай; родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению, неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был, по их словам, Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При них упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший из братьев, первым увидев эти предметы, подошел ближе, желая их взять, но при его приближении золото воспламенилось. По его удалении подошел второй, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом, золото, воспламеняясь, не допускало их к себе, но с прибли-

жением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он отнес к себе золото. Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство.

И вот от Липоксая-де произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпоксая — те, которые называются катиарами и трапиями, а от младшего царя — те, что называются паралатами; общее же название всех их — сколоты, по имени одного царя; скифами называли их эллины.

Так рассказывают скифы о своем происхождении; лет им с начала их существования, или от первого царя Таргитая до похода на них Дария, по их словам, круглым счетом не более тысячи, а именно столько»¹.

Легенду эту сохранил для нас Геродот, древнегреческий ученый, именовавшийся «отцом истории». Отметим, кстати, что это почетное звание признается за ним и до сих пор. Родился он около 484 г., а умер около 425 г. до н. э. Есть веские основания предполагать, что он во время своих путешествий посетил Северное Причерноморье, скорее всего город Ольвию (на берегу Буго-Днепровского лимана) и мог близко наблюдать жизнь скифов. Таким образом, его сведения — это в какой-то степени свидетельство очевидца. Вероятно, в Ольвии Геродот и записал приведенную легенду, хотя и не поверил ей. Сообщив еще кое-какие сведения о скифах и их стране и вновь напомнив, что все вышеизложенное рассказывают о себе скифы, Геродот пишет: «... а живущие на Понте (т. е. на Черном море. — А. С.) эллины повествуют...»², и далее излагает вторую легенду. Послушаем.

«Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в страну, которую занимают скифы и которая тогда еще не была населена, ... и так как его застигла вьюга и мороз, то он закутался в львиную шкуру и заснул, а в это время его лошади каким-то чудом на пастбище исчезли».

Читатель сразу отметит несообразность: Геракл гнал быков, а пропали у него лошади. Это не должно смущать: в мифах о богах и героях еще и не такое бывает. А может, тут виноваты и не мифы и не Геродот, а переписчик труда Геродота, который был не столь внимателен, как читатель. Продолжим изложение легенды.

«Проснувшись, Геракл стал искать их и, исходив всю землю, пришел, наконец, в так называемое Полесье; тут он нашел в пещере смешанной породы существо, полудеву

Змееногая богиня. Пластинка из кургана Куль-Оба
(собрание ГИМ)

и полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя — змеиная. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил, не видела ли она где-нибудь заблудившихся кобылиц; на это она ответила, что кобылицы у нее, но что она не отдаст их ему прежде, чем он не сообщится с нею; и Геракл сообщился-де за эту плату, но она все откладывала возвращение лошадей, желая как можно дольше жить в связи с Гераклом, тогда как последний желал получить их и удалиться. Наконец, она возвратила лошадей со словами: «Я сберегла тебе этих лошадей, забредших сюда, и ты оплатил мне за это: я имею от тебя трех сыновей. Расскажи, что мне делать с ними, когда они вырастут; поселить ли здесь (я одна владею этой страной), или отослать к тебе?» Так спросила она, а Геракл, говорят, сказал ей в ответ: «Когда ты увидишь сыновей возмужавшими, поступи лучше всего так:

посмотри, который из них натянет вот так этот лук и опояшется по-моему этим поясом, и тому предоставь для жительства эту землю, а который не в состоянии будет выполнить предлагаемой мною задачи, того вышли из страны. Поступая таким образом, ты и сама останешься довольна и исполнишь мое желание».

При этом Геракл натянул один из луков (до тех пор он носил два), показал способ опоясывания и передал ей лук и пояс с золотой чашей на конце пряжки, а затем удалился. Она же, когда родившиеся у нее сыновья возмужали, дала им имена, одному — Агафирс, следующему — Гелон, младшему — Скиф, а потом, помня завет Геракла, исполнила его поручение. Двое из ее сыновей, Агафирс и Гелон, оказавшись неспособными исполнить предложенный подвиг, были изгнаны родительницей и удалились из страны, а самый младший Скиф, исполнив задачу, остался в стране. От этого-то гераклова сына Скифа и произошли-де все правящие скифские цари, а от чаши Геракла — существующий до сих пор у скифов обычай носить чаши на поясах. Так рассказывают живущие у Понта эллины»³.

В подтверждение того, что эта версия мифа была действительно широко распространена в Северном Причерноморье и, в частности, у живших там греков, можно сослаться на изображения змееной богини, обнаруженные при археологических раскопках⁴.

Вторая легенда, как и первая, тоже сказка. Сходство их в этом отношении позволяет думать, что цивилизованные эллины в области веры в мифы не столь уж далеко отстояли от варваров скифов. Нетрудно заметить, что «отец истории» отнесся к рассказам своих соотечественников столь же скептически, как и к рассказам скифов. Сам он предпочитал третью легенду и в этом его поддерживают и многие современные ученые.

«Есть, впрочем, и иной рассказ, — пишет Геродот, — которому я сам наиболее доверяю. По этому рассказу, кочевые скифы, жившие в Азии, будучи тесными войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю (действительно, страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам)». Рассказав далее, как киммерийцы покинули страну и как, преследуя их, скифы попали в Переднюю Азию, Геродот добавляет: «Таков иной рас-

сказ, одинаково распространенный среди эллинов и варваров»⁵.

Современному читателю вряд ли надо объяснять, почему третья легенда заслуживает большего внимания, и он легко поймет Геродота. Но дело не столь просто. Века развития исторической науки убедили исследователей, что нет дыма без огня, и они сформулировали это наблюдение так: каждая легенда, каждый миф, как бы фантастичны они ни были, содержат рациональное зерно. Очевидно, это зерно содержится и в сказаниях, которым Геродот не поверил. Но извлечь истину не так легко, установление каждого факта в истории скифов давалось и дается с большим трудом. С XVII в. поколения русских историков собирали, систематизировали и истолковывали сведения древних авторов о скифах. Достаточно назвать такие имена, как Г. В. Лейбниц, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов. Несколько позднее к историкам присоединились археологи, и на протяжении многих лет скифы были одним из основных объектов их исследований в России. История изучения скифов — это почти история археологии в России. И. Е. Забелин, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Латышев, Н. И. Веселовский, А. А. Спицын, В. А. Городцов, Б. В. Фармаковский, М. И. Ростовцев — все это крупнейшие русские археологи, и все они в той или иной мере участвовали в изучении истории Скифии. Из ныне работающих назовем М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, А. И. Тереножкина. И, несмотря на труды названных и еще большего числа не названных ученых, у нас и сейчас нет четкого ответа на многие вопросы. Геродот сообщил три версии или гипотезы по поводу происхождения скифов. За 2500 лет, прошедших с тех пор, число версий не уменьшилось, хотя все рассказы о божественном происхождении скифов были решительно откинута. Более того, гипотез, пожалуй, стало больше. А ведь происхождение это не единственный вопрос, не единственная загадка в почти тысячелетней скифской истории. Одно только довольно скупое изложение позиций русских ученых, эволюции их взглядов и процесса накопления материалов составило толстую книгу, которую написал С. А. Семенов-Зусер⁶.

В последующих главах мы постараемся познакомить читателя в основном с теми «зернами» истины, которые уже удалось извлечь науке. Но так как иногда между учеными нет согласия о том, извлечено или не извлечено

«зерно», то нам придется останавливаться и на спорных проблемах и излагать разные точки зрения. Если говорить откровенно, то спорными, дискуссионными продолжают оставаться все основные вопросы истории скифов.

**О кочевниках
эпохи железа
и военной демократии**

Собственно, каждая из указанных проблем заслуживает не только отдельной главы, но и отдельной книги. Но мы пишем книгу не об этом. Однако мы

обязаны остановиться на этих очень важных вопросах, чтобы дать хотя бы самое общее представление о тех процессах общечеловеческой истории, на фоне которых и под влиянием которых протекала история скифов. В итоге эти процессы привели к замене первобытнообщинного строя классовым.

Читателю, несомненно, известно деление истории человечества на несколько периодов, определяемых способом производства: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный и т. д. При этом первобытнообщинный период делится на две эпохи: дикость и варварство, каждая из которых, в свою очередь подразделяется на три ступени — низшую, среднюю и высшую. Это деление известно в науке под названием периодизации Моргана—Энгельса¹.

Одновременно по раннему периоду истории существует и другая периодизация, основанная на развитии орудий труда, на последовательном освоении человечеством различных материалов для их изготовления. Эта периодизация, обычно называемая археологической, выделяет три эпохи: каменный век, бронзовый и железный, точнее, ранне-железный, так как позднейшие этапы железного века, который продолжается и в настоящее время, не являются предметом изучения археологии.

Если рассматривать историю человечества в целом, обобщенно, то между этими двумя периодизациями можно установить определенное соответствие. Эту мысль мы находим уже у Энгельса². Так, начало железного века приблизительно совпадает с началом высшей ступени варварства, бронзовый век соответствует приблизительно средней ступени варварства. Однако в истории определенных

территорий соотношение этих двух периодизаций бывает различным, и установить его трудно. При этом не следует забывать и того, что развитие происходит неравномерно, т. е. различные, иногда даже соседние, народы достигают определенного уровня развития в разное время.

Появление скифов на мировой арене связано со многими процессами, происходившими в конце II и начале I тысячелетия до н. э. в развитии племен степной и лесостепной полосы СССР.

Еще в начале бронзового века (средняя ступень варварства по Моргану—Энгельсу) происходит очень важное в истории человечества событие — выделение пастушеских племен из остальной массы варваров, происходит первое крупное общественное разделение труда³. Проходят века и тысячелетия, в продолжение которых пастушеское скотоводство развивается и совершенствуется, и в результате возникает кочевое скотоводство, т. е. более производительный вид хозяйства. Уловить эти изменения в археологическом материале непосредственно невозможно. Но известно, что переход к новым видам хозяйства связан с совершенствованием орудий производства; по-видимому, в скотоводстве к орудиям производства следует отнести конскую сбрую. Действительно в это время наблюдаются определенные сдвиги: появляются строгие удила. Они сменили более примитивные удила, сделанные из сыромятных ремней. Правда, появление их связывается не только с изменениями в организации скотоводства, но и с эволюцией военного дела. Такие удила найдены на Северном Кавказе, в Закавказье, на Украине, Дону и в Поволжье⁴. Датируются они VIII—VII, а может быть, и IX в. до н. э. Типы их довольно развиты. Новые типы удил делались из бронзы. По времени их появление совпадает с последним расцветом бронзовой индустрии, представленной разнообразным набором вещей: оружием, орудиями труда и утварью, но об этом подробнее мы будем говорить позже.

Второе событие, на котором необходимо остановиться, — это освоение железа. Тысячи, десятки тысяч вещей, окружающих нас, сделаны из этого металла и таких его разновидностей, как чугун и сталь. Нам он представляется сейчас невзрачным и не очень удобным: тяжел, подвержен коррозии... Часто мы просто не замечаем его — слишком привыкли. Гораздо больше нас волнуют

новые материалы — продукты химии. Но так было не всегда.

Послушайте, как оценивал Ф. Энгельс факт освоения железа: «Человску стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...»⁵. И в этой, можно сказать, торжественной оценке нет никакого преувеличения.

Освоение железа, должно быть, возникло в разных местах земного шара самостоятельно. Первоначально из железа делались лишь украшения; новый металл считался драгоценностью. Такие украшения были найдены в египетских пирамидах IV тысячелетия до н. э. В XIV в. до н. э. о железных изделиях в Египте упоминают уже письменные документы из собрания знаменитого «Амарнского» архива.

Приблизительно к середине II тысячелетия до н. э. широко распространились железные изделия в странах Двуречья, на островах Эгейского моря и в Италии. Однако полное господство железных орудий, окончательное вытеснение бронзовых относится к несколько более позднему времени, к началу I тысячелетия до н. э.⁶

Появление железа в Закавказье датируется XII в. до н. э.⁷ Почти одновременно железо появилось и в Восточной Европе. На поселении «Монастырщина» эпохи поздней бронзы, расположенном в нынешних границах г. Воронежа, Г. В. Подгаевский открыл мастерскую по производству железных орудий. От нее сохранились маловыразительные остатки печи, шлаки и небольшие куски руды.

Химический анализ шлаков дал возможность установить сыродутный способ выплавки железа. Там же были обнаружены следы плавки меди и литейные формы бронзовых изделий. Найденный каменный молот для размельчения руды сохранил следы ударов. На другой стоянке конца бронзовой эпохи (XIII—XI вв. до н. э.), расположенной у оз. Моечного, на Самарской луке, Куйбышевской области, также были найдены железные орудия.

Весь материал, которым мы располагаем, показывает, что производство железных орудий началось на территории Восточной Европы еще в доскифский период⁸, но полное господство железных орудий установилось лишь с VIII—VII вв. до н. э. и по времени совпадает с приходом скифов в степи Северного Причерноморья.

До сих пор речь шла о явлениях базисного характера. Военная демократия — это уже из области надстройки, это особый тип политического строя. Для нас это сочетание понятий «война» и «демократия» звучит несколько странно, мы привыкли скорее противопоставлять их. Но в истории человечества был период, когда именно сочетание этих слов точнее всего определяло существовавшую общественную организацию. Это действительно была демократия, ибо власть принадлежала народу в лице «народного собрания». В этом отношении новое общество являлось прямым продолжением первобытнообщинного строя, родовой организации. Но почему эта демократия, называется военной? Военной «потому, — отвечает Ф. Энгельс, — что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»⁹.

Военная демократия была переходной формой от родового общества к классовому, к государству. Именно в этот период идет процесс классовобразования внутри племени, именно в это время возникает рабство. Рабов поставляла все та же война. Постоянная угроза нападения привела к необходимости возводить укрепления вокруг поселения.

Заканчивая описание всех этих процессов, Ф. Энгельс говорит: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»¹⁰.

Итак, мы напомнили читателю о трех вещах: возникновении кочевого скотоводства, освоении железа и возникновении общества военной демократии. Это было необходимо, так как именно эти черты отличали скифов, когда они появились в Северном Причерноморье.

Одну из своих книг проф. В. В. Мавродин начал фразой: «Под звон мечей и пенье стрел вступили славяне на арену мировой истории». Пожалуй для скифов такая характеристика была бы еще более справедливой.

Скифы появились в Северном Причерноморье, если верить письменным источникам, в VIII—VII вв. до н. э. Скажем прямо — главная «арена» истории находилась в это время в другом месте. Останься скифы на месте, во вновь захваченных степях — о них бы еще не скоро узнали. Страны Переднего Востока, Греция — вот, где протекали процессы, определявшие дальнейшее развитие нашей, европейской, цивилизации. И должны были пройти еще годы, чтобы в это развитие активно включились другие страны Средиземноморья, чтобы степи современной Украины и Северного Кавказа вошли в границы тогдашнего «мира». Но скифы не остались на месте.

При своем появлении в Северном Причерноморье скифы были сплочены в военную организацию, позволившую им одержать победу над прежде обитавшими здесь племенами. Скифы переживали героический период, находились на стадии военной демократии, а мы помним, что говорил по этому поводу Ф. Энгельс: война ради грабежа — вот норма этого общества.

Скифские военные отряды двинулись на юг, где существовали крупные центры культуры и были объекты грабежа. Они прошли через Северный Кавказ, по всей вероятности, включив часть местного населения в состав своих отрядов. Геродот довольно точно определяет путь движения скифов, которые, по его сведениям, шли, имея справа Кавказский хребет. Существует мнение и о другом направлении похода, по западному побережью Кавказа.

Археологические исследования могильников Северного Кавказа и Закавказья I тысячелетия до н. э. подтверждают эти сообщения, так как в них в большом числе находят скифские вещи (оружие, части конского убранства) и погребения, имеющие скифские черты погребального обряда. К таким погребениям можно отнести могилу у сел. Куланурхва близ г. Гудаут¹. Пройдя через Кавказ, скифы вторглись в Переднюю Азию. Впечатление, произведенное ими на тогдашний цивилизованный мир, было огромно. Предоставим слово Библии. В книге «пророка»

Секира, обложенная золотой пластинкой, из Келермесского кургана (собрание Эрмитажа)

Иеремии, который более других библейских авторов склонен к историзму, скифы характеризуются как народ, пришедший с севера, как народ жестокий и неумолимый. Движение скифов вызвало такой страх, что никто и не думал защищаться: «Возвестите в Иудее и возгласите в Иерусалиме, проповедуйте и трубите трубою по земле; взывайте громким голосом и говорите: «Соберитесь и пойдем в укрепленные города. Поднимите знамя в Сионе, бегите, не останавливайтесь, ибо я приведу с севера бедствие и великую гибель. Лев

восходит из своей чащи, и губитель народов поднимается и выступает из своего места, чтобы обратить твою страну в пустыню; города твои будут разрушены и останутся безлюдны. И так опояшьте себя вретисцем, плачьте и рыдайте, ибо пламя гнева божия еще не отошло от нас»². Так в фольклорной форме, с налетом религиозности, которая характерна для всех древних произведений, описывает Иеремия страшное впечатление, произведенное скифами на тогдашнее общество. Нашествию скифов он уделял много внимания. В другом месте он пишет: «Вот я приведу на вас — дом Израилев, народ издалека, говорит господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты

не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его как открытый гроб, все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои, разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься»³. Такого же характера и другие места из Библии, посвященные нашествию скифов.

Восстановить историю пребывания скифов в Передней Азии затруднительно, так как имеющиеся источники дают лишь отрывочные сведения. Известно, что в 70-х годах VII в. до н. э. скифы во главе с царем Ишпакаем объединились с мидийцами и маннеями и выступили против Ассирии. Асархаддону, царю Ассирии, удалось, однако, заключить со скифами, как мы бы сейчас сказали, сепаратный мир⁴. Он согласился даже отдать за Партатуа, царя скифов, свою дочь. Чтобы в полной мере оценить этот факт, надо иметь в виду, что Ассирия в то время была крупнейшей и сильнейшей державой. По-видимому, вскоре после описанных событий скифы двинулись дальше на юг и достигли Палестинской Сирии. О реакции населения этих областей на скифское вторжение уже говорилось выше. Отсюда они намеревались двинуться на Египет, но фараон Псаметих I (663—616 гг. до н. э.) вышел им навстречу и дарами «отклонил их от дальнейшего движения»⁵.

Помимо отрывочных письменных документов, наука располагает некоторым археологическим материалом, указывающим на пребывание скифов в Малой Азии. Особенно важен материал из раскопок городов Тейшебаини в Армении, Каркемиша в Северной Сирии и около оз. Урмии, где был найден клад со скифскими вещами⁶.

Существует мнение, что скифы в Закавказье создали мощное политическое образование, сыгравшее большую роль в политической жизни края в VII в. до н. э.⁷ Пресбывание скифов в Передней Азии, в окружении рабовладельческих государств, несомненно, сыграло свою роль в развитии у них общественных отношений. Однако едва ли правы те исследователи, которые относят возникновение государственности у скифов к VII в. до н. э.⁸ Она могла возникнуть только после возвращения скифов в Северное Причерноморье, приблизительно в начале VI в. до н. э.

Скифы, по сообщению Геродота, оставались в Азии 28 лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо кроме того, что они взымали «с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они, кроме того, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа»⁹. Сопоставляя сроки пребывания скифов в Азии, переданные Геродотом, со сведениями восточных документов, с политической историей, известной нам по античной традиции, некоторые исследователи склонны считать, что скифы пробыли в Азии значительно больше, чем 28 лет. Весьма вероятно, что часть скифов осталась в пределах Передней Азии.

Так появились скифы на мировой арене. Появились, действительно, «под звон мечей и пенье стрел». Населению Передней Азии было известно, что они пришли с севера, мы можем уточнить эти сообщения, сказав, что они пришли из степей Северного Причерноморья. И тут, естественно, встает вопрос, который возникает неизменно при изучении истории любого народа: а откуда же появился этот народ? Как и когда появились скифы в Северном Причерноморье?

Читатель помнит, что честь постановки этого вопроса принадлежит Геродоту, который сообщил нам три версии.

Рациональное зерно

Итак мы возвращаемся к легендам. Как будто все ясно: единственная легенда, заслуживающая доверия, — третья; та, которой верил Геродот и которая повествует о приходе скифов из Средней Азии. В этой легенде содержатся и данные для определения времени этого события. Вспомним: скифы приходят, побеждают киммерийцев, киммерийцы бегут в Переднюю Азию, а скифы их преследуют. Выходит, что между приходом скифов в Причерноморье и появлением их в Закавказье и южнее прошло совсем мало времени. Ну, а о втором событии мы знаем, так сказать, из первых рук, из восточных источников VII в. до н. э. Следовательно, приход скифов в степи Северного Причерноморья, о котором говорит третья легенда, произошел в VII или в VIII в. до н. э.

И, по-видимому, две первые легенды чистая выдумка. Ну а как обстоит дело с обещанным рациональным зерном? Конечно, следует отбросить всех богов и все чудеса. А потом задать вопрос — чем же две первые легенды отличаются от третьей? Оказывается, особенность первых легенд в том, что в них скифы ниоткуда не пришли, а от самого своего возникновения жили в Северном Причерноморье. Причем они были здесь древнейшим населением. Последнее обстоятельство особо подчеркивается. Итак: по первым двум легендам, степи Причерноморья — исконные земли скифов и до них здесь никто не жил, а по третьей легенде — скифы пришли сюда в VIII—VII вв. до н. э. и вытеснили отсюда народ, называвшийся киммерийцами. Может быть, это утверждение первых легенд и есть истина? Может, это как раз искомое рациональное зерно? Многие ученые так и считают, но с оговорками. Наивно было бы предполагать, что скифы были в этих местах извечно. Мы не всё знаем о древнейшей истории, но во всяком случае достаточно, чтобы сразу отбросить такое предположение. Вопрос сводится к тому: пришли ли скифы в VIII—VII вв. до н. э. или они пришли значительно раньше. Настолько раньше, что к V в. до н. э., когда Геродот записывал легенды, память об этом приходе изгладилась и возник миф об автохтонном, т. е. местном, их происхождении. Эти две точки зрения являются основными в современной науке. Но между сторонниками обеих точек зрения также нет единства. Так, сторонники раннего прихода оживленно обсуждают вопрос о времени прихода скифов: одни полагают, что это событие следует связывать с появлением в степях памятников срубной культуры, другие склоняются к катакомбной. Сторонники позднего прихода скифов из Средней Азии довольно успешно возражают и тем и другим, утверждая, что до сих пор нет убедительных данных, что скифская культура является наследницей одной из этих культур, что она довольно резко от них отличается.

Все ученые, пожалуй, сходятся сейчас на том, что скифская культура, как она известна по археологическим памятникам, не едина; в отдельных районах она существенно различается. Достаточно сказать, что часть скифов была кочевниками, а часть — земледельцами. Это рождает разногласия по вопросу, можно ли отнести некоторые археологические культуры к скифам. Многие раз-

ногласия сторонников позднего прихода основываются именно на этом обстоятельстве. Есть теория, согласно которой часть скифов, например оседлые скифы, произошли от предшествующего местного населения, ассимилированного пришедшими в VIII—VII вв. до н. э. кочевыми племенами собственно скифов.

Очевидно, недостаток фактов предоставляет широкую возможность для построения большого числа гипотез, и, надо сказать, ученые добросовестно эту возможность используют. В результате в настоящее время существует значительно больше точек зрения на происхождение скифов, чем во времена Геродота.

Из всего изложенного совершенно очевидно, что для решения вопроса о происхождении скифов необходимо остановиться на более ранних страницах истории Северного Причерноморья. В частности, надо познакомиться с киммерийцами, с которыми воевали скифы согласно третьей легенде. В этом случае киммерийцы, их история уже являются частью истории скифов. Для оценки же автохтонной теории, основывающейся на первых двух легендах, нужно заглянуть в еще более отдаленные времена. Этому и будут посвящены последующие разделы.

Но прежде еще несколько слов о легендах, об их, так сказать, классификации. До сих пор мы рассматривали две первые легенды вместе, не делая между ними различия. Но эти различия существуют. Читатель помнит, что Геродот определил первую как скифскую, а вторую как эллинскую. Различие весьма существенное, хотя упоминание Зевса в качестве предка скифов позволяет предположить, что и первая легенда дошла до Геродота уже не в чисто скифском варианте. Ученые же обратили внимание на другую деталь. В обеих легендах фигурируют предметы «божественного» происхождения. В первом случае они падают с неба, во втором — их оставляет для своих сыновей Геракл. Самое же интересное заключается в том, что эти предметы различны. Во второй легенде это лук, пояс и чаша, т. е. предметы, фигурирующие у Геродота при описании им обычаев скифов. Эти вещи необходимы воинам, какими, как мы уже успели убедиться, и были скифы. А вот в первой легенде с неба падают: плуг, ярмо, секира и чаша. Чаша присутствует и в первом и во втором случаях. Но первые два предмета, плуг и ярмо — это орудия земледельца. Некоторые исследователи и секиру

рассматривают не как оружие, а как сельскохозяйственное орудие. Они видят в ней топор, необходимый для расчистки участка под пашню. Впрочем, это не так уже важно. Интересно другое: легенда, в которой с неба падают такие «святыни», как плуг и ярмо, могла возникнуть только у сельскохозяйственного народа. Это действительно важно. Вторая легенда не дает столь точных сведений. Допустим, что у земледельцев могли появиться лук, пояс и чаша. Однако этот «воинский» набор позволил ученым предположить, что вторая легенда возникла среди кочевников. Таким образом, современные исследователи вносят в классификацию Геродота существенные коррективы. Обе легенды рассматриваются как скифские, но первая приписывается скифам, занимающимся хлебопашеством, а вторая — скифам, ведущим кочевой образ жизни. Эти сведения, извлеченные из анализа легенд, также можно назвать рациональным зерном. Забегая вперед, скажем, что полезные сведения, заключенные в легендах, этим не исчерпываются. К ним еще неоднократно придется возвращаться, а сейчас обратимся к временам, о которых вообще не сохранилось никаких легенд, никаких письменных источников, и посмотрим, что же происходило в Северном Причерноморье до того, как скифы столь стремительно вошли в соприкосновение с древними цивилизациями Востока.

Культура катакомб

В зале заседаний Института археологии в Москве висят портреты трех выдающихся ученых-археологов. На одном изображен Василий Алексеевич Городцов. У него много заслуг перед наукой, но мы остановимся только на одном его открытии. В начале века вышли две работы В. А. Городцова со скромными, малообещающими названиями: «Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.»¹ и «Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г.»². Эти труды вместе с вышедшей несколько позднее книгой «Культуры бронзовой эпохи в Средней России»³ стали в археологии классическими. В. А. Городцов, проанализировав раскопанные им погребения эпохи

бронзы, разделил их на три группы, три культуры: янскую, катакомбную и срубную. Обычно археологические культуры получают название по памятнику, где данная культура была впервые исследована, но здесь этот обычай не соблюден. Культуры получили название по типу погребального сооружения. Конечно, форма могилы была не единственным признаком, по которому отличались культуры. Анализ показывает, что каждому типу могилы соответствуют определенные формы керамики, ее орнаментация, набор украшений и типов орудий. Далее, рассматривая случаи разрушения могил одного типа могилами других типов, В. А. Городцов установил последовательность смены называемых культур, т. е., как говорят археологи, установил их относительную хронологию. Дальнейшие исследования проводились и проводятся учеными с целью уточнения выводов В. А. Городцова. Определены границы распространения культур, выделены локальные варианты, связи, абсолютная хронология, время смены одной культуры другой на разных территориях и т. п. Но основные положения и до сих пор остаются непоколебленными.

Нам предстоит рассмотреть две культуры из выделенных В. А. Городцовым — катакомбную и срубную, а также некоторые одновременные им на соседних территориях. Но сначала, во избежание недоразумений, следует сказать несколько слов об «археологической культуре». В современное понятие культуры входят такие элементы, как литература, изобразительные искусства, нормы поведения и т. п.

Археологическая культура — это нечто иное. Большинство археологов (единства взглядов здесь пока нет) термин «культура» применяет по отношению к совокупности памятников одного времени, расположенных на единой территории и отличающихся от других чертами материальной культуры. Под последней подразумевается сочетание таких признаков, как тип жилища, форма орудий, украшений, керамика, погребальный обряд⁴.

Катакомбная культура захватывала огромную территорию: на севере по линии Воронеж, Курск, Киев; на востоке — от Воронежа на Волгоград, к устью Волги, выходя местами на левый берег этой реки; на западе граница намечается по Днепру с заходами на правый берег; на юге памятники катакомбной культуры известны в степ-

ном Крыму и на Северном Кавказе⁵. Датируется она концом III—последней четвертью II тысячелетия до н. э. Катакомбная культура характеризуется определенным комплексом предметов, позволяющим отличать ее памятники от памятников других культур. Это прежде всего керамика, украшенная орнаментом из оттисков веревочки или шнура. Здесь следует назвать молотчкообразные булавы, цилиндрические пронизи с винтовой нарезкой, делавшиеся из кости и служившие украшениями, каменные сверленные топоры, украшавшиеся желобками и валиками, кремневые наконечники стрел, отделанные струйчатой ретушью, определенной формы бронзовые ножи⁶ и пр. Из самого названия культуры мы уже знаем, что для нее характерны погребения в катакомбах. Катакомбы рылись так: сначала выкапывалась прямоугольная или овальная яма (шахта), в одной из стенок которой у дна прорывался обычно короткий ход (дромос), заканчивавшийся овальной катакомбой (камерой).

Тело покойного и вещи, «необходимые» ему «в загробном мире», клались в катакомбу, вход в которую часто закрывался досками или камнями. После захоронения шахта засыпалась, и на этом месте возводилась земляная насыпь — курган.

Трудно было бы ожидать, что на указанной огромной территории от катакомбной культуры сохранятся совершенно одинаковые памятники. И действительно, наблюдаются определенные различия и в типе погребальных сооружений, и в керамике⁷. Кроме того, почти за тысячелетие пребывания в Причерноморье племена катакомбной культуры развивались как в хозяйственном, так и в общественном плане. Одновременно изменялся и облик инвентаря.

Исследования поселений катакомбной культуры на Днестре⁸, Осколе и в других местах позволяют утверждать, что уже в первой половине II тысячелетия до н. э. эти племена знали мотыжное земледелие. Об этом свидетельствуют находки серпов, зернотерок, мотыг из кости. В погребениях встречаются зерна проса и ячменя. В качестве домашних животных разводили коров, овец, лошадей и свиней.

Все исследователи склонны считать, что в это время уже сложилась патриархальная семья, которая владела основным имуществом — стадом.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. развитие племен катакомбной культуры было прервано: в Северное Причерноморье из Заволжья вторгаются мощной волной племена срубной культуры. Довольно быстро они овладели почти всей территорией «катакомбников», потеснив их и частично ассимилировав. Однако в некоторых областях, в частности в Северном Крыму, в Приазовье и Приднепровье, катакомбные племена сохраняли особенности своей культуры вплоть до начала I тысячелетия до н. э. Наиболее поздние памятники катакомбной культуры обнаружены на Нижнем Дону (Кобяково городище у ст. Аксайской⁹ и другие), на Таманском полуострове и в районе реки Кубань.

Мы очень бегло познакомились с катакомбной культурой, и пора задать вопрос: на чем основываются исследователи, когда связывают ее со скифами? Нельзя сказать, чтобы таких исследователей было много, но все же они есть и совсем не считаться с таким решением вопроса не следует, если мы хотим ознакомиться со скифской проблемой во всей ее сложности. Главный довод — это сходство формы могил.

Забегая вперед, скажем, что для части скифов также характерно погребение в катакомбах. Приводятся и другие доказательства — от единичных случаев совпадения композиции орнамента на сосудах катакомбной культуры и скифских до свойственного обоим народам обычая снимать скальпы. Привлекаются и данные смежных наук: антропологии и палеозоологии¹⁰. Но большинство ученых отрицает связь «катакомбников» со скифами из-за значительного хронологического разрыва, существующего между исчезновением памятников катакомбной культуры и появлением скифов.

Зато имеется другая возможность заменить условное название «катакомбники» на настоящее имя народа, оставившего памятники этого типа. Извлечь его из археологических материалов невозможно; никакой, сколь угодно тщательный, анализ тут не поможет. Мы, правда, говорили, что известий современников катакомбной культуры не сохранилось, но может найтись что-нибудь в «воспоминаниях», легендах? Кое-что действительно имеется.

«Окутанные мглою
и тучами»

Речь пойдет о киммерийцах. У Гомера в «Одиссее» есть такие строки: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути,

а судно наше достигло пределов глубокого океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами...»¹. Гомер говорил о климате страны, в которой жили киммерийцы, но строчка, вынесенная в заглавие, очень хорошо отражает состояние киммерийского вопроса в современной науке.

И, кстати, о погоде. Киммерийцы занимали степи Причерноморья до прихода скифов (помните третью легенду?). Не слишком ли Гомер сгущает краски при описании природных условий нашей солнечной Украины? Конечно то, что жителю средней полосы России представляется жарким югом, для жителя Греции — север — и довольно прохладный. Многие и более поздние греческие писатели не жалели красок на описание морозов Крыма и Приазовья, но все же характеристика Гомера более подходила бы к Заполярью, ведь именно там долгое время не показывается солнце. Можно, конечно, допустить поэтическую вольность — ведь Гомер поэт. Но возможно и совсем иное толкование. Некоторые ученые считают, что киммерийцы у Гомера не имеют отношения к настоящим киммерийцам, что речь идет о загробном мире². Что ж, туда тоже, по-видимому, никогда не заглядывало солнце. Однако скорее следует согласиться с теми, кто, основываясь на достоверных исторических и географических сведениях в гомеровских поэмах, склонен и в приведенных строках видеть реальный народ киммерийцев³.

Спорное сообщение Гомера не единственное, которым мы располагаем о киммерийцах. Но в целом источников не так много. Это сообщения греческих авторов, которые писали тогда, когда киммерийцы уже сошли со страниц истории. Они же сохранили нам и некоторые данные топонимики, т. е. географические названия, связанные с киммерийцами. И имеется ряд документов об участии этого народа в политической жизни Переднего Востока. Вот, собственно, и все. Что можно узнать из этих сообщений?

Греческие авторы — Геродот и Страбон, — описывая Причерноморье, сохранили нам многие названия: киммерийские переправы, киммерийские стены, область Киммерия.

Киммерийцы. Изображение на ионийском саркофаге из Клазомен, VI в. до н. э.

Киммерийский Боспор, города Киммерик и Киммерий⁴. Киммерийский Боспор теперь называется Керченским проливом, Киммерик находился на Керченском полуострове, а Киммерий — на Таманском. Страбон прямо сообщает, что «киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего Боспор был назван киммерийским». Вероятно, где-то здесь помещались и киммерийские переправы. Таким образом, вся группа приведенных названий оказывается связанной с районом Керченского пролива. Вторая область, связываемая с киммерийцами, — это река Днестр, носившая в древности название Тирас. Именно здесь, по сообщению Геродота, были похоронены киммерийские цари, которые, не желая покидать страну под натиском скифов, перебили друг друга. Дионисий (источник конца I—начала II в. н. э.) помещает киммерийцев на Западном Кавказе⁵. Однако территория киммерийцев не ограничивалась указанными районами. У Геродота читаем: «... страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам»⁶, а нам известно, что скифы широко расселились в степях Причерноморья, в частности, основной их территорией были степи между Доном и Днепром. В науке была предпринята попытка подтвердить широкое расселение киммерийцев данными топонимики. Было высказано предположение, что киммерийскими являются названия с суффиксами «сос», «тосс» и «уса»⁷, однако доказать это не удалось.

Следует сделать небольшую оговорку по поводу пребывания киммерийцев в районе Днестра. Возможно, что

упоминание Геродота о разыгравшейся здесь трагедии — междуособном сражении киммерийцев — касается не основной территории обитания киммерийцев, а мест, куда они отступили под натиском скифов.

Наконец, много географических названий, связанных с киммерийцами, сохранило нам и Закавказье, но эти данные, скорее всего, отражают уже более поздний этап истории — походы киммерийцев на Урарту и Ассирию.

Труднее определить хронологические рамки обитания киммерийцев в Причерноморье. Дата их появления нам не известна. Предполагается, что они обитали здесь длительное время⁸. Относительно их ухода имеются данные в письменных источниках: киммерийцы вытеснены скифами и, следовательно, ушли из Причерноморья примерно в VIII в. до н. э.

Об общественном строе также известно немного. Несомненно, они находились на стадии военной демократии (читатель уже знает, что это такое). Известно, что у них были вожди, которых Геродот называет царями⁹. Не один вождь, а много. Это либо совет старейшин, либо совет племенных вождей. Известно, что у них было народное собрание. Именно в народном собрании обсуждался вопрос о мерах, которые следует принять в связи с вторжением скифов. Геродот сообщает, что на этом «заседании» мнение народа не совпало с предложением вождей. Интересна одна деталь: если целиком верить рассказу, то получается, что мнение народа, т. е. решение большинства народного собрания, было не обязательно для вождей¹⁰, а это можно рассматривать как свидетельство довольно далеко зашедшего обособления «царей» (племенной знати) от основной массы населения. Последующее вторжение киммерийцев в Закавказье и нанесение сокрушительных ударов армиям государств Переднего Востока является косвенным свидетельством хорошей военной организации. Несомненно, что такие отряды не могло создавать отдельное племя, а только союз племен.

Все отдельные сведения, известные нам, относятся уже к походам киммерийцев. В Библии есть место, которое называется «Таблицей народов»¹¹. Составлена эта таблица в VIII в. до н. э. Читатель, несомненно, слышал о «всемирном потопе» и о том, что после него из всех людей уцелел только один Ной, спасшийся в ковчеге. Вот о потомках этого Ноя и повествует «Таблица народов». У Ноя,

учит Библия, было три сына — Сим, Хам и Иафет. Последний, Иафет, имел довольно многочисленное потомство — семь сыновей. Звали их Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Тубал, Мешех и Тирас. У Гомера, в свою очередь, было три сына: Ашкеназ, Рифат и Тогарма. Почему этот перечень называется «Таблицей народов» и зачем мы привели здесь родословное древо потомков Ноя? По представлению творцов Библии, все эти многочисленные сыновья, внуки и правнуки были не обычными людьми, а родоначальниками народов и по их-то именам народы и были названы. В действительности «Таблица народов» — это попытка систематизации народов, известных во время создания Библии. В приведенных именах скрыты и интересующие нас племена. Так, имя Ноева «правнука» Ашкеназа соответствует названию племени ашкуза, известного по ассирийским источникам, и скифам греческих источников. А имя «отца» Ашкеназа Гомера соответствует клинописному «Гимирраи» и киммерийцам классических авторов. Это упоминание скифов и киммерийцев считается одним из древнейших. И обратите внимание: киммерийцы являются «отцами» скифов. По-видимому, именно в такой форме отразился более ранний приход киммерийцев в Переднюю Азию. Это свидетельство уже перекликается с Геродотом, у которого скифы вторгаются в Азию, преследуя киммерийцев. Что в «Таблице народов» фигурируют киммерийцы, уже находящиеся в Закавказье, подтверждается анализом географических познаний авторов Библии. Оказывается, им не было известно Черное море и тем более ничего не было известно о населении за этим морем. Киммерийцы, следовательно, могли попасть в «Таблицу народов», только очутившись уже в Передней Азии.

Мы уже говорили, что Библия, вернее «Таблица народов», датируется VIII в. до н. э.¹² Значит в VIII в. до н. э. киммерийцы находились южнее Кавказа; но означает ли это, что они и пришли туда в VIII в.? Очевидно, они могли прийти туда и раньше. В нашем распоряжении имеется два хорошо датированных документа: это два письма, содержащих доклады ассирийских агентов и адресованных ассирийскому царю Саргону II, который правил в 722—705 гг. до н. э. В одном из них некий Ашшуррисуа сообщает: «Страна Гуриания и страна Нагиу находятся между страной Урарту и страной Гамирра.

Последняя платит дань народу Урарту. Когда народ Урарту двинулся против страны Гамирра и когда было нанесено поражение народу Урарту...»¹³. Далее текст сильно испорчен, но ясно, что следует описание войны Гамирра с Урарту. Второе письмо, составленное сыном Саргона II Синахерибом, сообщает о тех же событиях и представляет собой сводку донесений различных агентов, в том числе и уже знакомого нам Ашшуррисуа¹⁴.

Что интересно в этих письмах? Читатель, очевидно, уже понял, что страна Гамирра — это страна киммерийцев. Трудно сказать, почему Ашшуррисуа начинает свое сообщение с уточнения географического положения двух стран. Вероятно в Ассирии существовали какие-то сомнения на этот счет. А вот то, что в качестве ориентира приведены киммерийцы, уже любопытно. Вероятно, ассирийцам эта страна была хорошо известна, и местоположение ее не вызывало никаких сомнений. Чтобы создалось такое положение, киммерийцы должны были жить здесь некоторое время. И в дальнейшем тексте письма киммерийцы выступают не как вновь пришедший народ, а как государство, находящееся в определенных и, по-видимому, длительных отношениях с соседями, в данном случае с Урарту.

В науке существует точка зрения, которую мы разделяем и согласно которой первое появление киммерийцев в Передней Азии относится к довольно раннему времени. Речь в данном случае идет не о переселении всех киммерийцев, а о походах отдельной группы, осевшей в Закавказье и Малой Азии. Эти переселенцы не потеряли связи с соплеменниками, оставшимися в Северном Причерноморье, чем и объясняются культурные связи, установившиеся с этого времени между Северным Причерноморьем и государствами Малой Азии. Такие связи прослеживаются уже по археологическим материалам. Так, на Украине найдено значительное число вещей «микенского» типа из районов Эгейского моря. С конца II тысячелетия до н. э. сохранился кинжал «переднеазиатского» типа¹⁵. К этому же кругу вещей относятся бронзовые статуэтки, мечи, печати из полудрагоценных камней малоазиатского происхождения¹⁶. На основании изучения этих вещей и определяется время первого переселения киммерийцев — конец II тысячелетия до н. э.¹⁷ Предполагается также, что эта группа киммерийцев не обладала настолько крупным

Военным потенциалом, чтобы вступить в борьбу с мощными государствами Передней Азии.

Второй этап — переселение большей части киммерийцев — начинается с события уже неоднократно упоминавшегося, вторжения скифов в Северное Причерноморье. Скифы потеснили киммерийцев, и тогда они собрали то народное собрание, о котором мы уже писали. Здесь имеет смысл привести сообщение Геродота полностью (напомним, это описание входит в третью легенду).

«При наступлении скифов, киммерийцы, имея в виду многочисленность приближавшегося войска, стали совещаться между собою, и мнения их, высказанные с одинаковою настойчивостью, разделились, но предложение царей было благоразумнее: именно, по мнению народа, следовало удалиться и не подвергать себя опасности в борьбе с многочисленными войсками, а цари предлагали бороться за родину с наступающими. Однако ни народ не захотел послушаться царей, ни цари — народа; первый задумал удалиться без боя, предоставив родную землю врагам, а цари предпочли лечь мертвыми в родной земле и не бежать вместе с народом, представив себе те блага, которыми они пользовались, и те бедствия, которых следовало ожидать при бегстве из отечества. Решив таким образом, цари разделились на две части, равные по численности, и стали драться между собою. Всех царей, перебитых друг другом, киммерийский народ похоронил у реки Тираса (Днестра. — А. С.) — могила их до сих пор еще видна, — а после погребения удалился из страны, так что вторгнувшиеся скифы заняли страну, уже лишенную населения»¹⁸.

Несомненно, изложение событий в данном отрывке носит несколько легендарный характер. Удивляться тут нечего — напомним, что Геродот записал это предание не меньше чем через 200 лет после происшедшего. Хотелось бы обратить внимание на другое — явную попытку Геродота примирить одно из противоречий трех легенд. Значит, он понимал разницу между «автохтонизмом» первых двух легенд и «миграционизмом» третьей, если нашел необходимым объяснить, почему скифы считали, что до них на этой земле никто не жил. Ведь третья-то легенда этому явно противоречила! Отсюда и несколько искусственное объяснение: киммерийцы ушли сами, а скифы могли и не знать, что они здесь жили. Читатель, вероятно,

уже успел привыкнуть к тому, что почти ни одно сообщение источников не обходится без разногласий среди ученых. Имеются, конечно, разногласия и в данном случае. И поводов для сомнений хватает. Действительно, рассмотрим решение, которое предлагает «народ». Не желая вступить в борьбу со скифами, киммерийцы уходят. Было бы понятно, если бы они ушли в безлюдные районы или попытались отнять территории у более слабых соседей. Не очень похвально, с нашей точки зрения, но вполне логично. Нет, они направляются в Переднюю Азию и вступают в борьбу с наиболее передовыми и могучими в то время государствами. Не правда ли, немного странно. Поэтому правильнее думать, что основной причиной «бегства» киммерийцев явилось не вторжение скифов, а внутренние процессы общественного развития, строй военной демократии, который и раньше толкал их к походам на юг, как нам уже известно. С другой стороны, и скифов нельзя снять со счетов. Если допустить, что киммерийцы потерпели поражение, то легко понять их бегство именно на юг, ведь там они могли объединиться со своими сородичами, обосновавшимися в Закавказье. Все это объясняет противоречие, существующее в науке. Часть ученых обратила внимание на последнюю фразу приведенного выше текста Геродота. Ведь из нее вытекает, что киммерийцы и скифы не вступали в соприкосновение, хотя приход скифов и уход киммерийцев по времени совпадают. Сомнению был подвергнут последний пункт. Может быть, истина просто в том, что скифы пришли на действительно незанятую территорию, может, киммерийцы-то покинули ее задолго до прихода скифов и совсем не из-за их прихода, а увлеченные перспективами обогащения путем военного грабежа крупнейших государств Востока. Решить, кто прав, трудно. Не вдаваясь в дальнейшее обсуждение этого вопроса, будем считать, что вторжение скифов — одна из возможных причин походов («бегства») киммерийцев на юг.

Споры вызывает и вопрос о путях движения киммерийцев. Одни исследователи говорят о движении через Кавказ, основываясь на сообщении Геродота: «Киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку»¹⁹. Иными словами, скифы двигались по берегу Каспийского моря, а киммерийцы по черноморскому побережью Кавказа²⁰. Другие

полагают, что киммерийцы двигались через Балканский полуостров, а затем, переправившись через Босфор, попали в Малую Азию. При этом можно сослаться на упоминание о трерах совместно с киммерийцами, при описании взятия последними Сард — столицы Лидийского царства. Так как треры — племя фракийцев и жили на Балканах, то и путь этот в данном случае весьма вероятен. Очевидно можно допустить, что киммерийцы пользовались и тем и другим путем. Можно предположить, что после столкновения со скифами (если таковое было) они использовали обе дороги.

На пребывании киммерийцев в Передней Азии мы подробно останавливаться не будем, да и нет возможности по имеющимся источникам подробно и последовательно изложить эту историю. Уже упоминалось об отношениях киммерийцев с государством Урарту, об интересе Ассирии к этим отношениям. Нам известно и о столкновении киммерийцев непосредственно с Ассирией при Асархаддоне, правившем в Ассирии с 681 по 688 гг. до н. э. Некоторые исследователи считают, что под народом, пришедшим «от края земли», библейские авторы так же подразумевали киммерийцев²¹, т. е. что последние доходили и до Палестины. Особенно активно они действовали, по-видимому, в Малой Азии, на территории современной Турции. Геродот сообщает, что после «бегства» из Северного Причерноморья киммерийцы поселились на полуострове, где находится теперь г. Синоп²². О взятии ими Сард уже говорилось. Другой греческий автор, географ Страбон (I в. н. э.) сообщает, что они «в гомеровские времена или немного раньше опустошили набегами целую область от Боспора вплоть до Ионии»²³ (Иония это западная часть современной Турции). У Страбона же находим сведения о походах киммерийцев в Пафлогонию и Фригию²⁴. Походы эти начались на рубеже VIII—VII вв. до н. э. или несколько раньше²⁵, и особенного размаха достигли в VII в. Позднее киммерийцы не упоминаются среди существующих народов. Во время своего пребывания в Передней Азии киммерийцы столкнулись с пришедшими туда же скифами. В данном случае это подтверждено ассирийскими документами и сомнений не вызывает. Известно, что киммерийцы иногда выступали в союзе со скифами, а иногда против них, но подробности истории их взаимоотношений остаются для нас тайной.

Таковы сведения о киммерийцах (не очень надежные, как мы видим), которые можно извлечь из письменных источников. Историк, собственно, мог бы этим ограничиться, но археолог, несомненно, поставит вопрос — какая археологическая культура соответствует киммерийцам, какие памятники они оставили? Этот-то, казалось бы безобидный вопрос и является самым трудным. Если опираться на письменные сообщения, то киммерийцев никак не назовешь «окутанными мглой». Мы располагаем изображением воинов этого народа.

Есть и более таинственные народы. Письменные источники называют на нашей территории десятки племен, сведения о которых гораздо более скудны, чем изложенные в данной главе. Такой характеристикой киммерийцы обязаны прежде всего трудности ответа на тот «простой» вопрос, который только что был задан.

Где памятники киммерийцев?

Над ответом длительное время бьются ученые. Сменилось уже несколько поколений, а проблема также далека от разрешения, как и в начале. Отвергаются старые гипотезы, предлагаются новые варианты, время от времени кто-то возвращается к «опровергнутым» точкам зрения, подкрепив их новыми доказательствами, но хоть сколько-нибудь надежного решения нет. Некоторые исследователи, настроенные более скептически, даже думают, что на тех материалах, которыми сейчас располагает наука, решить этот вопрос нельзя. Надо терпеливо ждать, надо производить все новые и новые раскопки, и тогда может быть... Ну, может, что-то найдем бесспорное, что докажет убедительно одну из существующих точек зрения. Именно одну из существующих, так как, пожалуй, все мыслимые варианты решения уже перепробованы, хотя ни один и не доказан. Так, были попытки приписать киммерийцам кобанскую культуру Северного Кавказа¹, кизил-кобинскую горного Крыма, срубную и, наконец, катакомбную², с которой мы уже знакомы.

Изложить аргументацию всех гипотез в данной книге не представляется возможным, и мы остановимся только

на последней, ибо нам она представляется наиболее вероятной.

Напомним, что наиболее поздние памятники катакомбной культуры известны на Нижнем Дону, Таманском полуострове и в районе Кубани. Эти же районы, особенно последние, известны как территория, связанная с киммерийской топонимикой. Оба факта совпадают и во времени, — позднекатакомбные памятники здесь примерно одновременны сообщениям письменных источников о пребывании в этих областях киммерийцев. Думается, что такое совпадение является существенным аргументом в пользу предлагаемой точки зрения.

Очень любопытные данные дают раскопки городища Киммерика на Керченском полуострове. Это небольшой греческий город, но само его название указывает на какую-то связь с киммерийцами. Уже в 40-х годах при разведочных раскопках, в нижнем слое городища, предшествовавшем греческой колонизации, были найдены обломки глиняной посуды эпохи бронзы II тысячелетия до н. э.

Такого же типа вещи были встречены и позднее, когда в 50-х годах экспедиция Керченского историко-археологического музея начала систематические раскопки городища³. Были обнаружены кремневые наконечники стрел, обломки каменных топоров и обломки глиняной посуды с характерным узором. Всё это относится к позднему этапу катакомбной культуры. Там же, в Киммерике, посчастливилось обнаружить и другое поселение той же культуры и того же времени. На нем было расчищено несколько углубленных в землю жилищ и собран обильный материал: керамика, кремневые вкладыши от серпов, кости домашних животных⁴.

Киммерик не единственный памятник пребывания катакомбных племен в этой части Крыма. Известны поселения близ Феодосии (у сел. Щебетовки), в районе сел. Планерного⁵. К этому же времени относится глиняная статуэтка — примитивное изображение женщины с большой головой, со слегка намеченными чертами лица, небольшими выступами груди и прижатыми к животу руками. Она напоминает приписываемые киммерийцам каменные изваяния, найденные в Тиритаке. Описываемая статуэтка, вероятно, изображала богиню плодородия, которая, по сообщениям античных писателей, занимала почетное место

среди божеств, служивших предметом почитания в этих местах и позднее.

Таким образом, археологическими памятниками киммерийцев можно считать те поселения и могильники, которые археологи относят к катакомбной культуре.

Мы полагаем, что с поздним этапом этой культуры, и следовательно, с киммерийцами, связывается последний расцвет производства изделий из бронзы, предшествовавший широкому освоению железа. В настоящее время наука располагает большими коллекциями таких вещей. Впервые их выделил В. А. Городцов⁶. Среди них мы находим втульчатые топоры, известные в археологии под именем кельтов, серпы, кинжалы, копья⁷. Не описывая все вещи, найденные на Северном Кавказе и в Закавказье, следует сказать, что они широко распространены не только на территории Советского Союза, но и на Западе. По-видимому, киммерийский союз племен, возникший на рубеже двух последних тысячелетий до н. э., связал культурными узами население большей территории Европы и Азии. Многие типы строгих удил, о которых мы уже упоминали в связи с возникновением кочевого скотоводства, известны в Закавказье, Передней Азии, на Северном Кавказе, в степной Украине и в Западной Европе. Эта общность была обусловлена, в частности, и далекими походами киммерийцев в Малую Азию.

Очень интересную категорию вещей представляют металлические вазы, хорошо известные на Кавказе, в Поволжье, Приднепровье⁸ и в гальштатской культуре на Западе. Эти сосуды, довольно вычурной формы, изготовлялись из тонких раскованных медных листов, скрепленных заклепками. Общность формы и техники изготовления позволяет все их объединить в одну группу. Долгое время сосуды такого типа склонны были выводить с Запада. Недавно найденный близ Жемталы на Северном Кавказе клад бронзовых изделий, в числе которых были топоры кобанского типа и клепаный сосуд, заставил пересмотреть этот вопрос. В настоящее время можно считать доказанным появление прототипов этих сосудов на Северном Кавказе, где такая форма известна не только в металле, но и в глине. Наконец, количество вещей этого типа в разных местах тоже говорит о том, что данная группа изделий, распространившихся затем на широких пространствах Европы, происходит с Кавказа.

Нельзя не отметить здесь и глиняные вазы с поверхностью, украшенной резным орнаментом, заполненной белой пастой. Эту группу глиняных сосудов, также связывающую Западную Европу с Восточной и с Кавказом, еще не так давно считали следствием западного влияния на население Восточной Европы. Накопленный большой материал позволяет говорить об обратном влиянии, идущем с Востока на Запад. Широкий круг материалов, включающий оружие, орудия труда и бытовые вещи, распространившиеся на огромных пространствах Европы, лучше всего свидетельствует об активности киммерийского мира.

Все это значительно расширяет представления о киммерийцах, мало еще известных в науке. Если бы были только письменные источники, киммерийцев знали бы в основном как разрушителей крупных центров древней культуры и ничего нельзя было бы сказать об их вкладе в цивилизацию человечества. Мы полагаем, что киммерийский союз племен объединял не только собственно киммерийцев, но частично и соседние родственные племена.

В первую очередь это относится к таврам горного Крыма, ранняя культура которых известна в археологии под названием кизил-кобинской. Это не вариант катакомбной культуры, а именно отдельная, особая культура. Ряд черт довольно резко отличает ее от катакомбной. Но одновременно имеется некоторое родство, позволяющее считать их родственными. Это культуры одной общности. Не настаивая на полном тождестве сравнения, можно привести в качестве примера культуру украинцев и русских. Это, несомненно, два разных народа, с разными материальными культурами (имеются в виду этнографические материалы), но столь же очевидна и их славянская общность. Вероятно, нечто похожее можно видеть и в случае с катакомбной и кизил-кобинской культурами.

В настоящее время таврские племена изучены хорошо. Известны открытые и укрепленные поселения, могильники. Все эти памятники располагаются в горном Крыму, известны они и на Керченском полуострове. Наиболее ранние из них относятся к рубежу II и I тысячелетий до н. э. Несколько позднее они упоминаются в письменных источниках⁹. Позднее тавры сосуществуют со скифами и известны в Крыму до первых веков нашей эры.

В некоторых случаях в нижних слоях позднейших греческих городов Керченского полуострова обнаруживается материал, принадлежавший таврам. Так было в Нимфее, так было в уже известном Киммерике, где таврская керамика найдена вместе с катакомбной. Несколько памятников тавров обнаружено и на Азовском побережье Крыма. Укажем могильники на мысах Зюк и Казантип. Могилы тавров обкладывались каменными плитами, и этот тип погребальных сооружений получил в науке название каменных ящиков¹⁰. Существует мнение, что таврская культура Крыма имеет много общего с культурой Северного Кавказа рубежа II и I тысячелетий до н. э. Такое сходство прослеживается в типе погребальных сооружений и погребальном обряде. Таким образом часть территории тавров совпадает с областью киммерийской топонимики, что и позволяет отождествлять одну группу киммерийцев с таврами.

Мнение о тождестве тавров и киммерийцев было высказано уже давно на основании лингвистического анализа и исторических сопоставлений. Но при этом исследователи обычно полагали, что только тавры и являются киммерийцами. Мы же полагаем, что они составляли только часть киммерийцев, часть, дольше всех просуществовавшую в Северном Причерноморье. На этом и можно закончить знакомство с предшественниками скифов — киммерийцами. Но к самим скифам возвращаться еще рано: предстоит охарактеризовать еще одного предшественника.

Еще один предшественник

Вторым предшественником скифов являются племена срубной культуры, которые, как мы уже знаем, во второй половине

II тысячелетия до н. э. вторглись в степи Северного Причерноморья и вытеснили оттуда «катакомбников» (киммерийцев), после чего последние продолжали обитать лишь на границах своих бывших владений.

Срубная культура получила название, как и катакомбная, по типу могилы. В тех районах, где ее изучал В. А. Городцов и где она была впервые выделена, она характеризуется погребениями в ямах, стены которых об-

ложены деревом, т. е. сооружен сруб. Срубная культура распространена примерно на той же территории, что и кактакомбная, но границы не везде совпадают. Так, носители срубной культуры несколько дальше продвинулись на запад — стоянки и курганные погребения этой культуры находятся по обоим берегам Днестра¹. Здесь они оказываются соседями культуры Ноа, которую археологи считают принадлежавшей племенам, родственным фракийцам. Она распространена на территории румынской Молдовы, Венгерской автономной области (Румыния) и в Трансильвании; датируется XI—IX вв. до н. э. Позднее культура Ноа сменяется здесь культурой «фракийского гальштата» — IX—VIII вв. до н. э.

Севернее, в районах верхнего Северского Донца, Ворсклы и Сулы срубные племена, двигавшиеся из-за Волги в северо-западном направлении, столкнулись со встречной волной племен, двигавшихся с запада на восток². Здесь их соседями оказались племена, ранняя стадия культуры которых (XI—IX вв. до н. э.) известна в науке под названием белогрудовской, а более поздняя (VIII—VII вв. до н. э.) — чернолесской. Племена эти родственны племенам комаровской и тшцинецкой культур, распространенных в восточной Польше и западной Белоруссии. Вообще следует сказать, что эти племена в материальной культуре тяготели к населению Центральной Европы и с большой долей вероятности могут быть отнесены к праславянам. В эпоху раннего железа, т. е. во времена скифов, они известны под именем скифов-пахарей и невров³.

Названия многих культур, прозвучавшие выше, вряд ли что-нибудь говорят читателю. Все эти культуры сыграли значительную роль в предыстории скифов и занимают видное место в построениях ученых, освещающих ранние этапы их культуры.

Однако мы не будем подробно останавливаться на описании этих культур, боясь окончательно запутать читателя и затемнить основные факты.

Передвижения больших племенных групп, о которых шла речь выше, усложнили этническую карту Европы и отразились в разнохарактерных обрядах погребений на одной и той же территории, оставленных людьми, принадлежавшими к разным племенам. Не облегчает задачу археологов и то обстоятельство, что бронзовый век, особенно последняя его стадия, о которой сейчас идет речь, харак-

теризуется широкими межплеменными связями и инфильтрацией населения в соседние области, особенно в пограничных районах племен. Это приводило к культурной и этнической взаимной ассимиляции, т. е. поглощению одних племен другими. Процесс этот мог происходить только в условиях мирного сосуществования племен. Так он проходил в Крыму, на юге степного Причерноморья, в Нижнем Подонье, Приазовье и на нижнем Днепре, где пришлые срубные племена всюду вошли в соприкосновение с жившими до них племенами катакомбной культуры.

Керамический материал, весьма тонко отражающий всякого рода этнические смены и культурную ассимиляцию, указывает на смешанный состав племен катакомбной и срубной культур. Очень показательным в этом отношении погребение, обнаруженное на реке Кальмиус, где найдена позднекатакомбная керамика, типичный сверленный каменный топор с рельефным орнаментом и фрагменты глиняной посуды с орнаментом, характерным для срубной культуры⁴.

Аналогичное явление наблюдали археологи на острове Таволжном у днепровских порогов. Там, в погребении найден сосудик катакомбной культуры и наряду с ним — горшки с обычным орнаментом срубной культуры.

В результате тесных контактов остатков племен катакомбной культуры с пришельцами происходило постепенное их смешение, что привело в результате к созданию на рубеже II и I тысячелетий до н. э. более или менее однородной языковой и культурной общности. При этом победителями оказались племена срубной культуры: именно их язык и их культура оказались главенствующими. Но и культура «катакомбников» — киммерийцев — не исчезла бесследно; ее влиянию археологи приписывают некоторые своеобразные черты в срубной культуре, особенно на ее окраинах, где контакт с «катакомбниками» был особенно интенсивен⁵.

Следует еще остановиться на одном, весьма спорном, вопросе — названия племен срубной культуры. Уже бегло упоминалось, что часть исследователей считает их киммерийцами. В этом случае описание Геродотом народного собрания киммерийцев мыслится как собрание «срубников» под угрозой нашествия скифов, пришедших в VIII—VII вв. из Средней Азии. Существует и другое мнение, согласно которому собрание созывали «катакомбники» при

нашествии «срубников». Здесь «срубников» рассматривают как скифов. Читатель уже знает, что, по нашему мнению, киммерийцев следует считать носителями катакомбной культуры. Не разделяем мы и мнения о тождестве срубной культуры со скифами. Самые ранние памятники собственно скифов, значительно отличающиеся от памятников срубной культуры, появляются в Причерноморье в VII в. до н. э. Таким образом, между приходом срубных племен и приходом скифов имеется значительный хронологический разрыв, что и делает, по-видимому, невозможным их отождествление. Сообщение же Геродота о борьбе киммерийцев со скифами легко объяснимо: ведь в некоторых районах катакомбная культура продолжала существовать до прихода «срубников», а культура тавров сохранялась и значительно дольше. Что же касается срубной культуры, то в настоящее время, по имеющимся у нас данным, ее трудно сопоставить с какими-либо племенами, известными по сообщениям античных авторов.

Появление главного героя

Героем данной книги являются скифы. Именно о появлении их в Причерноморье и пойдет речь.

Мы, как и многие другие исследователи, как и первый из исследователей — Геродот, считаем, что скифы пришли из Средней Азии в VII в., может быть в конце VIII в. до н. э. Но очевидно, одной нашей убежденности мало, нужны более веские доказательства. Доводы могут быть двойные: во-первых, следует показать, что скифская культура не имеет в Причерноморье прототипов, и во-вторых, что прототипы она имеет в Средней Азии. Для ответа на первый вопрос следует сравнить культуру скифов со срубной, проследить их взаимоотношения.

Различия намечаются прежде всего в обряде захоронения. Мы уже знаем, что «срубники» хоронили в ямах, сооружая внутри сруб и насыпая затем курган. Тип могильного сооружения у скифов различен на разных территориях, но наиболее часто встречается катакомба. В других случаях встречаются большие ямы. У «срубников», за редкими исключениями, покойника клали на левый бок

в скорченном положении, т. е. с подогнутыми ногами и руками, в позе, которую иногда сравнивают с позой спящего на боку человека. У скифов же покойник, как правило, лежал на спине в вытянутом положении. У «срубников» погребенного клали головой преимущественно на север, а у скифов — на запад.

Прикладное искусство скифов, в том числе декоративные элементы, украшающие оружие, конскую сбрую и некоторые бытовые вещи, также не имеет прототипов в искусстве срубных племен.

У скифов был распространен так называемый звериный стиль, передающий зверей в полуреальной, полусказочной форме, чаще всего в движении и борьбе. У срубных племен этот стиль не известен. Скифское оружие, в частности бронзовые наконечники стрел, также не находят аналогий в срубной культуре.

Наконец, нельзя не обратить внимание на состав скифского стада: породы быков времени поздней бронзы резко отличаются от пород быков скифской эпохи. Скот срубных племен имел более крупные размеры. Историки скотоводства считают, что появление в Северном Причерноморье комолого (т. е. безрогого) и короткоголового скота связано с появлением на этой территории скифов, которые привели с собой свои стада¹.

Все эти различия весьма существенны и противоречат гипотезе о том, что скифам принадлежала срубная культура. Но существуют и некоторые элементы сходства. Прослеживаются они в керамике. Изучение форм и ornamentации скифской керамики показывает, что некоторые элементы она заимствовала от керамики срубных племен. Наконец, имеются переходные формы погребений. Есть случаи, когда погребениям, совершенным по обряду «срубников», т. е. в скорченном на боку положении, сопутствовал типичный скифский инвентарь². Как понимать эти факты?

Скифы пришли в Причерноморье, когда оно было широко обжито племенами срубной культуры. Вряд ли можно допустить, что последние были истреблены полностью. Несомненно, что часть прежнего населения осталась и подверглась ассимиляции, т. е. в культурном отношении была поглощена скифами. Отражением этого процесса поглощения, переходом остатков «срубников» к новой культуре и являются переходные погребения. В этом

же плане следует рассматривать и элементы, связывающие керамику срубной культуры со скифской.

К сожалению, ни археологи, ни этнографы не изучали с должным вниманием процесса ассимиляции, и в настоящее время нельзя сказать, как он проходит в действительности. Процесс этот, несомненно, различен в разные эпохи, при разных общественных отношениях. В процессе культурной ассимиляции может происходить смешение и заимствование как материальной культуры, так и обычаев, в частности отдельных черт погребального обряда. Когда археологи решают вопрос о сложении, происхождении той или иной культуры или народа, то наибольшее значение обычно придается украшениям и керамике. В них прежде всего сказываются традиции, переходящие из поколения в поколение, дающие материал для установления происхождения племен и народов. Однако отдельные элементы культуры могут, по-видимому, вести свое происхождение и не от предков, а от того народа, который был ассимилирован. Именно это явление мы наблюдаем, вероятно, на примере скифской керамики. Более консервативен, устойчив погребальный обряд. Здесь уже затрагивается область идеологии, религиозных представлений, и появление смешанных форм, заимствование отдельных элементов менее вероятно, хотя полностью и не исключено. В этом случае должна победить одна из двух столкнувшихся систем представлений. Как правило, такое столкновение приводит к изменению обряда захоронения одной из взаимодействующих групп. Однако именно в силу консервативности, живучести этих представлений могут одновременно длительное время существовать два обряда погребений в племенной группе, которая во всех остальных отношениях уже является единой.

В нашем конкретном случае скифы, заимствовав многие элементы в области керамики, оказались победителями в области погребального обряда. Это справедливо, по крайней мере, для основной скифской территории. Тот же процесс шел несколько иначе на периферии, где влияние скифов оказалось слабее.

Теперь рассмотрим те факты, которые указывают на связь скифов со Средней Азией.

На основе многих исследований можно считать установленным, что типичные скифские вещи в своих исходных чертах связаны с Азией. Одним из свидетельств этих

связей являются произведения скифского декоративного искусства, выраженного в наиболее ярком виде в зверином стиле.

Вопрос о происхождении этого направления в искусстве поставлен в науке давно, высказаны разные точки зрения. Но можно ли связывать скифское искусство с искусством Южной Сибири? Известно, что ранние вещи, выполненные в манере скифского звериного стиля, обнаружены в пределах степной части Украины. Напомним железный нож, найденный в скифском кургане VI в., украшенный схематически трактованной головкой лося или лошади, аналогичной сибирским прототипам. Или сибирские кельт, долото и бляшки с грифонами, обнаруженные в курганах VI в. близ Полтавы³. Эти вещи могут отражать влияние сибирского искусства на скифское или свидетельствовать о приходе скифов из Азии, откуда они принесли свои формы искусства.

В настоящее время археологи много сделали в изучении скифо-сибирского искусства эпохи бронзы и раннего железа в Сибири. Установлена генетическая связь между искусством карасукской культуры эпохи бронзы и тагарской культуры эпохи раннего железа, племена которых обитали в Южной Сибири и хорошо изучены в Минусинской котловине.

Время карасукских и ранних тагарских памятников установлено достаточно точно. Для первой стадии тагар-

Лепная скифская посуда

1, 3, 4 — чаша и черпаки из кургана у с. Рыжановки Киевской обл.;
2 — горшок из кургана у с. Гамарки Киевской обл.; 5 — горшок с Бельского
городища (собрание ГИМ)

ской культуры, одновременной скифам, характерно соединение мотивов, известных под именем карасукских и сейменских, точно датируемых самым началом I тысячелетия до н. э. VII век завершает эту стадию. При общности сибирского и европейского звериного стиля в европейском искусстве обычна несколько другая манера и подбор звериных образов. Так, например, лев в том виде, как он известен на Алтае, не встречается в европейском скифском искусстве, а скифские мастера не изображали готового к прыжку козла.

Образ хищника или козла в Сибири прослеживается с карасукской культуры до развитого раннего железного

века, когда статуарность и неподвижность ранних прототипов эпохи бронзы, переданных довольно грубо, сменяется приземистыми фигурами с подчеркнутой мускулатурой. Эволюция формы идет по пути устранения неподвижности фигуры и стремления передать животное в движении.

В тагарском искусстве Южной Сибири широко распространен образ грифона и различных хищных птиц, трактовка которых прошла тот же путь развития.

Наконец, и в Сибири и в Европейской Скифии широко был распространен образ оленя в галопе, который следует выделить в особую группу. В настоящее время такие изображения систематизированы⁴, и мы располагаем возможностью точно датировать отдельные типы, исходя из данных иконографии. Приемы передачи зверей особенно близки в ранний период, и можно предполагать, что карасукское искусство эпохи поздней бронзы и возникшее на его основе тагарское искусство уже на ранней стадии имеют все основные компоненты скифо-сибирского стиля.

В начальной стадии развития искусства раннего железного века Южной Сибири появляются и элементы орнаментального направления, которое можно видеть в кольчатом завершении лап. Это и есть зарождение ажурности и орнаментальности, составляющей одну из особенностей скифо-сибирского звериного стиля. В этом же направлении эволюционирует искусство мастеров Европейской Скифии, где ранние изображения скифских фигур с лапами, завершающимися кольцами, связаны с тагарским искусством. Поэтому есть все основания видеть в скифском архаическом искусстве дальнейшее развитие мотива кольчатого завершения лапы, возникшего в раннем тагарском искусстве. Этот мотив знаменует начало новой эры в творчестве мастеров-кочевников.

Соединение в одних и тех же образах реализма, известной схематичности и орнаментальности зародилось в Южной Сибири и в дальнейшем получило несколько иное развитие на европейской почве, куда оно попало вместе с переселившимися племенами. Исходным явилось искусство племен Южной Сибири и Средней Азии, где прослеживаются основные черты, которые встречаются затем в скифском искусстве: неподвижность фигур, подчеркивание мускулатуры, иногда в виде спирали, ажурность, кото-

рую первоначально можно проследить в виде кольчатости, образ свернувшегося в круг зверя. Все это роднит скифское искусство с ранним искусством Южной Сибири.

Связь европейской степи с Сибирью прослеживается не только по данным прикладного искусства, но и по другим категориям материалов. Здесь можно перечислить ранние типы⁵ костяных и бронзовых стрел, идущие с востока, из степей Казахстана и Южной Сибири. В степной полосе Причерноморья такие наконечники найдены, например, в кургане Малая Цимбалка⁶. Многие типы ножей, кинжалов, кельтов, бронзовых котлов и удил являются общими как для Южной и Западной Сибири, так и для Восточной и Центральной Европы⁷. Если не принимать во внимание сходство скифской и срубной керамики, а учесть комплекс скифских вещей и обряд захоронения, несходный со срубным, можно видеть в скифах пришельцев из Азии, где они жили в окружении таких скифообразных племен, как население Алтая, саки (принимаемые античными авторами за скифов) и массагеты, которые, если прав Геродот, были причиной вынужденного ухода скифов из Азии.

Этот же взгляд господствовал у греческих ученых древности и значительно позднее. Так, автор I в. до н. э. Диодор Сицилийский, хорошо знавший более ранние произведения, отмечает, что скифы первоначально занимали территорию по реке Араксу (по-видимому, современная Сыр-Дарья), а затем захватили страну к западу от Танаиса (современный Дон)⁸.

Точку зрения древних историков разделяют и многие современные исследователи⁹, разделяем ее и мы.

Причина бесконечных споров

Итак, мы рассмотрели вопрос о происхождении скифов. Знаем и о столкновении их с киммерийцами, познакомились в общих чертах с походами скифов в Переднюю Азию. Иными словами, мы проследили самое начало их истории, но прежде, чем продолжать ее изложение, следует остановиться еще на одной проблеме, вызывающей бесконеч-

ные споры среди ученых. Проблема эта носит название: этнокарта Геродота.

Скифы не были едины, они делились на племена или племенные группы, каждая из которых имела свое особое название. Отличались они и образом жизни, и хозяйством. Кроме того, скифы жили не в изоляции, а имели соседей, с которыми их связывали разнообразные отношения. Очевидно, понять полностью историю скифов, оторвав их от соседей, от конкретной исторической обстановки, невозможно. Геродот оставил нам описание Скифии, описание отдельных скифских племен и их соседей. Древние авторы, и Геродот в том числе, разумели под Скифией не только территорию, занятую собственно скифами, но большую территорию примерно между Дунаем, Черным морем и Доном, а на севере до пределов, где еще обитали племена, известные ученым по рассказам. Описание этой огромной области и ее населения дает Геродот. Это Европейская Скифия, но была еще и Скифия Азиатская, которая начиналась за Доном, служившим в те далекие времена границей Азии и Европы. Геродот дает описание и Азиатской Скифии. Нам, казалось бы, остается только познакомиться с этим описанием. Но при чем же тогда «бесконечные споры»? Что вызывает разногласия ученых?

В V в. до н. э., когда писал Геродот, география еще не была точной наукой, как сейчас. Градусная сетка была изобретена гораздо позднее, а точные карты появились, можно сказать, совсем недавно. Поэтому все описания стран в древности давались приблизительно. Кроме того, Скифия была окраиной тогдашнего цивилизованного мира, и грекам знакома мало. Неточности и ошибки в описании Геродота породили целую группу трудно разрешимых вопросов. А где неясности, там и разногласия ученых. Ученые спорят о том, как разместить на современной карте племена, описанные Геродотом. Но это только первая часть проблемы. Многолетние раскопки археологов позволили постепенно создать другую карту — карту археологических культур. То, что эта карта еще далека от завершения, отнюдь не облегчает дела. С этой картой связана вторая группа вопросов, вторая группа разногласий: ученые спорят о том, какие археологические культуры соответствуют названным Геродотом племенам. И, наконец, третья причина для споров: Геродот не везде ясно указал, какие

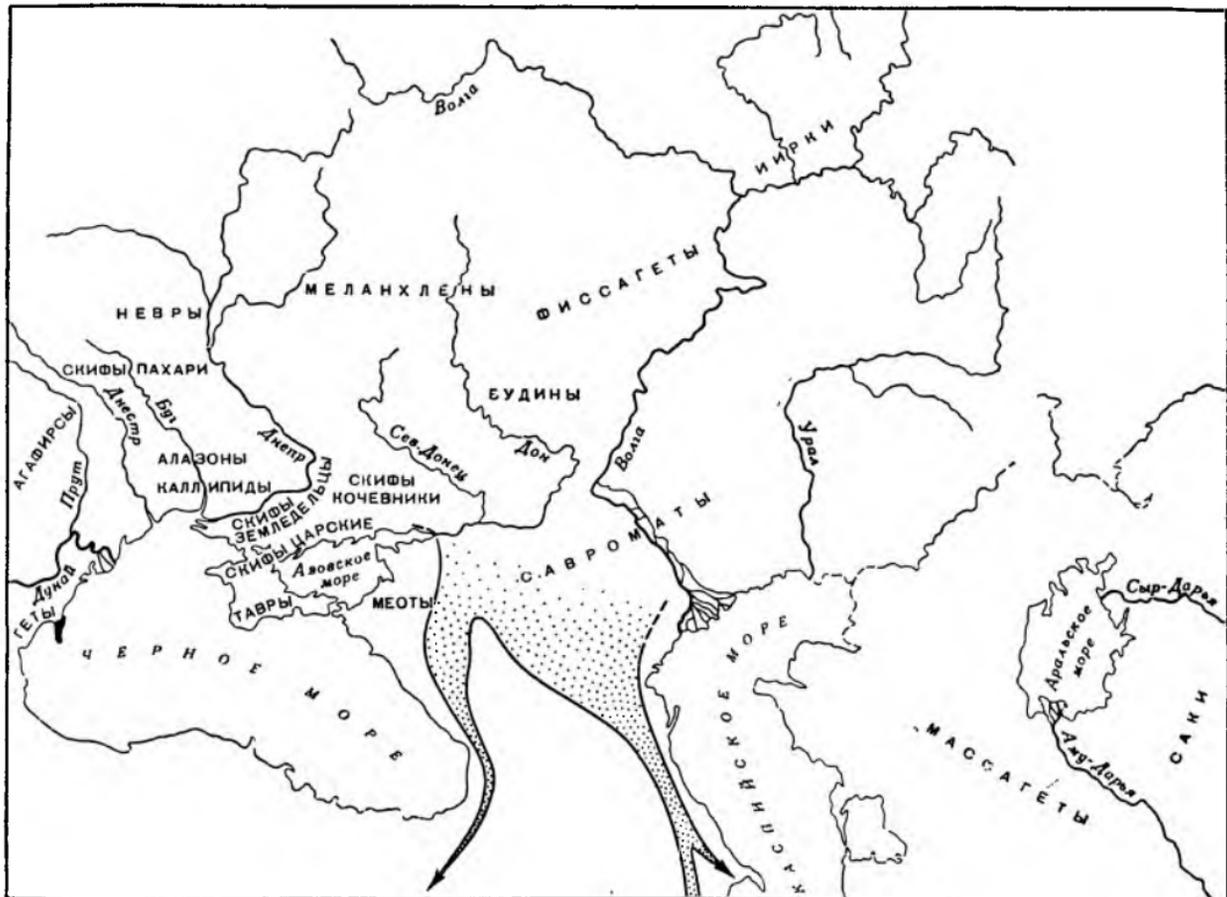
племена он считает скифскими, а какие нет. И ученые спорят: кого считать собственно скифами, а кого — их соседями.

Как видите, причин для разногласий более чем достаточно. Сейчас существует много вариантов этнической карты Скифии и трудно сказать, который из них ближе к истине. В этой главе и трех последующих мы собираемся ознакомить читателя с одним из таких вариантов, который, как нам представляется, наиболее достоверен. Для облегчения ориентировки предлагается карта.

Геродот, собирая материал для своей книги, совершил путешествие в Северное Причерноморье в город Ольвию, которая находилась на берегу Буго-Днепровского лимана. Беседы с местными жителями — греками и скифами — по-видимому, легли в основу тех сведений, которые он нам сообщает. Естественно поэтому, что окрестности Ольвии он знает лучше всего, а чем дальше от Ольвии, тем сведения его неопределеннее. Это надо учитывать.

Уже из самих названий ясно, что Геродот считал скифами скифов-кочевников и царских скифов, а также скифов-земледельцев и скифов-пахарей. К скифам же он относит каллипидов и алазонов.

К северу и северо-западу от Ольвии обитали каллипиды, известные также под именем элино-скифов. Раскопки, проведенные в низовьях Днепра (в то время он назывался Борисфеном), открыли ряд поселений, в большинстве своем относящихся ко времени несколько более позднему, чем то, о котором сообщает Геродот. Найденный на поселениях материал свидетельствует о смешанной греко-скифской культуре. Среди населения, по-видимому, жили и выходцы из греческой Ольвии. Большинство поселений каллипидов расположено в малодоступных местах, часть из них имеет укрепления в виде рва и вала¹. Внутри укреплений располагались жилища. Наиболее ранними из них были землянки, в которых встречались очаги, а рядом с землянками найдены зерновые ямы и ямы для хранения других продуктов. Несколько позднее место землянок заняли наземные жилища. Их строительная техника во многом аналогична строительным приемам античной Ольвии. Каменные стены домов возводились на глиняном растворе, в других случаях глинобитные стены ставились на каменном цоколе. Фасад здания сооружался из хорошо

Карта Скифии

подогнанных камней. Часто стены возводились на подкладке из чередующихся слоев золы и глины, как это делалось и в Ольвии. Кровли покрывались черепицей или делались из камыша и обмазывались глиной. За счет греческого влияния следует отнести и такой способ сооружения стен, когда возводились две тонкие параллельные кладки, а промежуток между ними заполнялся бутом.

Материал, найденный в раскопках, делится на две группы: скифский и античный. В первой группе находится лепная скифская посуда, во второй — греческая гончарная, среди которой много амфор. Когда знакомишься с жилищами и другим материалом этих поселений, имеющих полугреческий, полускифский характер, то невольно вспоминаешь сообщение Геродота, называвшего каллипидов скифами-эллинами. Основным занятием их было земледелие; археологи находили зерна пшеницы, вики, ржи и проса. Известны зернотерки, серпы, каменные ступы того типа, который был распространен у греков. При большом развитии земледелия здесь обычны зернохранилища в виде ям усеченно-конической формы. Стенки их, как правило, обмазаны глиной, горловины сделаны из камней. В береговой части поселения Широкая Балка открыто большое число зерновых ям. Возможно, что это свидетельствует о товарном хозяйстве у каллипидов.

Кроме того, каллипиды занимались огородничеством, скотоводством, рыболовством и охотой. Однако охота, по-видимому, не играла сколько-нибудь значительной роли.

Особо следует отметить значение рыбного промысла, о чем свидетельствуют многочисленные грузила от сетей, и остатки производственной печи особого типа на городище Дедова Хата с огромным количеством рыбьей чешуи и костей². О вывозе рыбы из Северного Причерноморья в Грецию говорят и античные авторы.

Погребальные комплексы почти не представлены. Лишь очень небольшой материал известен из могильника у с. Аджигал. Здесь были найдены литейные формы, принадлежавшие, по-видимому, ремесленнику-металлургу.

Поселения Нижнего Днепра были тесно связаны с Ольвией общностью экономических интересов. Их жители, каллипиды, в значительной мере вели свое хозяйство

в расчете на экспорт. Этим объясняется тот факт, что среди материалов, находимых на поселениях Бугского лимана, встречается немало ольвийских монет, свидетельствующих о налаженных торговых отношениях. Наиболее поздние из исследованных поселений относятся ко II—I вв. до н. э.

Ту же картину наблюдают археологи и на запад от Южного Буга до Днестра. На территории днестровского побережья встречаются поселки смешанного скифо-греческого населения.

В этом отношении заслуживает внимания поселение у с. Николаевка Одесской области³, в результате раскопок которого были выявлены жилища полуземляночного типа с глинобитными стенами и кладовые. Много греческой чернолаковой посуды и амфор. Близость таких городов как Ольвия, с одной стороны, и Тира (в устье Днестра), с другой, и обусловили смешанный греко-скифский характер культуры.

При современном состоянии науки реку Днестр (в то время Тарос) можно считать границей расселения скифов; на западном берегу жили геты. В Западной Подолии известны поселения с наземными жилищами и землянками скифского времени. Встречаются погребения с трупосожжениями. Эти племена по культуре близки населению лесостепного Поднепровья, несмотря на сильные западно-фракийские элементы. Лесостепная Молдавия в VII—V вв. до н. э. была тесно связана с лесостепным Поднепровьем. Влияние степной Скифии прослеживается там слабо. О проникновении туда скифов можно судить по погребениям скифского типа в степной Молдавии. Исследованные здесь подкурганые захоронения в катакомбах напоминают катакомбы степного Поднепровья и датируются IV—III вв. до н. э. Основное местное население Молдавии скифской эпохи, по-видимому, было известно Геродоту под именем агафирсов.

Севернее каллипидов обитали алазоны. Геродот отмечает, что каллипиды и алазоны ведут такой же образ жизни, как скифы. Они сеют хлеб и употребляют его в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо. К северу от алазонов Геродот помещает скифов-пахарей, сеющих хлеб не для собственного употребления, а для продажи. Выше их живут невры. К северу от них пустыня. Народы эти живут вдоль реки Гипаниса (Южный Буг) к западу от Борисфена (Днепра).

Археологи достаточно хорошо изучили племена скифов-пахарей. На их территории еще в XIX в. были изучены городища и много курганов. Советские исследователи значительно обогатили наши знания, осуществив новые раскопки и написав ряд обобщающих работ. В настоящее время хорошо известны большие городища, окруженные мощной оборонительной системой, указывающей на напряженные межплеменные отношения. Весь археологический материал, обнаруженный в Киевской и Черкасской областях Украины, свидетельствует об оседлом образе жизни племен, основным занятием которых было земледелие и скотоводство. На высоком уровне стояла обработка железа и меди. Есть все основания полагать, что металлургия была в руках мастеров, которые готовили изделия не только на свою общину, но и на соседние. Остальные виды занятий, как-то: изготовление посуды, одежды, обработка кости и дерева находились на стадии домашнего ремесла. Из городищ широко известны Немировское, Матронинское, Пастерское, Шарповское, возникшие уже в VI в. до н. э.

На Пастерском городище археологи открыли жилища в виде прямоугольных, слегка углубленных в землю полуземлянок размером 10—12 м², с глинобитными печами. Такой тип жилищ в лесостепной области сохранялся в продолжение весьма долгого времени. Среди найденных предметов большое внимание археологов всегда привлекала привозная греческая посуда и металлические изделия. Они важны не только как свидетельства налаженных торговых отношений, но и как материал, по которому можно устанавливать даты. За расписную греческую посуду, за золотые и бронзовые украшения местные племена должны были расплачиваться продуктами собственного производства. И хлеб в этом обмене играл немаловажную роль.

Все данные, которыми располагает в настоящее время наука, позволяют прийти к выводу, что у местных племен в результате развития производительных сил, в том числе обработки металла, пашенного земледелия и других, шел процесс распада родовых отношений. А широко развитая торговля с греческими колониями побережья Черного моря содействовала усилению этого процесса. Социальные сдвиги у племен приднепровского правобережья нашли отражение в погребальном обряде. Отмечается

большое разнообразие в погребальных сооружениях: деревянные сооружения на столбах в ямах, имитирующие жилища, простые могильные ямы и катакомбные, захоронения на древнем горизонте и в насыпи курганов. Кроме обычных труположений, имеется много трупосожжений⁴. Все это свидетельствует, по-видимому, не только о социальных различиях в обществе, но и о смешанном этническом составе населения правобережья среднего Днепра.

Погребальный обряд с трупосожжениями также различен. Погребения с трупосожжением встречаются в насыпи курганов, в ямах, где происходила кремация, а иногда остатки сожжения укладывались в урну.

Трупосожжения скифского времени под курганами восходят к эпохе поздней бронзы, к чернолесской культуре. Выше было отмечено, что носители чернолесской культуры в основном были связаны с тем массивом племен Центральной Европы и Западного Приднепровья, где происходил процесс формирования праславян.

Особо следует сказать о погребениях в катакомбах, присущих главным образом населению степного Приднепровья. Катакомбы лесостепного Приднепровья имеют некоторое отличие от степных. Это отличие заключается в расположении самих катакомб и в отсутствии дверей⁵.

Число катакомб не особенно велико и основная их масса расположена в районах, граничащих со степью. По-видимому, этот факт указывает на проникновение степного населения в лесостепь. Ряд переходных форм погребений и погребальных сооружений мог сложиться в процессе взаимной ассимиляции аборигенов и пришельцев.

Однако мы полагаем, что основная часть населения скифского времени обитала здесь со времени бронзового века. Это подтверждается обрядом ранних трупосожжений под курганами и погребений в скорченном положении на левом боку, с руками, сложенными около лица. Но такой обряд в скифскую эпоху довольно скоро перестал существовать. Было бы неправильно, как это иногда делают историки, приписывать скорченные погребения зависимому населению (рабам), ибо еще в самом конце бронзовой эпохи скорченные погребения встречались довольно часто.

Картина смешанного состава населения осложнялась проникновением с запада группы населения, которая впоследствии стала господствующей, приведя к образованию так называемых культур «полей погребальных урн»⁶. Инфильтрация началась в конце эпохи бронзы и продолжалась в скифское время, вплоть до рубежа нашей эры. «Поля погребальных урн» исследователи приписывают славянам.

Праславянская основа культуры скифов-пахарей, будучи родственной пришельцам, облегчала их проникновение в Приднепровье. Правда, существует и другая точка зрения: некоторые исследователи думают, что зарубинецкая культура, представляющая здесь «поля погребальных урн», возникла непосредственно из местной культуры скифского времени⁷.

Скифское время было временем распада родовых отношений и формирования классов. Поэтому мы вправе ожидать своеобразия не только в погребальном инвентаре, отражающем экономическое и общественное положение погребенного. В правобережном Среднем Приднепровье археологи сделали ряд интересных наблюдений. Так, например, в группе по реке Рось умерших рядовых членов племени хоронили по обряду трупоположения в неглубокой могильной яме, иногда с несложной деревянной конструкцией, членов же аристократических слоев общества — сжигали⁸.

В курганах по реке Тясмин наиболее характерной чертой обычных рядовых погребений были захоронения на уровне материковой породы. Иногда беднейшие члены рода хоронили своих умерших под одной насыпью⁹. Иначе хоронили богатых членов племени — знать. Их погребения отличаются сложными сооружениями, богатыми инвентарем и конскими захоронениями с богатой сбруей.

Что же находят обычно в могилах этой области? В погребальном инвентаре встречаются мечи, боевые топоры, клевцы, а также панцири и шлемы греческой работы, немало прекрасной греческой керамики. Уздечный набор встречается и с погребениями лошади, и без нее. Это бронзовые и железные удила и много разных металлических украшений уздечки. Женские захоронения сопровождаются разного рода украшениями: серьгами, браслетами, бусами, зеркалами. Здесь нередки предметы, укра-

шенные в скифском зверином стиле. За последние годы были открыты богатые захоронения воинов вместе с рабами и наложницами.

Свободных женщин хоронили в курганах, насыпанных для мужских погребений, что свидетельствует, по-видимому, о патриархальных отношениях.

Особую группу составляют захоронения молодых женщин, в могилах которых, помимо обычного женского инвентаря, находилось оружие. В одних случаях это только несколько стрел, в других — полный набор вооружения: колчан, два копья и нож¹⁰. Особенно интересно захоронение, по-видимому, жрицы в кургане № 66 между деревнями Бобрица и Студенец на берегу старицы Днепра. В кургане, высотой 5,5 м, было открыто сооружение, содержащее захоронение и остатки тризны (погребальной трапезы). На глубине 1,5 м был открыт слой белой глины и слой досок. На этой же глубине найдены пепел и обломки греческой амфоры. Под курганной насыпью открылись четыре ямы: одна с останками людей, вторая с конем и две пустых. Само погребение находилось в узкой длинной яме (4 × 1 м). На полу, покрытом досками, стоял гроб с костяком, положенным на спину, головой на северо-запад. Кругом находилось пять костяков. Костяки, положенные сбоку, лежали, по-видимому, в скорченном положении. Возле покойников, лежавших около гроба, вещей не было. Иной характер имело погребение в гробу. Вещевой комплекс при похороненной был богат и разнообразен. В головном конце находился греческий сосуд для питья — килик. На дне его лежали золотые пластины с изображением грифонов. Там же, в головах стоял греческий сосудик для косметики — лекиф с изображением летящего Эрота. Слева лежало зеркало и стоял греческий сосуд для воды — гидрия. На шее было ожерелье из золотых бус и пластин. На груди костяка были бронзовые булавки, а на локтевых костях бронзовые браслеты, украшенные на концах головками зверей в обычном скифском зверином стиле. На ногах были бронзовые браслеты. У плеча стояло бронзовое блюдо. На поясе лежал нож с костяной рукояткой и рядом — уздечный набор. Около кисти правой руки стояло блюдо овальной формы из песчаника. Греческие сосуды дали возможность археологам точно датировать погребение V в. до н. э. Этот курган находился в центре курганной группы, рядом с богатым

1

2

3

4

Золотые украшения из кургана племенной аристократии

1 — ожерелье; 2—4 — пластины с изображением головы хищной птицы или грифона (близ с. Аксютинцы, Сумской обл., раскопки Д. Я. Самоквасова, собрание ГИМ)

курганом, который выделялся не только размерами, но и богатым инвентарем, принадлежавшим, по-видимому, вождю племени. Описанный курган № 66 не совсем обычен. Погребение женщины сопровождал конь с богатой уздечкой, что говорит о ее принадлежности к аристократической верхушке племени. Считают, что найденное блюдо (по аналогии с савроматскими захоронениями) принадлежало жрице. Погребения женщин с оружием, открытые на Днестре, не могут свидетельствовать о матриархате, или о его пережитках. По-видимому, здесь высокое положение женщины объясняется не пережитками, а той обстановкой, которая возникла в связи с уходом взрослых мужчин в завоевательные походы, а на долю женщины пала обязанность не только вести хозяйство, но и охранять свое имущество, свой кочевой дом. Поэтому женщина имела оружие, поэтому в обществе она пользовалась значительным пиететом. Захоронения рабов вместе с представителями богатых родичей свидетельствуют о складывающихся классовых отношениях¹¹. Население лесостепного Приднепровья, по-видимому, входило в состав скифского рабовладельческого государства, о чем свидетельствует проникновение степняков на его территорию, и неизбежно должно было переходить от родоплеменных отношений к установлению государственной организации.

В настоящее время курганы правобережного Поднепровья делятся и на хронологические и на территориальные группы, отличающиеся некоторыми деталями обряда захоронения, обусловленными племенным различием.

Левобережье Днестра являлось основной территорией Скифии. Геродот говорит, что на левом берегу Борисфена (Днестра), находится земля Гилея, выше которой живут скифы-земледельцы, занимающие пространство на восток на три дня пути до реки Пантикапа и к северу на одиннадцать дней пути. Характеристика скифов-земледельцев, данная Геродотом, крайне скупа и, кроме границ области их расселения, не всегда ясно описанных, мы ничего не знаем. Лишь археологические исследования дали возможность представить их культуру и наметить территорию, занимаемую ими. И тем не менее граница, разделяющая территорию скифов-кочевников и земледельцев остается неясной до настоящего времени. Основной причиной такого положения, мы полагаем, является тот факт, что скифы-земледельцы, известные Геродоту в качестве осед-

лых племен, в недалеком прошлом вели кочевой образ жизни.

Поселения скифов-земледельцев в области левобережья немногочисленны. К ним можно отнести поселение у сел Лепетиха и Любимовка, последнее с мощной оборонительной системой. Они дали большой и интересный материал скифского и греческого производства.

Однако наиболее интересным, грандиозным и богатым по содержанию материала является Каменское городище¹⁷.

Городище расположено против города Никополя, на левом берегу Днепра. Раскопки обнаружили большое число жилых сооружений на столбовом каркасе. Это многокомнатные дома с двускатными кровлями. Были открыты и землянки, принадлежавшие, вероятно, рядовому ремесленному населению. Аристократия жила, возможно, в каменных зданиях, от которых сохранились развалы камней. По материалам раскопок можно судить о высоком уровне развития ремесла в городе. Были обнаружены остатки металлургического, в том числе кричного, кузнечного и литейного, производства. Большую ценность представляет инструментарий мастеров. Раскопки позволили опровергнуть твердо установившееся мнение об отсутствии земледелия у населения левобережного Поднепровья. Здесь были найдены бывшие в употреблении серпы и зернотерки. Большое число импортных вещей достаточно ясно говорит о торговом значении этого города, относящегося уже ко времени сложения и развития скифского рабовладельческого государства.

Северней, в лесостепной области культура скифов-земледельцев хорошо известна. Здесь открыты могильные памятники и поселения. К числу городищ, имеющих огромное научное значение, относится Бельское городище, раскопки которого были начаты еще до революции и продолжаются до настоящего времени. В своем первоначальном виде Бельское городище представляло собой два укрепленных пункта. По-видимому, несколько позднее значительная территория была обнесена валом. Так было создано укрепленное убежище, куда скрывалось в случае опасности местное население, жившее в окрестных неукрепленных поселках. Таких открытых поселений на одной реке Ворскле известно более полусотни. На них, как и на Бельском и других городищах, открыты наземные дома, иногда слегка углубленные в почву, и землянки с глинобитными печами.

Городища с подобными жилищами известны и по реке Суле. Как можно судить по найденным материалам, основой хозяйственной жизни являлось плужное земледелие, причем наряду с плугом, по-видимому довольно примитивным, употреблялись и мотыги. Все немногочисленные, известные нам в настоящее время земледельческие орудия достаточно убедительно свидетельствуют о высоком уровне техники земледелия. Было развито и пастушеское скотоводство. В числе домашних животных были крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья.

Подсобным занятием была охота, а по берегам рек — рыболовство. Как можно судить по анализу железных вещей, местные металлурги достигли высокого мастерства. Они изготавливали вещи из простого железа, знали цементацию и приготавливали ножи и серпы из чистой стали¹³. Возможно, что металлургическое производство в это время превратилось в ремесло со сбытом продукции за пределы общины. Все остальные занятия носили семейно-натуральный характер. Каждая семья производила глиняную посуду и ткани. Большую роль играли в хозяйстве вещи, приготовленные из кости. Охотники сами резали и стрелы, и рукоятки ножей, и детали ткацких станков, и т. д.

Население лесостепи левобережной Украины находилось в тесных культурных связях с тогдашними центрами цивилизации и прежде всего с греческими колониями Северного Причерноморья. Отсюда привозили вино, судя по большому числу обломков амфор, богатые расписные сосуды, часть которых восходит к VII в. до н. э. (ионийская посуда с Бельского городища), а также золотые украшения и античные бронзовые зеркала.

Это население было на одном уровне общественного развития с соседними скифскими племенами. Здесь уже выделилась родовая аристократия, владевшая рабами и богатым имуществом. В этом раннем обществе каждый мужчина являлся воином, что соответствует, по Энгельсу, обществу военной демократии. Во главе общин стояли вожди, которых после смерти хоронили с большими почестями и пышностью. Над ними насыпали большие курганы, а в могилы клали богатый инвентарь.

Скифы-земледельцы левобережья лесостепного Днестра принадлежали к другим племенам, чем их соседи; об этом можно судить по характеру погребальных сооружений.

В бассейне реки Сулы покойников хоронили в прямоугольных ямах, ориентированных с севера на юг, под курганной насыпью. В ямах устраивались склепы из деревянных срубов или со стенами из вертикальных бревен, закрепленных нижними концами в канавах. В небольших курганах, принадлежавших бедным родичам, ограничивались покрытием ям деревянным настилом. Иногда умерших хоронили в насыпи старых курганов, устраивая для этого деревянные склепы. Можно думать, что эти впускные, как их называют археологи, погребения принадлежали родственникам погребенных в основной могиле.

Покойника обычно клали на спине, в вытянутом положении, головой на юг. Иногда встречаются парные погребения, в таких случаях женский костяк обычно находился слева от мужского. Иногда дно могилы покрывали золой или красной краской, которые символизировали огонь. Над деревянным покрытием могилы наблюдались остатки тризны.

Кроме обычного труположения, под курганной насыпью встречаются также остатки трупосожжения.

На Ворскле погребения в деревянных склепах, как правило, не встречаются. Здесь характерной чертой является покрытие пола лубом или деревом. Ямы имеют закругленные углы. Встречаются погребения в скорченном положении, так же, как здесь хоронили и в эпоху бронзы.

Этот обряд в силу непонятных причин сохранился и в эпоху раннего железа. Встречаются и сожжения, причем кости человека сложены в урну. Весьма возможно, что кремированные остатки здесь, как и на Суле, принадлежат племенам, проникшим с запада. В лесостепной части, как и всюду в Скифии, встречаются памятные курганы, не содержащие никаких погребений. Такие курганы, насыпавшиеся в память лиц, погибших вдали от родины, называют кенотафы. В памятные курганы также клали различные вещи. С воинами полагалось оружие: боевые топоры или секиры (знаки власти), копья, короткие мечи (акинаки), панцири. В богатых могилах встречаются наверхья от балдахина и уздечный набор.

В женских могилах часто встречаются украшения. Заслуживают быть отмеченными поножья, которые изредка попадают в могилах мужчин. С покойниками клали жертвенную пищу, обычно в лепных сосудах. В более

позднее время местная лепная керамика заменялась греческой привозной посудой.

Примером богатого погребения, принадлежавшего представителю родовой знати, может служить Старшая могила близ с. Аксютинцы Сумской области. Этот курган, выделяющийся из числа прочих своими размерами, был окружен валом и рвом. Под насыпью находилась громадная яма, в которой был сруб на четырех столбах, расположенных по углам, имевший деревянное перекрытие. В углу ямы стоял большой глиняный сосуд, рядом лежал череп свиньи и кости телят с ножом, находившимся между ребер животного. Напротив, в другом углу обнаружена конская сбруя: уздечки с железными, костяными и бронзовыми псалями и ворворками для кистей. У южной стены был уступ, на котором лежали бронзовые навершья, колчан и лук. Рядом с костяком, среди вещей находилось большое число бронзовых и костяных наконечников стрел, удила, короткий акинак (меч) и другой меч около 75 см длины, с остатками ножен, украшенных бронзовыми накладками. Тут же был панцирь и железные топоры. В той же Аксютинской курганной группе, но в другом кургане, было обнаружено погребение наложницы¹⁴. Под насыпью находились две могилы. Одна, впускная, содержала два костяка, мужской и женский. При мужском костяке лежало вооружение: меч с ажурной ручкой, секира, панцирь с поножами, колчан с сотней стрел. При женском костяке была обнаружена золотая серьга, ожерелье из золотых бляшек с изображением сфинкса, золотые бусы. На обеих руках браслеты, состоявшие из золотых бус. Ноги украшали массивные бронзовые браслеты. В ногах лежало бронзовое зеркало с ручкой, украшенной головой барана. В углу гробницы стояла греческая амфора и часть туши лошади, от которой сохранилась кость. При раскопках было установлено, что голова женщины пробита со стороны лба железным гвоздем, который лежал здесь же. В данном погребении перед нами представитель рабовладельческой знати и, надо полагать, убитая наложница.

В заключение следует отметить, что население было этнически смешанным и по культуре близко населению правобережья лесостепного Приднепровья. Исследователи отмечают проникновение населения с правобережья Днепра. В культуре курганов IV—III вв. до н. э. про-

Золотой гребень из кургана Солоха
(собрание Эрмитажа)

слеживаются признаки влияния латенской (кельтской) культуры, которая занимала в это время территорию Центральной Европы. Заметно также значительное влияние Кавказа. Большое число золотых вещей из курганов знати производилось, очевидно, в пантикапейских мастерских.

К концу скифского времени, скорее всего в сарматский период, увеличивается число трупосожжений, что может быть связано с проникновением населения из правобережного Приднепровья. Население, оставившее нам курганы с трупосожжениями, по-видимому, ассимилировало местное население.

Геродот в «Истории» сообщает, что к востоку от скифов-земледельцев селились скифы-кочевники, основным занятием которых было скотоводство. Они занимали территорию к востоку на четырнадцать дней пути до реки Герра¹⁵.

**«Считающие
прочих скифов
своими рабами»**

За рекой Герром лежит область царских скифов, которых Геродот величает храбрейшими и многочисленными, считающими прочих скифов своими рабами.

Их территория на юге простирается до Таврики (Крыма), на востоке частью доходит до реки Танаис (Дона)¹. К северу территория царских скифов распространяется до территории меланхленов², путь до которых, считая от моря, тянется двадцать дней³. Так как Геродот довольно туманно определил племенную границу скифов, в позднейшей историографии по этому вопросу возникли различные взгляды. Этот вопрос оказался настолько трудным и сложным, что и среди советских археологов и историков в настоящее время нет единого мнения. Решение этого вопроса зависит от осуществления широких и массовых археологических исследований. И в этом отношении многое уже сделано. Накопился и продолжает накапливаться большой археологический материал, с помощью которого, несомненно, удастся решить эту сложную проблему.

Обратимся к анализу некоторых исследованных археологами памятников. Наиболее ранним, представляющим большой интерес, является курган, раскопанный в 1868 г. у с. Большая Белозерка⁴, под названием Малая Цимбалка. Он насыпан еще в эпоху бронзы. В нем оказалось впускное скифское погребение VII в. до н. э., в котором обнаружен один костяк со скифскими стрелами, конским убором и керамикой.

Ранним также является впускное погребение в кургане бронзовой эпохи около Нижних Серогоз, с ямой четырехугольной формы, имевшей катакомбу в южной стене, где лежал костяк головой на запад. При погребении были найдены скифские стрелы VI в. до н. э. и любопытное костяное навершие в виде птичьей головы, разрисованное стилизованными изображениями птичьих же голов. Это навершие выполнено в манере раннего звериного стиля и может быть сопоставлено с такими ценными произведениями прикладного искусства, как навершие из келермесского кургана на Кубани.

К ранним скифским курганам относится и Острая Томаковская могила, расположенная в Днепроградской области. Этот курган, около 5 м высоты и 60 в диаметре, относится к эпохе бронзы, скифское же захоронение явля-

Вещи из погребений вождей

1 — золотая фигурка птицы из Мелышовского кургана (собрание Эрмитажа);
 2, 3 — рукоять меча из царского погребения из Чертомлыцкого кургана (собрание Эрмитажа);
 4 — обкладка меча из Келермесского кургана Краснодарского края (собрание Эрмитажа)

лось впускным. При кладоискательских раскопках там был найден комплекс скифских вещей VI в. до н. э., в их числе имеется обкладка рукояти меча с бабочковидным перекрестьем, два фрагмента золотой облицовки ножен и пластинчатое кольцо, украшенное треугольниками, заполненными эмалью. Обкладка верха ножен орнаментирована двумя фигурами свернувшихся хищников, выполненных в характерной ранней манере. Хищники раскрыли пасть, их хвосты заканчиваются птичьими головами.

Таких ранних скифских погребений археологам известно очень немного, и почти все они оказались впускными в курганы эпохи бронзы.

К концу V и к IV—III вв. вокруг отдельных скифских курганов вырастают большие могильники с захоронениями рядового населения. Умерших хоронили вытянуто на спине, головой на запад, в подкурганых ямах, ориентированных длинными сторонами по линии восток—запад. Многие могилы имели деревянные полы и настилы над ямами.

В VI в. появляются катакомбы, ставшие в IV—III вв. основным типом могил. С этого времени с покойниками стали класть большой набор вещей, ценность и количество которых зависели от знатности умершего.

Особенно богатыми становятся скифские курганы в IV—III вв. до н. э., когда скифское государство достигло высшего расцвета. Огромные и богатые курганы этого времени вошли в науку под именем царских курганов.

Таковы всемирно известные курганы Чертомлык, Солоха, Александровский, Мелитопольский и многие другие.

Весьма сложным по своему устройству оказался курган Чертомлыцкий, который расположен в правобережной части Днепра. Там, под насыпью высотой 19 м, на уровне почвы было открыто несколько погребальных ям с большой центральной ямой. В боковых ямах найдены отдельные погребения слуг, в трех ямах находились костяки одиннадцати лошадей с уздечками, украшенными золотом и серебром.

В главной могиле были обнаружены остатки разграбленного захоронения и только в угловых катакомбах археологи открыли нетронутые погребения с множеством

Золотая пластина от гориза из Чертомлыцкого кургана (собрание Эрмитажа)

Вещи из кургана Куль-Оба

1-2 — золотая гривна (собрание Эрмитажа); 3 — электровый сосуд

драгоценных вещей: вооружения и утвари. Среди вещей мечи с золотой отделкой, стрелы, шейные гривны, браслеты, диадемы, бляшки. Особого упоминания заслуживают серебряная амфора и обкладка горита. Все вещи богато отделаны в скифском зверином стиле; представлены изображения драконов, львов, оленей; сцены борьбы зверей перемежаются с богатым растительным орнаментом.

К IV—III вв. до н. э. относится большое число небогатых курганов высотой до 1 м. В степной части Украины был в это время распространен обычай устраивать в стене могильной ямы катакомбы, где и хоронили труп умершего.

Скифский, как мы полагаем, пришлый элемент в культуре степной части был очень силен, и местная киммерийская подоснова прослеживается здесь сравнительно слабо.

Степная часть Крыма является прямым продолжением степной части междуречья Днестра и Дона. Здесь обитали также скифы-кочевники и, вероятно, скифы царские, разделить которых на современном уровне наших знаний довольно трудно. Археологически здесь выделяется территория, расположенная близ греческого города Пантикапея (ныне Керчь), где скифские курганы по своему устройству и вещам напоминают греческие, в то время как степная территория заполнена обычными скифскими курганами, напоминающими курганы Приднепровья. Большую ценность представляет курган Куль-Оба, расположенный в окрестностях древнего города Пантикапея.

Под насыпью этого кургана находился каменный склеп с ложным сводом. Основным погребением было погребение мужское. Около костяка обнаружено много золотых вещей: тиара, диадема, гривна, браслеты и т. д. Над ним возвышался деревянный навес. В особом отделении лежало оружие покойника. Рядом с мужским костяком находился женский костяк, окруженный также большим числом драгоценных вещей. Здесь найдены медальоны с изображением головы Афины, серьги греческой работы, браслеты с грифонами, раздирающими оленя, золотая гривна с концами, украшенными фигурами лежащих львов, бронзовое зеркало с ручкой, обложенной золотом, выполненной в скифском зверином стиле. Между коленями стоял знаменитый сосуд с изображением скифов после битвы. За балдахином лежал мужской скелет, рядом с ним несколько золотых бляшек. За головой погребенного мужчины находился костяк лошади. Вдоль стен располагалась бытовая утварь. Весь полугреческий, полускифский инвентарь хорошо доказывает сильное влияние греческой культуры на быт местной скифской аристократии, тесно связанной с греческими правящими кругами общностью экономических интересов. Столь же богаты и курганы Нимфея.

Другой облик имеет Золотой курган под Симферополем, напоминающий уже погребения скифов Поднепровья. Курган относится к эпохе бронзы. Скифское погребение оказалось впускным. Покойник лежал вытянуто на спине: на нем был панцирь, на шее золотая гривна, на бедрах пояс, украшенный литыми бляхами, изображающими орла. Тут же лежал железный меч с золотой обкладкой ножен. Найденная фигура львицы, по-видимому, относилась к деревянному колчану. Тут же находились 180 бронзовых наконечников стрел. Этот курган датируется временем около V в. до н. э.

За советский период в степном Крыму были проведены систематические раскопки, материал которых достаточно хорошо показывает время появления скифов в Крыму (конец VII в. до н. э.). Скифы оказали здесь большое влияние на местное население, в погребальном инвентаре которого возникают черты скифской культуры, сказывающиеся главным образом в появлении звериного стиля.

1

2

Золотая гривна из кургана Солоха (собрание Эрмитажа) 1

1 — общий вид; 2 — деталь

Из числа крымских памятников, исследованных за последние годы, наибольшую ценность представляют раскопки Неаполя Скифского, откуда происходит богатый материал по позднему этапу скифской культуры после III в. до н. э., когда центр скифской державы из Приднепровья переместился в Крым.

Это городище, открытое еще в начале XIX в. (небольшие раскопки А. С. Уварова), по существу оставалось неисследованным.

Город Неаполь Скифский расположен на берегу реки Салгира на окраине Симферополя. Строители прекрасно использовали топографические условия, построив город на выступе, ограниченном отвесными обрывами, и только с одной, уязвимой стороны создали мощную стену шириной более 8 м.

Такое устройство укреплений отличается от стен античных городов и напоминает укрепления тавров — аборигенов Горного Крыма, хотя по структуре стена напоминает античные укрепления, так как состоит из двух панцирей и внутренней забутовки на глиняном растворе. Исследователи установили, что первоначально, в III в. до н. э., когда еще существовала первая столица скифов — Каменское городище, стена имела меньшую мощность, достигая только 3,5 м ширины. Во II в. она была перестроена и укреплена.

Археологи исследовали также жилые дома и хозяйственные постройки. Особенно интересным оказалось большое здание с подвалом, выбитым в скале, построенное в III в. до н. э. Рядом с ним находился двор с хранилищами. Было открыто много ям с зёрнами пшеницы и проса. (Занятию земледелием благоприятствовали плодородные земли. Еще Страбон отмечал плодородие местных почв, дающих возможность собирать богатый урожай⁵). Крыши домов покрывались черепицей. Широко применялась облицовка стен глиной, сверху лощеной и нередко окрашенной. В первых веках нашей эры сооружались небольшие постройки из мелкого рваного камня.

Большую ценность представляют раскрытые археологами остатки мавзолея с погребениями знати⁶. Этот мавзолей, почти квадратный в плане, размером 8,65 × 8,10 м, сохранился на высоту около 3 м. Стены его были выстроены из больших блоков. Особенно тщательно был выложен фасад принятой в греческом строительном искусстве кладкой: плиты клали лицевой и боковой узкой гранью поочередно. Получалась кладка, известная в археологии под термином «кордонами на ребро, плитами на образок». Кладка выложена на глиняном растворе. Здание имело одну дверь в восточной стене. Против двери прослежены остатки каменной лестницы. Внутренность

помещения была заполнена массой сырцово́й глины, которая должна была предохранить погребения от расхитителей.

При раскрытии мавзолея обнаружено много разновременных погребений. По-видимому, мавзолей использовался в продолжение длительного времени. Самым ранним и основным считается погребение в северо-западном углу, лежавшее в каменном ящике, сложенном из плит и опущенном в специальное углубление, высеченное в скале. В ящике на спине, головой на запад, лежал костяк мужчины с погребальным инвентарем. В ногах найдены два меча, три копья, железный шлем и горит, от которого сохранились кольца для подвешивания, золотые накладные бляхи и железные стрелы. Один меч лежал у пояса. При разборке могилы обнаружено много золотых декоративных бляшек, которые покрывали одежду покойника. Погребение относится ко II—I вв. до н. э.⁷ К этому погребению относят четыре конских костяка и скелет собаки, лежавшие на полу в центре мавзолея. Пятый костяк лошади покоился на ступенях лестницы. Вокруг коня лежали обломки чернолаковых и краснолаковых чаш, по-видимому, следы тризны. Рядом с конскими костяками в прямоугольном деревянном гробу лежал костяк мужчины головой на восток. Следующие захоронения производились поверх первоначального погребения. Это были поставленные в несколько рядов деревянные гробы, в которых, нередко на подстилке из войлока, располагались погребения; их оказалось 72. Верхние погребения сохранились очень плохо, гробы сгнили, кости проваливались вниз и смешивались. Многие могилы оказались ограбленными еще в древности, может быть при следующих захоронениях.

Исследователи выделили несколько групп, из которых особенно интересной оказалась восточная группа. Здесь было шесть ярусов гробов. Наиболее важным по значению оказалось погребение богатой женщины, положенной в роскошный деревянный саркофаг, расписанный голубой и розовой краской. При покойной найдено много золотых вещей, по которым погребение можно отнести к первым векам нашей эры⁸. Исследованиями установлено, что основное погребение принадлежало царю и людям, занимавшим высокое общественное положение. К ним следует причислить и женщину в саркофаге.

Материал раскопок позволяет утверждать, что Неаполь Скифский был типичным рабовладельческим городом. По сравнению с Каменским городищем на Днестре, где из ремесел представлена только металлургия, ремесло Неаполя было разнообразнее и существовали более широкие международные связи. Раскопки свидетельствуют о ремесленном производстве керамики, которая обычно дольше всего задерживается на уровне домашнего производства.

Прекрасные ювелирные изделия, найденные в мавзолее, могут быть разделены на две группы. Первая из них содержит античные изделия, вторая — местные, типично скифские. Таким образом, перед нами крупный ремесленный центр.

Торговые связи города были весьма оживленными и охватывали большой круг стран. Продолжались тесные связи с античными городами Крыма. Многие вещи из мавзолея Неаполя были, по-видимому, рассчитаны на сбыт у скифов и изготовлены греческими мастерами, прекрасно знавшими скифские потребности. В качестве примера можно указать на сердоликовый скарабей с головой скифа⁹ и на многие золотые изделия. Отдельные украшения заставляют вспомнить кавказские аналогии. Наконец, Западная Европа представлена большим числом кельтских вещей латенской культуры (кельтской), среди которых оружие и фибулы, что свидетельствует о широких связях с Центральной, может быть Западной, Европой. Богато отражены связи с северными степными кочевниками.

Помимо Неаполя Скифского, в степном Крыму известен ряд городищ с остатками ремесленного производства. Таково городище Кермен-Кыр близ Симферополя, где были раскрыты остатки скифской гончарной печи¹⁰. В отбросах производства там сохранились обломки гончарной посуды, аналогичной найденной в Неаполе.

Страбон, рассказывая о городах Крыма, отмечает некоторые, принадлежавшие скифам. В их числе Палакий и Хаб, построенные скифским царем Скилуrom. В настоящее время археологам известно несколько укрепленных скифских поселений и на западном берегу Крыма¹¹.

В эллинистическую эпоху (III—I вв. до н. э.) Крым в основном был земледельческим краем¹². Земледельческое население, вероятнее всего, образовалось там в ре-

зультате оседания разорившихся кочевников и концентрации скота в руках немногочисленной рабовладельческой знати.

Одним из интересных и еще окончательно не решенных вопросов является вопрос об этническом составе населения Крыма в эллинистическую и последующие эпохи.

К востоку от Танаиса

Как помнит читатель, к востоку от Танаиса (Дона) в древности начиналась Азия и там располагалась Азиатская Скифия. По

Геродоту, за Доном собственно скифы уже не жили, но на основании типичных скифских вещей, найденных в этих местах, присутствие их отмечается и здесь. Это прежде всего Прикубанье и Центральное Предкавказье. Можно думать, что скифы осели здесь при своем движении в Закавказье, когда они двинулись в поход, вслед за киммерийцами. По-видимому, скифы возвращались из своих походов этим же путем. Здесь часть их осела и смешалась с местными племенами меотов, о которых немало интересных сведений сообщают античные авторы.

В науке не существует единой точки зрения по вопросу, какому народу принадлежали курганы Прикубанья. Часть исследователей приписывает их меотам, другие — скифам. Может быть, причина кроется в том, что курганы Прикубанья исследованы давно и даже по тому времени довольно плохо. Большинство работ было проведено еще тогда, когда методика раскопок не была разработана, а часть курганов вообще раскопана людьми, не имевшими никакого отношения к археологии.

В Прикубанье известны замечательные памятники, в том числе наиболее ранние скифские, с богатым инвентарем. Здесь прежде всего следует отметить курганы около Ульского аула, Келермесские, погребения у станиц Костромской и Воронежской. Около станицы Келермесской в 1904 г. были раскопаны принадлежавшие представителям скифской аристократии курганы. В одном из них¹ под насыпью выше 2 м была открыта яма 10 м в поперечнике и глубиной 2,2 м. Двумя рядами столбов яма разделялась на три части. Предполагают, что центральная часть была покрыта шатром. В этой усыпальнице, раз-

грабленной еще в древности, по-видимому современниками погребенных, археологи нашли только жалкие остатки погребального инвентаря. За пределами усыпальницы были найдены кости человека, смешанные с лошадиными. Конские останки сопровождалась богатыми уздечными наборами. Найдены также навершья в виде прорезных шаров с головой лошади наверху.

Второй курган сходен с первым. Здесь также была деревянная усыпальница, за пределами которой находились останки лошадей с уздечными наборами. Среди вещей, заслуживающих упоминания, следует отметить шлем и наконечник скипетра, украшенный золотом. Эти курганы, несомненно, принадлежали рабовладельцам. В полном соответствии со взглядами того времени останки убитых рабов находились за пределами усыпальницы, вместе с конями, т. е. расценивались не выше другого живого и мертвого инвентаря. В Келермесских курганах выявлено много ценного материала. К сожалению, первые раскопки этих погребальных сооружений, как говорилось выше, проводились без соблюдения основных методических требований, и восстановить обряд погребения сейчас невозможно.

Судя по отдельным вещам, поступившим позднее в собрание Государственного Эрмитажа, первые погребения могли принадлежать вождям и представителям рабовладельческой аристократии.

Опишем один из богатых курганов — курган у Ульского аула, достигавший высоты более 15 м². Насыпь этого необычного кургана, принадлежавшего, по-видимому, выдающемуся представителю рабовладельческой знати, была насыпана, как предполагают, в два приема. При раскопках на высоте 5,35 м открыта площадка, на которой обнаружены остатки более 50 лошадей. При дальнейшем снятии насыпи до уровня горизонта древней почвы открыт шатер с четырьмя столбами по углам и по шести столбов с каждой стороны. Вокруг этого сооружения находились коновязи и много костей лошадей и двух волов. Над всем этим лежал слой осоки в 10 см толщиной. Всего вокруг коновязей обнаружено 360 костяков лошадей. При исследовании была найдена золотая бляха от горита с изображением грифонов, нападающих на горного козла.

Заслуживает упоминания курган около станицы Костромской³. Под курганной насыпью открыта яма, спускаю-

Зеркало из Келермесского кургана (собрание Эрмитажа)

щаяся тремя уступами. В северном конце ямы была устроена катакомба, в которой находился костяк без вещей. На верхних уступах ямы лежало по одному костяку, принадлежащих, по-видимому, ближайшим слугам погребенного. Над могильной ямой расположена площадка, где находилось оружие погребенного, щит с бляхой с изображением оленя, бронзовые и железные чешуйчатые панцири, копья, два колчана и несколько удил. Над площадкой был сооружен шатер, впоследствии, по-видимому, сожженный. Вокруг шатра были обнаружены останки 22 лошадей.

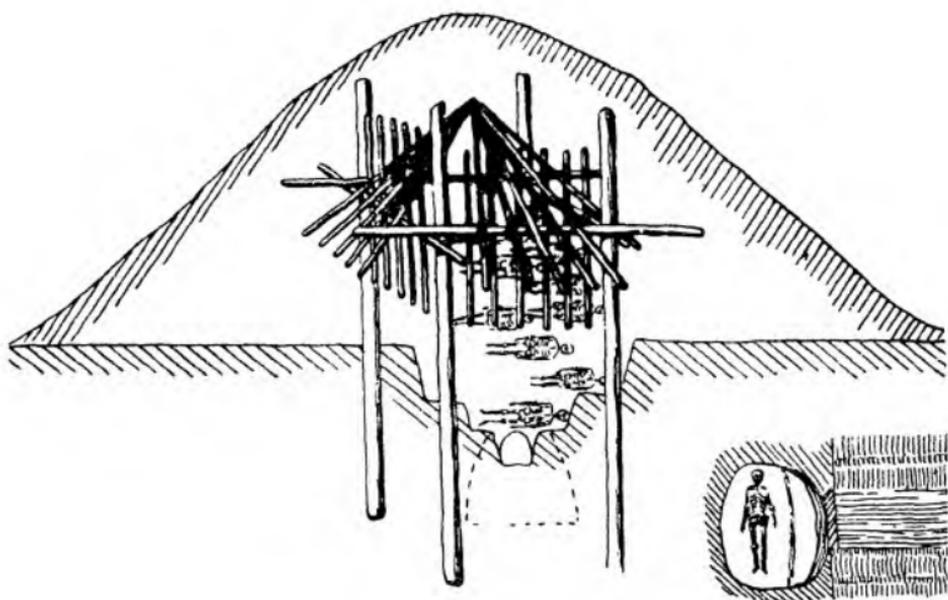
В курганах у станицы Елисаветинской обнаружены аналогичные могилы. Там найдены остатки погребальных колесниц; одна из них прекрасно сохранилась. У входа в могилу лежали костяки лошадей и людей. Одно из основных захоронений находилось в каменном склепе с деревянным покрытием. В северной стене ямы была катакомба, где лежал костяк в тяжелом железном панцире с мечом с левой стороны. Над ямой был сооружен деревянный навес, покоившийся на столбах.

Все эти курганы принадлежат знати. Глубокая яма с шатром напоминала юрту и воспроизводила быт умершего кочевника.

Иногда для погребения в стене устраивалась катакомба. Кочевника, богатого скотовода сопровождали в загробный мир рабы и наложницы. Под курганной насыпью оставляли и погребальную колесницу. Оружие и украшения в ранних курганах носят восточный облик и сделаны, по-видимому, под влиянием Ассирии или Урарту. К вещам не местного производства относятся также шейные гривны, навершья и пластинки с фигурами зверей, украшенные цветной инкрустацией. В более позднее время господствуют вещи, привезенные из малоазийских греческих центров и Афин, откуда шла, в частности, расписная чернолаковая и краснолаковая керамика. Весь материал курганов Прикубанья подчеркивает своеобразие и отличия от погребальных сооружений других областей.

Несколько другую картину мы встречаем на Таманском полуострове, где основным населением были синды, о культуре которых мы знаем по бескурганым могильникам. Там близость античных центров, таких, как Фанагория — столица азиатского Боспора, и других городов, создала ту культурную обстановку, которая сложилась и на Керченском полуострове, и около Ольвии. Смешанная синдская культура вблизи этих центров отличалась большим эллинским налетом. На Таманском полуострове захоронения скифов и синдов встречаются и в некрополях греческих городов. Но такие погребения по своему характеру отличаются от погребений в курганах Прикубанья.

Скифские курганы в некрополе Фанагории были известны уже на заре русской археологической науки (в 1852 г.)⁴. В одном кургане, под насыпью была обна-

Разрез кургана у ст. Костромской

ружена гробница, сложенная из сырцовых блоков и покрытая сверху бревнами. В углу гробницы находились две амфоры с золотыми подвесками, рядом лежали стрелы и наконечник копья. Два деревянных гроба на бронзовых ножках содержали останки мужчины и женщины. Мужской костяк был в чешуйчатом панцире, рядом в гробу находились стрелы и слева — железный меч. На женском костяке был чисто греческий убор, в частности наголовник с золотыми бляшками, по бокам черепа лежали золотые серьги и на шее золотое ожерелье. У входа в гробницу стояли две амфоры. Эта могила не выходит из рамок греческого погребального обряда. Но рядом с могилой, под тем же курганом лежала четверка лошадей с богатым уздечным набором.

В северной части кургана, в насыпи была обнаружена еще одна могила из сырцовых блоков с мужским скелетом, рядом лежал меч, серебряная чашка и бронзовые наконечники стрел⁵. Можно привести и другие примеры, когда в погребении обнаружены кости лошадей. Так, курган № 2 у Фанагории содержал усыпальницу из сырцовых блоков с тремя мужскими костяками и с оружием. Рядом, в склепе из каменных плит, находилось женское

захоронение. В этом же кургане были открыты конские могилы. В одной лежало шесть коней, в другой пять. Аналогичные курганы были известны и близ греческого города Гермонассы.

Другой характер имеют скифские погребения, не связанные территориально непосредственно с античными городами. Но и они имеют некоторые черты греческого влияния. Таковы курганы, известные в литературе под названием Семь братьев. Там, в кургане № 2, в насыпи была обнаружена конская сбруя и погребальная колесница. Могила представляла собой большую яму, обложенную по стенам и полу сырцовыми плитами и, по-видимому, имела деревянное перекрытие. Около трех четвертей всей ямы было занято скелетами лошадей с уздечными бронзовыми наборами. В северо-западном углу на помосте находилось погребение. Костяк лежал головой на восток, на спине, с вытянутыми конечностями. Останки погребенного были покрыты покрывалом, украшенным золотыми бляшками. При скелете находилось вооружение, состоящее из кожаного панциря, покрытого железными и бронзовыми позолоченными пластинками. Центр нагрудной части был украшен крупной бляхой с изображением оленя и олененка, выполненным несколько условно, со схематично переданными рогами. Здесь же фигура орла, головой вниз, с распростертыми крыльями и хвостом. Рядом лежали стрелы и остатки деревянного сосуда с золотыми ручками в виде гусей и уток. На шее погребенного лежала гривна и ожерелье из 126 золотых трубочек. При погребении находился сосуд в виде рога (ритон), орнаментированный в греческом вкусе, две греческие чернолаковые чашки и много золотых бляшек. Погребение датируется V в. до н. э.⁶ Такие курганы на Таманском полуострове нередки. Они близки кубанским. Все они содержали погребения рабовладельцев, воспринявших эллинскую культуру; ведь несмотря на то, что скифы осуждали своих соотечественников, увлекавшихся иноземной культурой, греческая культура широко распространялась в их среде. На примерах, приведенных выше, мы видели, как под влиянием греков изменился обряд погребений, изменилась отделка деревом могил, характерная для кубанских захоронений, не сохранились и коновязи для убитых лошадей. Резко сократилось число лошадей, сопровождавших умершего, прекратилось и убийство рабов. Характерный скиф-

Часть бронзового панциря с изображением медузы из кургана у ст. Елисаветинской (собрание Эрмитажа)

ский звериный стиль сохранился только в конской сбруе. Погребальный инвентарь в значительной части становится греческим. Район Кубани являлся областью меотов и синдов, скифы жили здесь, по-видимому, попеременно с аборигенами.

За последние годы археологи открыли несколько поселений и могильников, которые принадлежат меотам. Грунтовые могильники VII—IV вв. до н. э. содержали погребения с небольшим числом вещей. Покойников клали на спине или на боку в полускорченном положении, головой

на юг. Самые могилы имели прямоугольную форму и незначительную глубину. В могилу ставили корчаги, чарки, кувшины. В мужских могилах встречается оружие: железные мечи, копья, железные наконечники стрел; бронзовые и костяные стрелы встречаются редко. Оружие местного населения было сходно со скифским, но отличалось в ряде деталей. В женские могилы клали пряслица, шила, бронзовые браслеты и ножи. Могильники такого типа распространены по берегам среднего течения Кубани и в Приазовье. Все погребения принадлежат рядовым членам общин. Однородность комплекса вещей, положенных в могилы, как будто свидетельствует об отсутствии имущественной и социальной дифференциации в этом обществе.

Позднее, в III—II вв. до н. э., появляются признаки имущественного расслоения; выделяется племенная знать. В это время меняется обряд погребения. В некоторых могилах археологи находят скелеты лошадей. Наряду с простыми ямами появляются могилы с подбоем в одной из стен могильной ямы, куда клали покойника. Весьма вероятно, что это было связано с проникновением на Кубань сарматских племен, появившихся в Предкавказье довольно рано.

Материал, рисующий хозяйственное развитие, был найден при раскопках поселений. По многим признакам можно говорить о пашенном земледелии и развитии скотоводстве, составлявших основу хозяйства⁷. Значительная часть хлеба шла на вывоз в Пантикапей.

Проникновение скифов и сармат на эту территорию сильно изменило этнический состав местного населения.

К югу и востоку, в предгорьях Кавказа жили другие племена, вошедшие в науку под именем племен кобанской, а еще дальше на восток от них — каякентско-хорочаевской культуры⁸. Это исконное население испытало сильное влияние скифов. Через их территорию скифы прошли в Малую Азию.

Влияние скифов сказывается здесь не только в наличии скифского оружия, но и в появлении некоторых деталей погребального обряда, не свойственных кобанским племенам. Покойников стали иногда погребать не скорченно на боку, как это было принято, а на спине в вытянутом положении⁹, обычном у скифов. Местное население Северного Кавказа было близко в этническом и куль-

Греческие украшения из погребений на Тамани
(собрание Эрмитажа)

турном отношении населению горного Крыма, которое являлось потомками киммерийцев, первыми проложивших завоевательные пути в Переднюю Азию.

К северу от этих племен и к востоку от Дона обитали савроматы. Именно с племенами савромат связывается знаменитый цикл легенд о женщинах-воительницах — амазонках. Тот же Геродот сохранил нам легенду о происхо-

Изображения амазонок на греческих пеликах (Керчь, собрание ГИМ)

- 1 — амазонка на коне;
2 — пешая амазонка

ждении савромат: «... когда эллины вступили в борьбу с амазонками...», то, как гласит предание, эллины, победив их в сражении при Термодонте, отплыли обратно, везя с собою на трех судах амазонок, которых им удалось захватить в плен. Последние в открытом море напали на мужчин и изрубили их, но они не знали судов и не умели обращаться ни с рулем, ни с парусами, ни с веслами и поэтому после избиения мужчин стали носиться по волнам по воле ветра и прибыли к Кремнам на Меотийском озере (Азовское море — А. С.): эти Кремны лежат в земле свободных скифов. Сойдя здесь с судов, амазонки отправились в обитаемую местность; встретив первый табун лошадей, они захватили его, сели на лошадей и стали грабить владения скифов».

Геродот далее рассказывает, что амазонки вступили в бой со скифами.

В сражении скифы захватили трупы убитых амазонок и узнали, что это женщины. Тогда на совете скифы решили не вступать в бой с амазонками, а отправили к ним молодых людей, приблизительно в том числе, сколько было амазонок. Когда амазонки убедились в отсутствии воинственных настроений у скифов, то постепенно сошлись со скифами.

Геродот подробно рассказывает всю эпопею сближения, создания одного лагеря, отмечает, что амазонки выучились языку скифов. По совету амазонок скифские юноши вернулись домой, взяли часть имущества и ушли к амазонкам, затем все они перешли реку Танаис и стали

2

там жить вместе. «Отсюда савроматские женщины истари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду. Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном, так как амазонки не вполне его усвоили. Относительно браков соблюдается у них следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага; некоторые из них и умирают в старости безбрачными, потому что не могли выполнить этого требования»¹⁰.

Эти сообщения Геродота послужили некоторым античным авторам и позднейшим исследователям основанием утверждать, что у савромат существовали матриархальные отношения.

Конечно, савроматское общество имеет еще много архаических черт, и основными из них являются: легкость заключения и расторжения брака, выбор мужа девушкой, приход мужа в род жены со своим имуществом¹¹. Однако по ряду фактов можно заметить, что перед нами уже не матриархальное общество с его слабо развитыми производительными силами, а общество, в котором выделилась аристократическая прослойка, присущая скорее ранней ступени военной демократии. Ведь то, что мы знаем о свободе савроматских женщин, относится к ранней поре их жизни, пока они девушки. Выйдя замуж, савроматская девушка начинала заниматься домашними делами и принимала участие в ратных делах только в случае военной опасности. Такой архаизм, сказывающийся в свободном поведении девушек и очень часто в выборе мужа, можно было наблюдать в недавнем прошлом у некоторых народов Поволжья и Урала. Однако нет сомнений в существовании у этих народов патриархальных отношений.

Из того факта, что роль женщины у того или иного народа весьма значительна в общественных делах, нельзя делать вывод о существовании у них матриархата. Роль женщины-воительницы велика, в частности, у саков и массагетов, согласно греческим легендам¹², такова же роль царицы Семирамиды и Нитокриды в Вавилоне¹³ и царицы Савской из Библии¹⁴.

В литературе можно встретить утверждения о привилегированном положении женщин у савромат. В этом определении есть несомненная условность. Такое почетное положение могли занимать лишь женщины, выполнявшие обязанности жриц, или представительницы племенной аристократии. Но нельзя говорить о привилегированном положении всех женщин. То, что в женских погребениях, кроме украшений, встречаются и предметы вооружения — копья, колчаны со стрелами и другие, не свидетельствует о матриархате¹⁵. По-видимому, это своеобразие объясняется спецификой савроматского быта или, точнее, кочевнического быта эпохи военной демократии. Такие же обычаи античные источники отмечают у саков и массагетов. Археологам известно, что у скифов были вооруженные женщины.

Вооруженные женщины известны и в более позднее время, например у аланов в средние века. Однако число женских погребений с оружием у савромат больше, чем у скифов, и достигает 20% от общего числа могил с оружием¹⁶.

Кочевники савроматы, мужчины, совершали далекие походы, оставляя дома своих жен со всем хозяйством и рабами. В этих условиях дома должна была оставаться вооруженная группа. Маловероятно, чтобы эту военную прослойку составляли одни женщины, но они играли в ней большую роль. Вот почему образ савроматских женщин-воительниц приобрел такую популярность. Амазонки вошли в античную литературу и изобразительное искусство. Амазонки были излюбленным мотивом на греческих расписных вазах. Их изображали на коне с копьем, сражающимися с греками.

Много сделали для решения проблемы скифов археологи, определившие своеобразие савроматской культуры и ее происхождение. Культура савромат близка скифской, и от культуры скифов-кочевников она имеет не больше отличий, чем культура скифов-пахарей, живших в области лесо-

степи. О происхождении савромат теперь известно значительно больше. Предки савромат, известные по письменным источникам I тысячелетия до н. э., жили в этих местах уже в конце эпохи бронзы, когда в Заволжье существовало население племен срубной культуры. Уже в эту эпоху с востока, из-за реки Урала в Заволжье проникли их соседи, племена андроновской культуры. Это смешанное население и является, по мнению археологов, савроматами.

В настоящее время известно более 500 памятников, достаточно хорошо изученных, которые позволяют проследить развитие культуры савромат, позднее известных античным авторам под именем сарматов¹⁷. За последние годы в районе Оренбурга открыты богатые погребения представителей племенной аристократии, содержавшие интересные вещи. Они отличаются от рядовых захоронений большими размерами могилы и тем, что могилы покрыты бревнами, чаще всего в два ряда. Помимо такого наката, устраивались срубы различных типов. Известны могилы жриц, перекрытые настилом, а сама могила окружена своеобразным срубом в виде круга¹⁸. Бывали и срубы в виде прямоугольника, сложенные из толстых бревен, толщиной около 70 см. Такие сооружения часто имели крышу. На крыше разводился костер, и по окончании ритуала все покрывалось насыпью. Могилы знати содержали много вещей, сопровождалась конскими погребениями или только конским инвентарем. Погребения простых родичей отличались большей простотой. Как правило, савроматские погребения одиночные, и редко встречаются парные захоронения. Костяки клались на спину в вытянутом положении, головой в западном направлении. В одном кургане близ с. Калиновка Волгоградской области¹⁹ было открыто парное погребение мужчины и женщины, причем мужчина держал руку женщины. В могилах нередко костяки обезглавленных овец.

Как правило, в мужских погребениях обнаруживается оружие, а в женских — украшения. Многие предметы обильно украшены. Интересны богато орнаментированные кабаньи клыки с изображением зверей, в манере, родственной скифскому звериному стилю. В некоторых женских могилах встречаются жертвенники в виде небольших каменных столиков прямоугольной или круглой формы. Они нередко бывали украшены орнаментом и изображениями

зверей, опять-таки в той же манере скифского искусства.

Обязанности жрецов, как это известно у многих народов, выполняли женщины. По-видимому, в глубокой древности это явление было почти повсеместным. Из этнографии известно, что у некоторых народов Сибири шаман за неизменением специального костюма шаманит в женской одежде, что свидетельствует о том, что первоначально шаманом была женщина. Там, где в быту сохранялись архаические черты, там религиозный ритуал могли совершать почти все, но преимущественно женщины. В XVIII в. у ительменов, где не было профессиональных шаманов, жреческие обязанности исполняли старые женщины²⁰. У скифов также были погребения жриц, курганы которых занимали центральное место в могильнике. Помимо жертвенников, в могилах жриц находят раковины с красками и терочки. Их считают принадлежностями жрицы. Часто встречаются гадательные камни со следами огня. Такие камни встречаются и в могилах скифского времени в Южном Казахстане²¹. Однажды в савроматском погребении на реке Илек был найден пучок ивовых прутьев вместе с лепным сосудом, которые, надо полагать, принадлежали савроматской жрице или гадалщику²². Гадание с помощью ивовых прутьев производилось, согласно Геродоту, у скифов²³.

Термин «савроматы» объединил многоплеменное и многочисленное население. Будучи родственными по происхождению, савроматские племена несколько различаются по погребальному обряду. Такие различия особенно четко проявляются в Поволжье и на Южном Урале.

В связи с развитием скотоводства, как мы полагаем, уже с IV—III вв. до н. э., савроматские племена становятся более подвижными и воинственными. В это время их походы на запад и северо-запад учащаются. Это в ряде случаев отмечается археологическими памятниками. Так, в Гулькинском могильнике, расположенном близ устья речки Утки (граница Ульяновской области и Татарской АССР), было найдено погребение с савроматским наконечником стрелы в поясничном позвонке.

Далее на восток, на территории Казахстана, Средней Азии и Алтая, обитали племена, составлявшие многоплеменную этнокультурную общность. Именно эта среда явилась источником и прародиной скифов, именно отсюда

они пришли в Восточную Европу. Сведения Геродота об этих областях нельзя назвать достоверными. Гораздо важнее древневосточные источники, ибо Средняя Азия сравнительно рано попала в поле зрения древних восточных держав и стала ареной борьбы между ними.

О саках и массагетах, живших в этих районах, Геродот сообщает не очень много. О массагетах он говорит, что они ничего не сеют, питаются продуктами скотоводства; по одежде и образу жизни они напоминают скифов; в общественных отношениях у них сохранились некоторые черты, свойственные народам, стоящим на более низкой ступени общественного развития. К ним относится групповой брак и убийство стариков; женщина занимает высокое положение, напоминающее положение савроматских женщин. Известны имена цариц — Томирис у массагетов, Зарины и Спаретры у саков.

Саки известны с раннего времени как участники похода в Переднюю Азию. Страбон (около начала нашей эры) отмечает, что саки владели областью Арменни. Он говорит также, что саки разместились в районе среднего течения Куры и именовались Сакасена. Саки из Приаралья, как и скифы, ходили в Переднюю Азию. Эти далекие походы являются косвенным указанием на развитые общественные формы у этих народов²⁴.

Систематическое изучение саков началось по существу в советский период. Старая русская историография оставила несколько солидных работ, посвященных этой проблеме, однако они касались главным образом письменных, неизбежно отрывочных материалов. Археологические данные в то время были крайне невелики. Разноплеменное население, объединяемое термином «саки», занимало значительную территорию. При общих культурных элементах отдельные племена отличались украшениями и обрядом захоронения.

В настоящее время можно считать установленным, что среднеазиатские скифы (саки) эпохи раннего железного века представляют собой дальнейшее развитие местного степного населения, жившего в эпоху бронзы. Исследования Хорезмской экспедиции всесторонне доказали эту преемственность. Сопоставление ранних и поздних погребальных сооружений достаточно ясно свидетельствует, с одной стороны, о своеобразии культуры среднеазиатских

саков, и с другой — о преемственности ранних и поздних элементов²⁵. Это доказывается материалами из могильника Тагискен, с его сложными погребальными сооружениями, круглыми в плане, выполненными из сырцового кирпича и столбов. Такой тип погребальных сооружений существовал в течение всего I тысячелетия до н. э., а обряд погребения путем кремации и труположения происходит от погребений эпохи поздней бронзы.

Наряду с трупосожжением в богатых сырцовых гробницах известны также и более простые погребальные сооружения с трупосожжением на поверхности земли, под курганом, захоронение кремированных останков в ямах с дромосом (коридором), ведущим на поверхность земли. В погребениях находят вещи, сходные со скифскими из Восточной Европы.

Сакские племена пользовались обычным скифским вооружением, типичным конским убором, украшенными в скифском зверином стиле. У них прослеживаются довольно близкие связи с савроматами Поволжья, а позднее с роксоланами, хоронившими своих умерших в широких ямах с диагональным положением покойников. Последние погребения в Приаралье датируются V в. до н. э. По-видимому, савроматские племена в какой-то своей части пришли из Восточного Приаралья.

Для характеристики сакской знати большую ценность представляют курганы, исследованные за последние годы в долине среднего течения реки Или. Здесь богатый материал обнаружен в Бешатырском могильнике, состоящем из курганов со сложными архитектурными сооружениями из каменных стен и подземных ходов. Курганы были окружены оградой из камней, поставленных на ребро. Один из раскопанных курганов имел диаметр 52 м, высоту около 9 м.

В ходе исследования были открыты три каменных покрытия, под которыми на уровне земли стояло деревянное сооружение — царская усыпальница. Эта погребальная камера, в виде прямоугольника 3,6 × 3,3 м, высотой 4 м, имела стены, сложенные из бревен, удерживаемых деревянными столбами. Потолком камеры является накат из нескольких рядов бревен. В эту камеру вел довольно узкий коридор. После захоронения коридор был завален камнями, а над усыпальницей возведена насыпь из земли и каменных покрытий.

Вещи из кургана Бис-Оба Оренбургской обл. (собрание ГИМ)
 1 — костяное наконечник; 2 — серебряная серьга; 3 — бронзовое зеркало; 4 — костяная ложка

Несмотря на тщательную защиту царских останков, грабители сумели пробраться в камеру и ограбить ее. Археологи нашли только разрозненные кости мужского и женского костяков, кости животных и разбитые предметы.

Наряду с наземными захоронениями под насыпью встречаются захоронения и в могильных ямах. Так, в кургане № 52 того же могильника, под насыпью из земли и камней находилась яма $3,5 \times 2$ м, на дне которой лежали два костяка вытянуто на спине, головой на запад. Возле каждого костяка найдено оружие. Раскопанный могильник близ Бешатыра, по-видимому, являлся местом погребения вождей одного из сакских племен²⁶.

Рядовых членов общины хоронили более просто. В некоторых местах их погребали в простых каменных ящиках, сложенных из плит, поставленных на ребро. Иногда костяки лежали в простых грунтовых ямах, перекрытых деревом. Покойников клали на спине, вытянуто, головой на запад. Иногда в одних и тех же могилах хоронили по несколько человек²⁷. И каменные ящики, и грунтовые могилы во всех случаях находились под небольшими курганными насыпями. С покойником клали оружие, игравшее в его жизни большую роль, и останки коней. Кости овцы, найденные в могилах, подкрепляют сведения древних авторов, отмечавших большую роль овцеводства в жизни саков.

Однако считать саков чистыми скотоводами нет оснований. В могилах нередко находят зернотерки. Существует обоснованное предположение, что бронзовые серпы, находимые в большом числе на территории Приаралья, относятся к сакскому времени, а не к предшествующей эпохе бронзы²⁸.

Из раскопок, произведенных в советское время, можно сделать заключение, что саки были не только скотоводами, но и земледельцами, применяли орошение полей и жили оседло. Их города, правда довольно примитивные, были ремесленными центрами.

Для характеристики последних большой интерес представляют раскопки городища Чирик-Рабат, проведенные Хорезмской экспедицией. Это укрепленный поселок диаметром более 600 м, опоясанный двумя рядами стен, с полукруглыми башнями и рвом. Площадка городища густо застроена домами. На территории поселения находились и

погребальные сооружения. В некоторых случаях погребальные сооружения группируются вокруг городища. Интересен целый комплекс Бабиш-Мулла, состоящий из небольшой укрепленной цитадели, 100 м в поперечнике, окруженной стеной с бойницами и с башнями по углам. Близ нее находилось много неукрепленных поселений сельского типа с глинобитными домиками. В нескольких километрах от этого укрепления исследованы остатки гончарных печей. Однако наряду с такими памятниками оседлого образа жизни археологи встречаются с доказательствами сильно развитого скотоводства, по-видимому отгонного, игравшего огромную роль в экономике населения. На всех поселках обычно находят кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов.

Область распространения сакских племен продолжается далее на восток. В Восточном Казахстане недавно открыт курган, содержащий погребение со скифскими вещами²⁹.

Весь характер памятников, оставленных сакскими племенами, особенно погребальных сооружений, не оставляет сомнения, что перед нами общество, стоящее на грани сложения государства или, вернее, раннее рабовладельческое. Именно эти племена саков были известны на Востоке и совершали походы в Переднюю Азию. Они играли большую роль в политической жизни Средней Азии, особенно в борьбе местного населения против ахеменидского владычества.

В III—II вв. до н. э. саки совершили походы на юг, в Бактрию и даже в Индию³⁰. Материальная культура саков имеет много общего с культурой европейских скифов. Общее, вероятно, у них и происхождение. Савроматы и саки, очевидно, происходят от носителей андроновской культуры. По-видимому, все племена эпохи поздней бронзы с их культурами: андроновской, срубной, тазабагъябской, были основой скифских племен в широком понимании этого термина. Антропологический тип всех скифских племен в большинстве случаев европеидный.

Севернее, в пределах Алтая, жили племена с близкой по характеру культурой. Вероятно, это население также входило в этнокультурную общность скифов, в широком понимании этого термина. Но в культуре древних алтайцев, кроме общих элементов, сближающих их со скифами, были и особенности.

За последние годы здесь проведены раскопки курганов. Особенно интересными и богатыми оказались курганы племенной аристократии, содержащие вещи, всесторонне характеризующие культуру местного населения. Из курганов, изученных на Алтае, в науке широко известны Катандинский курган, с его замечательными деревянными фигурками зверей и кожаными халатами, а также Пазырыкские курганы, Шибе, Берель и некоторые другие. Под насыпями находились глубокие большие ямы, где помещались двухкомнатные срубы, с деревянным полом, двойными стенами и двойным потолком. За стенами камер обычно лежали трупы лошадей. Особая ценность курганов заключается в том, что погребальная камера находится под курганной насыпью из камней, в условиях вечной мерзлоты, и органические остатки сохранились хорошо. Найдены изделия из дерева, срубы, колодцы-саркофаги, трупы лошадей и мумии погребенных. Почти все курганы оказались разграбленными. Ценные вещи большей частью унесены грабителями, и только очень немного золотых вещей попало в руки археологов.

Большую ценность имеют произведения прикладного искусства, останки лошадей и самого человека. Как правило, трупы умерших мумифицировались. В 1926 г. в урочище Шибе на реке Урсуле открыта могильная камера, в которой лежали трупы взрослого и ребенка. Череп был трепанирован для извлечения мозга, глаза были защищены, внутренности и мышцы заменены какой-то растительной массой. Все разрезы по окончании операции были защищены³¹.

Помимо богатых курганов, немало изучено и курганов с захоронениями рядовых членов общины. Примером может служить погребение, открытое А. В. Андриановым под Солнечным Белком. Там, в кургане № 3, на дне могильной ямы находился скелет мужчины, положенный вытянуто на спине, головой на запад. При костяке найдено несколько вещей: точило, зеркало, костяные пронизки, пластинка с изображением животного и несколько бусин³².

Изучение погребальных сооружений не оставляет сомнения в том, что перед нами не родовое общество, где отсутствуют признаки дифференциации, а общество с далеко зашедшим политическим и социальным неравенством. Богатые курганы дали возможность судить об одежде на-

селения того времени. Найдены богатые халаты, кожаные сапоги на мягкой подошве. Верхнюю одежду шили из шерсти разного плетения и кожи.

Интересен и богато оформлен седельный и уздечный набор лошади, в украшениях которого большую роль играла орнаментация, выполненная в зверином стиле. В настоящее время накоплен достаточный материал, позволяющий восстановить кочевое скотоводство алтайцев в I тысячелетии до н. э., с его стадами лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Палеозоологи определили породу низкорослых, монгольского типа лошадей и лошадей высокопородных, легкоаллюрного типа³³. Овца — грубошерстная, слабожирнохвостая. Найденные кости диких животных, и в том числе кабана, северного и благородного оленя, горного козла, барана, козули и леопарда, свидетельствуют о развитой охоте.

Кочевое хозяйство, игравшее основную роль в экономике края, сопровождалось оседанием обедневшей части скотоводов. По-видимому, скот и продукты скотоводства являлись предметами обмена с юго-востоком и югом Азии. Обнаруженные в курганах изделия, завезенные с Востока, в частности предметы искусства, свидетельствуют об оживленном торговом обмене с этими областями.

Земли почти неизвестные

Население Алтая, характеристикой которого закончена предыдущая глава, не было известно Геродоту. Но поскольку

его нельзя отделить от населения Азиатской Скифии, от культуры саков, то целесообразнее было описать его именно там. Теперь нам осталось познакомиться с населением, жившим в Восточной Европе, к северу от скифов и их ближайших соседей. Совсем неизвестными их назвать нельзя. Геродот располагал кое-какими слухами об этих районах. Но сведения эти были столь неопределенны, часто столь фантастичны, что сам Геродот им не очень-то доверял. Поэтому здесь в гораздо большей степени требуется проверка данными археологии.

Мы начнем с невра, которых Геродот помещал к северу от скифов-пахарей. В настоящее время их лока-

лизуют по течению Припяти, на севере Украинской ССР и в южной части Белоруссии. Здесь открыты поселения и погребальные комплексы, вошедшие в науку под названием милоградской культуры. Эта культура хорошо датируется по скифским вещам и распространена в лесостепи от реки Горыни, правого притока Припяти, до Сейма, притока Десны. Название этой культуры пошло от Милоградского городища Гомельской области.

Как все городища раннего железного века, оно расположено на мысу. Раскопками, проведенными в советское время, открыты жилища в виде полуземлянок или наземных столбовых сооружений с очагами, сложенными из камней. Были найдены также серпы, зернотерки, отпечатки зерен и многочисленные кости домашних животных. Интересны бронзовые и серебряные браслеты, напоминающие по форме браслеты из поселений Центральной Европы, а также вещи причерноморских типов, указывающие на культурные связи с Западом и Югом. Раскопаны были и погребальные памятники. Могильники располагались обычно рядом с городищем. Так, у деревень Горошков и Асаревичи Гомельской области погребения открыты непосредственно за линией вала и рва. Здесь найдено много ямок от столбов, по-видимому, остатков надмогильных сооружений, а рядом обнаружены обломки сосудов с остатками кремированных костей. Вскрыта нежилая постройка также с пережженными костями, являющаяся, видимо, сооружением типа мавзолея¹, известного под именем «домика мертвых». Область памятников милоградской культуры, принадлежащей, как мы полагаем, неврам Геродота, совпадает по топонимическим данным с областью расселения древних славян. Это же подтверждают и археологические данные. Характерным этническим признаком древних славян является способ захоронения путем кремирования, причем останки хоронили или в неглубоких ямках без насыпи, или под курганами. Остатки сожжения помещали в урну или сыпали в небольшую кучку на дно ямы, т. е. так же, как хоронили племена милоградской культуры. В настоящее время большинство историков считает неврам частью племен, входивших в праславянскую общность.

Восточнее неврам, к северу от скифов, в области левобережья Днепра, Геродот помещал андрофагов. Это «особое племя, вовсе не скифское»². «Из всех людей, — гово-

рит он, — андрофаги имеют наиболее дикие нравы: они не признают правды и не имеют никаких законов. Они ведут кочевую жизнь, носят одежду, похожую на скифскую, но имеют особый язык; они одни из этих племен едят людей»³. Территория их расселения находится за обширной пустыней к северу от скифов-земледельцев.

Таким образом, андрофаги не оседлые племена, а кочевые, основным занятием которых было скотоводство. Поэтому у нас нет никаких оснований видеть в андрофагах оседлых земледельцев и выводить их из пределов степи, особенно в лесистые области, расположенные к северу от современной Украины. Территория андрофагов должна находиться вдоль восточного берега Днепра к северу от Днепропетровска, где степные пространства в виде широкого языка тянутся до параллели Киева. Если это так, то такая локализация не противоречила бы сообщению Геродота, который при перечислении племен, расположенных к северу от Скифии за неврами, всегда называет андрофагов, а за андрофагами меланхленов.

Археологическая наука пока не знает культуры, которую на этой территории можно было бы связать с андрофагами.

Значительно большие успехи достигнуты в изучении геродотовских племен меланхленов. Территория меланхленов, по Геродоту, расположена к северу от царских скифов⁴. От моря внутрь страны до меланхленов, живущих над скифами, двадцать дней пути, или около 700 км⁵, что примерно соответствует местности, расположенной в области реки Сейм.

В настоящее время меланхленов можно сопоставлять с племенами юхновской культуры, названной по имени городища у дер. Юхново Черниговской области и распространенной по верхней и средней Десне и по Сейму, во всяком случае в пределах Курской области. Эта культура известна нам по многим городищам, большинство которых исследовано, к сожалению, только в порядке рекогносцировки. Городища располагались на мысах рек, окруженных оврагами. Это места постоянного жительства родовых групп. Культурный слой достигает на отдельных городищах 2 и даже 4 м. Наиболее изученным является Трубчевское городище. Раскопки показывают, что население жило в домах овальной формы, площадью 5 × 3 м; стены делались из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной.

Отапливались такие дома глинобитными печами. Большой интерес представляет городище Кузина Гора, расположенное близ Курска, на берегу Сейма: вдоль вала идет длинный жилой дом, сооруженный из вертикально поставленных столбов. Время его существования — VI—V вв. до н. э.

Культура этих племен довольно примитивна. Население занималось мотыжным земледелием, скотоводством, рыболовством и охотой. Найдено мало железных вещей, но много изделий из кости. Глиняная посуда вся лепная. У них встречается не много привозных вещей: скифские бронзовые стрелы, железные булавки скифского типа; особенно интересны обломки греческой расписной чернофигурной посуды VI—V вв. и фрагменты ионийских амфор того же времени. Южные вещи встречаются почти на всех городищах. Это свидетельствует о том, что местное население было связано культурными и торговыми связями с югом. С Сейма в это время могли вывозить меха, мед⁶.

К северу от савромат, к востоку от меланхленов, Геродот упоминает будинов. Сведения Геродота о будинах крайне отрывочны. Он отмечает, что это люди со светло-голубыми глазами и рыжими волосами. В их земле есть город Гелон, в котором находятся деревянные дома и храмы будинов и святилища эллинских божеств с кумирами в честь Диониса; там каждые два года устраиваются празднества с оргиями. Гелоны, по мнению Геродота, те же эллины, поселившиеся в земле будинов. Будины, по мнению Геродота, ведут кочевой образ жизни, гелоны же — земледельцы. Страна их изобилует разнообразными лесами. Вот то немногое, что сообщает Геродот о будинах.

Позднейшие историки древнего мира помещали будинов к северу от савромат, в большинстве случаев на землях, занятых мордовскими племенами. Здесь, в правобережье Волги, природные условия близки тем, которые описывает Геродот. Однако культура древней мордвы далека от той культуры, которую можно себе представить по описанию древних авторов.

Наиболее вероятной является точка зрения, согласно которой будины помещаются в области Среднего Дона. Именно здесь открыт ряд памятников скифского времени, представляющих синтез скифской и местной культуры.

Часто встречаются и произведения античной культуры⁷. Раскопками там был открыт ряд поселений и курганных могильников, содержащих своеобразный комплекс памятников. Наиболее значительными являются вещи из Частых курганов, Мастюгинских и курганов у с. Русская Тростянка.

Городища и нередко примыкающие к ним открытые поселения расположены на правом берегу Дона. Городища были или местом постоянного жительства, или же убежищами, куда скрывалось население в случае опасности. На городищах второго типа, как правило, тонкий культурный слой и не много предметов. На площадках городищ и селищ были открыты остатки каркасных жилищ со стенами из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной; внутри таких жилищ находились открытые глиняные очаги.

При раскопках Частых и Мастюгинских курганов были найдены греческие амфоры из-под вина и произведения греческой торевтики. В их числе найдена бронзовая ваза (гидрия) V в. до н. э., чернолаковые сосуды и другие ценившиеся в древности предметы обихода. Богато представлены произведения собственно скифской культуры.

В курганах находят скифские мечи, стрелы, копья. О прикладном искусстве можно судить по многочисленным образцам скифского звериного стиля, о своеобразии которого достаточно хорошо свидетельствуют такие вещи, как костяная фигурка собаки; по своей чисто реалистической трактовке она выпадает из скифского звериного стиля. В передаче фигуры собаки нет никаких отклонений от природы, свойственных звериному стилю, что сближает фигурку с искусством северных районов.

Фигурка собаки не исключение. В материале Частых курганов есть немало вещей, которые повторяют изделия северных районов. Правда, в большинстве своем это украшения и части одежды, напоминающие части одежды древнемордовских племен более позднего времени. Некоторые вещи являются прототипами изделий, находимых несколько позднее в Приобье. Таков, в частности, костяной гребень, украшенный головками собаки, переданными также в реалистической манере. Все это указывает на культурные связи гелонов и будинов со своими северными соседями.

Район Среднего Дона отличается от соседних скифских земель не только культурой, но и обрядом погребения. Исследованиями установлены специфические черты захоронения, определяющие особую племенную принадлежность населения. Покойников обычно хоронили под курганной насыпью, в глубокой могиле, вокруг которой располагали в виде кольца выброс материковой земли. Самые ямы, как правило большого размера, имели деревянные перекрытия на столбах. За последние годы выявлено различие в устройстве могил: простые ямы, ямы с входным коридором, имеющим спуск с поверхности земли, и ямы с катакомбами для покойника.

В данном случае можно говорить об уже сложившейся племенной аристократии, хоронившей своих умерших членов в больших могилах с богатым инвентарем. Можно утверждать, что нарастание классовых отношений, формирование племенной знати падает на V—IV вв. до н. э. В это время как раз и появляются богатые захоронения, содержащие много привозных вещей, в частности античных. В развитии культуры значительную роль сыграли пришлые элементы, о чем можно судить по некоторым погребальным сооружениям. Существует обоснованное мнение, что захоронения с катакомбами свидетельствуют о приходе иноплеменников из степной части Украины. Местное население хорошо выделяется не только по элементам погребального обряда, но и по керамическому материалу⁸. Район Среднего Дона был тесно связан с югом в торговом и этническом отношениях. По сведениям Геродота, сюда заходили и греки. Однако в настоящее время мы не в состоянии решить этот вопрос во всей его полноте.

К западу от Среднего Дона, в лесостепной части бассейна Северского Донца, расположена другая культурная область скифского времени. Выделение ее в особую самостоятельную культуру оправдывается особенностями археологических памятников. В частности, здесь на поселениях часто встречаются так называемые зольники, которые отсутствуют или до сих пор не были обнаружены на Среднем Дону.

Зольники — это невысокие холмы, состоящие из массы золы, в которой встречаются бытовые вещи: сломанные орудия труда, обломки посуды и культовые предметы. К последним относятся фигурки домашних животных.

Подробности ритуала неизвестны, но, очевидно, после выполнения обряда разбитую фигуру выбрасывали. Являлись ли зольники просто мусорными кучами или рассматривались как священное место, связанное с огнем, сказать трудно. Однако ряд этнографических наблюдений позволяет считать, что остатки золы от домашнего очага считались священными. По-видимому, отдельные зольники принадлежали отдельным домам, отдельным семьям.

Основным занятием здесь было плужное земледелие. О форме плуга можно судить по экземпляру, найденному в торфянике у с. Токари (ныне хранится в Сумском музее). Не исключается также подсечная или переложная система. Было развито и скотоводство. Развитие земледелия подтверждается железными серпами, находимыми на поселениях. Для размола применяли зернотерки в виде каменных плит того типа, который существовал в течение многих столетий, если не тысячелетий. Какие же культурные растения выращивали жители? Были обнаружены отпечатки зерен на стенках и днищах сосудов. Это зерна проса, ячменя, пшеницы, гороха, вики. Скотоводство мало чем отличалось от других районов лесостепи. Здесь разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свинью. По данным раскопок можно судить о металлургии, которая находилась в руках мастеров — кузнецов и литейщиков. Все остальные отрасли производства не выделились еще из рамок домашнего производства. Домашние хозяйки лепили посуду, сами ткали и шили одежду. Охотники изготавливали стрелы из кости⁹.

Население среднего Северского Донца было тесно связано со своими скифскими соседями, от которых оно получало произведения греческой культуры. Но судить об этнической принадлежности племен среднего Северского Донца мы не можем сколько-нибудь уверенно. Об этом ничего не говорят ни древние письменные источники, ни археологические данные, так как археологические памятники эпохи раннего железа изучены далеко не достаточно.

Как можно судить по словам Геродота, северо-восточнее будинов живут фиссагеты, которые средства к жизни добывают охотой, в соседстве с ними живут иирки. По данным Геродота, эти племена также занимаются охотой. Далее в восточном направлении, как пишет Геродот, живут другие скифы, прибывшие в эту местность по отделении от царственных скифов. До владения этих скифов

земля представляет собой равнину, а уже отсюда начинаются гористые места. Здесь сведения Геродота очень условны, и не следует определять по его данным географическое размещение этих народов. Если помещать ирков в Приуралье, то можно связывать с ними племена ананьинской культуры (может быть, и зауральские), которые занимались охотой, как это видно из изучения остеологического материала¹⁰. Об ирках Геродот пишет, что они занимаются охотой, используя для этого лошадь и собаку. Ирк с дерева, которых в той местности весьма много, выслеживает дичь. «Завидевши, охотник стреляет по ней из лука, потом садится на лошадь и пускается в погоню за добычей, собака неотступно следует за ним»¹¹. С этими данными хорошо сопоставляются сведения об ананьинской культуре, которая принадлежала финно-угорским народам, предкам удмуртов, коми и мари. Эта культура занимала область Средней Камы, Вятки, Средней Волги до впадения Ветлуги, а на юг простиралась до реки Утки.

Быт этого населения был довольно примитивен. Большинство орудий охоты и бытовые вещи делались из кости. Довольно много находят скребков, стругов из кости для обработки кожи. Гарпуны дополняли разнообразный набор стрел и копий. Железные вещи, сначала малочисленные, скоро заняли ведущее место. Однако в течение почти всей ананьинской эпохи они сосуществовали с бронзовыми. Среди последних попадаются бронзовые стрелы, сделанные в подражание скифским и отличающиеся от них в деталях, топоры особой формы, с насадкой в виде втулки (кельты) и бронзовые копья. Из бронзовых вещей несомненно местного производства следует отметить клевцы, тип, попавший сюда, как считают археологи, из Сибири, с которой Приуралье было связано тесными культурными и этническими узами. Особенно интересны парадные секиры, известные под именем «пинежских». Привлекают внимание топоры из собрания Государственного исторического музея в Москве. Длинная боевая часть ограничена с тыльной стороны выступом с головой хищника с оскаленной пастью и вывернутыми губами, а сверху украшена фигурой орла, выполненной в реалистической манере. Такие топоры были распространены не только на территории племен ананьинской культуры, но и в прилегающих районах нашего Севера. Это образцы местного

производства, служившие знаками власти, так как в качестве боевого оружия они мало пригодны.

Могильники Прикамья того времени изучались уже с середины XIX в., когда были проведены раскопки Ананьинского могильника, по которому названа вся культура. Они дают картину, типичную для эпохи распада родового строя и формирования классовых отношений. Могилы вождей и богатых членов рода, представителей племенной аристократии, отличаются пышным убранством и богатым набором вещей. В этом отношении характерна могила «Ж» Ананьинского могильника. Сама могила была выложена камнем и имела вид ладьи. В могиле лежал вытянуто на спине костяк и много бронзовых и железных вещей, над могилой находилась плита с изображением воина в короткой куртке, напоминавшей одежду скифов, с коротким кинжалом, с боевым клевцом и в остроконечной шапке.

В женских могилах находят обычно украшения, причем в богатых могилах нередко южные привозные бусы. Для характеристики отношений с савроматами важны погребения воинов, которых открыто много. Так, на Нижней Каме, близ Котловки, в коллективной могиле были найдены захоронения покойников без голов, встречены костяки с бронзовыми стрелами, застрявшими в костях. Обилие таких захоронений ясно говорит о напряженных отношениях населения Прикамья с южными степными соседями. Весьма возможно, что укрепленные поселки здесь возникли в связи с постоянными угрозами нападения. Степняков привлекали на Севере звериные шкуры, ценные меха, которые широко потреблялись в тогдашнем цивилизованном мире. В обмен шли украшения, ценное оружие, бытовые вещи, изготовленные в греческих колониях Черного моря. В Прикамье встречаются бронзовые зеркала ольвийской работы, стрелы, кинжалы, посуда, застежки и др.

Племена ананьинской культуры населяли далекую периферию скифского мира.

К западу от Среднего Поволжья, где жили фиссагеты, обитали племена, известные в археологии под именем племен дьяковской культуры. Здесь уровень развития производительных сил был, по-видимому, такой же, хотя скотоводство было более развито, чем охота. На этих городищах встречаются греческие бусы и костяные стрелы,

подражающие бронзовым скифским. Как можно видеть по всему археологическому материалу, скифская периферия была тесно связана с Югом, со скифами, а через них и с греческими государствами.

На этом мы можем закончить несколько затянувшийся обзор скифских племен и племен, связанных со скифами или находившихся под их влиянием. Как мы видели, это влияние в той или иной форме распространялось на огромной территории. В первой вводной главе была высказана мысль, что скифы являлись связующим звеном между народами, весьма отдаленными друг от друга, что они сыграли большую роль, вовлекая все эти племена в единый исторический процесс. Разбор этнокарты Геродота дал читателю случай убедиться в этом.

Теперь мы можем опять вернуться к истории скифов, которых оставили в тот момент, когда они пришли назад из далекого похода в Переднюю Азию.

Персы идут на скифов

Возвращение скифов из похода не было радостным. Их встретили отнюдь не цветами. Если верить Геродоту, то в «государственном» масштабе разыгралась не редкая для войн того времени история — жены не дождались своих мужей. Но предоставим лучше слово «отцу истории».

«Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдержать войну не меньше мидийской: они встретили выступившее против них немалое войско, потому что скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами. . .

От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии. Прежде всего они отрезали свою землю, выкопав широкий ров на всем протяжении от Таврических гор до озера Меотиды, где оно наиболее широко. Затем при всякой попытке скифов вторгнуться они выходили против них и вступали в битву. Когда произошло несколько сражений

и скифы не могли одолеть врага...»¹, то они изменили тактику и добились наконец победы. В толковании этого сообщения историки расходятся, о чем мы более подробно будем говорить ниже, в том месте, где речь пойдет о рабстве у скифов. Здесь же достаточно, по-видимому, сведений о том, что возвращение их было сопряжено с какой-то борьбой, возможно восстанием, свидетельствующим о напряженных антагонистических отношениях между различными слоями скифского общества.

События политической истории скифов, разыгравшиеся вслед за возвращением (кроме изложенного выше), неизвестны, но можно думать, что скифское общество продолжало развиваться. Принесенные из похода ценности в том числе немало всевозможной утвари, оказали влияние на формирование художественного стиля. Вероятно, не прошло бесследно и столкновение с передовыми для того времени классовыми обществами Переднего Востока. Думается, что в это время Скифия представляла собой большое политическое объединение со значительной самостоятельностью отдельных его частей. Можно предполагать, что и в это время войны между племенами продолжались, что и в это время скифы совершали грабительские походы, но все это не нашло отражения в мировых хрониках, ибо не затрагивало, очевидно, тогдашний цивилизованный мир. Правда, известно, что в это время происходит колонизация греками побережья Черного моря, возникают греческие города-колонии, налаживаются их торговля и политические взаимоотношения со скифами.

В конце VI в. до н. э. Скифия оказывается вновь втянутой в орбиту мировой политики. Самая могучая в то время держава, объединявшая под властью персов огромные территории Передней Азии до Индии, поднялась на скифов войной. Во главе персидского войска стоял Дарий. Он провел большую подготовительную работу по организации вторжения и мобилизовал большие силы. Нашел он и предлог для объявления войны, предлог, с нашей точки зрения, несколько странный. Он решил отомстить скифам за то, что они примерно за 150 лет до этого вторглись в Мидию, которая теперь входила в состав Персидской державы, и нанесли поражение мидийцам².

И вот во главе многоплеменного войска Дарий около 513 г. до н. э. начал поход. По словам Геродота, войско

Дария состояло из 700 тыс. человек и 600 кораблей. Начав движение из Суз (недалеко от Персидского залива), Дарий прошел Малую Азию, переправился через Боспор, пересек Фракию, попутно покоряя народы, среди которых Геродот отмечает и гетов. Последние, одни из всех фракийских племен, оказали сопротивление, но были разбиты. Переправившись через Истр (Дунай) по мосту, построенному для него малоазийскими греками, Дарий с войском вступил в пределы Скифии. Дальнейший его маршрут, изложенный Геродотом, вызывает сомнения у многих исследователей, но других источников нет, само описание похода содержит много интересных деталей, и мы будем излагать поход в соответствии со свидетельствами Геродота.

Скифы были осведомлены о действиях Дария. Им было известно и число войск, вторгнувшихся в их страну. Отдавая себе отчет в том, что им трудно будет одолеть противника в открытом бою, скифы пригласили через вестников царей соседних народов — тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савромат. Цари прибыли на совещание. Скифы обрисовали обстановку, известив царей, что вся Азия покорена Дарием, что он подчинил себе Фракию и гетов и стоит на границе скифских земель. На совещании мнения разделились. Цари гелонов, будинов и савромат обещали помочь скифам. Наоборот, цари агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров отказались помогать скифам, мотивируя свое решение тем, что скифы первыми начали войну и теперь персы «по внушению божества платят вам тем же»³. Тогда скифы, разделив силы на три части, приступили к защите своей страны, используя метод партизанской войны. Они избегали решительных сражений, заманивали противника в глубь своей территории, тревожа его коммуникации и уничтожая отдельные небольшие вражеские группы.

Первый отряд скифов во главе с царем Скопасисом, совместно с савроматами пошел вдоль берега моря, отступая к Танаису. Они уходили от персов, засыпая по пути все колодцы и источники и уничтожая растительность. Две другие части царских скифов под началом Иданфирса и Таксакиса в союзе с гелонами и будинами отступали на север, идя на расстоянии одного дня пути от персов. Эти отряды скифов должны были пройти через земли

племен, отказавшихся воевать, с тем, чтобы насильно втянуть их в войну. Геродот довольно подробно описывает всю эту кампанию. Персы шли за отступавшими скифами, дошли до Танаиса и, пройдя землю савромат, вторглись затем в землю будинов. Геродот отмечает, что персы, идя за скифами, вступили в пустыню, лежащую к северу от будинов. Отсюда персы повернули обратно и вступили снова в землю скифов. Здесь они встретили два другие отряда.

В результате движения, когда скифы и персы проходили через земли меланхленов, андрофагов и невров, земли этих народов были разорены. Только агафирсы проявили твердость, заявив скифам, что в случае вторжения в их земли скифы встретят сопротивление. Под страхом этой угрозы скифы не входили в земли агафирсов⁴. Создалось трудное положение, так как персы потеряли часть войска, не выиграли ни одного сражения и не захватили никакой добычи. Поэтому Дарий послал к скифскому царю всадника с заявлением: «...чужак, зачем ты все убегаешь... , если ты считаешь себя в силах противостоять моему могуществу, то остановись, прекрати свое блуждание и сразись со мной; если же признаешь себя слабее, то также остановись в своем бегстве и приди для переговоров к своему владыке с землею и водою»⁵.

В ответ царь скифов Иданфирс сказал, что он не убегает от персов, а действует так, как всегда. Скифы не стремятся сразиться с персами, так как они не имеют ни городов, ни посевов, нет ничего, что персы могли бы захватить. Но если персам необходимо ускорить сражение, то надо найти и разрушить гробницы предков. «Раньше мы не сразимся, если нам не заблагорассудится. Это относительно сражения... А тебе вместо даров земли и воды я пошлю такие дары, какие приличествует тебе получить; наконец, за то, что ты назвал себя моим владыкою, ты мне заплатишься»⁶. Скифы, хотя и были возмущены предложением Дария, продолжали вести войну тем же методом. Один из отрядов под начальством Скопасиса они отправили к ионянам, которые стерегли мост на Истре. Они договорились, что после шестидесяти дней ионяне уйдут, бросив охрану моста. Остальные отряды остались на месте и продолжали борьбу, нападая на отдельные отряды персов, уходивших за продовольствием. Геродот отмечает, что скифы, обладая первоклассной кон-

нищей, всегда обращали в бегство персидскую. Но у персов была прекрасная регулярная пехота, о которую разбились все усилия скифов.

Мешали скифам и мулы и ослы в войсках персов. Непривычные к мулам и ослам скифские лошади боялись их вида и крика и обращались в бегство.

Постоянные нападения скифов днем и ночью на персов, нарушение персидских коммуникаций, все приемы, характерные для партизанской войны и особенно действенные в условиях степи, где нет городов и сел, принудили Дария прекратить войну и уйти из Скифии.

Геродот сообщает легенду, связанную с прекращением войны: когда Дарий оказался в затруднительном положении, скифские цари отправили к Дарию послов с подарками, состоящими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы должны были сами определить значение присланных предметов. Дарий склонен был определить значение подарков так: скифы отдавались ему с землей и водой. Мышь водится в земле и питается тем же плодом, что и человек, лягушка живет в воде, птица наиболее походит на лошадь, а под видом стрел скифы якобы передали свою военную храбрость. Этому противоречило другое толкование перса Гобрии: «Если вы, персы, не улетите, как птицы в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел»⁷. Рассказывает Геродот и о таком случае. Отправив подарки, скифы построились для битвы. В это время перед их строем промчался заяц, и скифы с криками бросились его преследовать. Узнав об этом, Дарий заметил: «Эти люди относятся к нам с большим пренебрежением, и мне теперь ясно, что Гобрия правильно объяснил смысл скифских даров»⁸. Это событие произвело на Дария большое впечатление.

С наступлением ночи, оставив в лагере ослабевших воинов и привязав ослов, которые должны были своим криком свидетельствовать о том, что Дарий стоит на месте, персидское войско принуждено было уйти из Скифии и Европы.

Так провалилось предпринятое Дарием покорение Скифии. Война с Дарием, начиная с совещания, достаточно ясно показывает, что часть населения главным образом периферии Северного Причерноморья в значительной

мере сохраняла еще свою самостоятельность и не входила в скифское государство на правах покоренных народов.

Несколько позднее, в V—IV вв. до н. э., скифы подчинили некоторые племена степной и лесостепной зон. Археологические исследования привели к открытию скифских погребений в курганах лесостепи, куда проникали скифы-кочевники. Такие погребения встречаются на левобережье Днепра, на территории между Киевом и Кременчугом, где степные пространства вдоль левого берега Днепра доходят до параллели Киева. Большинство их устроено по типу степных курганов с могилами в виде катакомб.

Эти погребения свидетельствуют о далеком проникновении степняков в глубь территории других племен, ведущих оседлый земледельческо-скотоводческий образ жизни. Такое проникновение прослежено вплоть до Полесья. Этот штрих имеет значение для изучения этнической истории скифов. Большая часть раскопанных погребений относится к IV в. до н. э., и принадлежит представителям средних слоев скифского общества. В погребениях часто встречаются захоронения рабов.

Проникновение скифских и иных элементов в область Среднего Дона заметно по погребениям в катакомбах и погребениям с трупосожжением. Все это свидетельствует о том, что отношения внутри скифского государственного объединения были в достаточной мере мирными, чем определялись известная нивелировка культуры и экономический расцвет отдельных областей.

Мирными были в этот период, по-видимому, и отношения скифов с их восточными соседями — савроматами. Правда, эта сила уже начала приходить в движение. Отдельные группы савромат уже с IV в. до н. э. проникают на скифскую территорию, переходя Дон. Первое глухое упоминание об этом содержится у Гиппократ (греческого врача и естествоиспытателя, 460—377 гг. до н. э.), который писал, что в Европе есть скифский народ, живущий вокруг Меотиды (Азовского моря) и называемый савроматами. Далее он упоминает о воинственных занятиях женщин этого народа. Эту же, вероятно, группу савромат упоминает в Европе и Скилак, называя их сирматами⁹. Он допускает, что перемещения в этом районе могли быть в этот период взаимными, т. е. не только савроматы переходили на правый берег Дона, но и скифы — на левый.

**Атей
против Филиппа
Македонского**

рано скифы проникают в Центральную Европу. Знаменитый клад в Петерсфельде, который следует, вероятно, рассматривать как курганный захоронение, — лучшее тому доказательство. На территории Венгрии также нередко встречаются скифские стрелы и курганы, которые приписывают скифам¹. В этом отношении важно такое погребение в Ракошпалоте² на территории Венгрии. Кроме того, на всей территории Словакии попадаются вещи, приписываемые скифам: наконечники стрел, акинаки и некоторые формы керамики. Часть археологов склонна считать, что племена, населявшие Венгерскую равнину, развивались под скифским влиянием. Отношения с населением Центральной Европы были уже в эпоху поздней бронзы довольно сложными, и мирные отношения перемежались с военными. Уже давно были установлены связи скифской территории с гальштатской³. Скифы оказали значительное культурное влияние на население гальштатской и лужицкой культур и сами испытали их воздействие. Последнее сказывается в орнаментации белой пастой ранней скифской керамики и в появлении вещей, характерных для гальштатской культуры⁴.

В настоящее время скифских вещей на территории Центральной Европы найдено много. Можно напомнить, что на территории лужицкой культуры, занимавшей в I тысячелетии до н. э. Польшу, северную часть Чехословакии и восток Саксонии, находят большое число скифских вещей. На 80 городищах, разбросанных по всей территории этой культуры, встречены различные украшения, оружие и части конского убранства. На одном из городищ обнаружено железное навершие скифского акинака. Самым началом I тысячелетия до н. э. датируются два меча чернолесского типа и ножи карасукской культуры (существовала в южной Сибири). О связях со скифами могут говорить и китайские бусы из фарфора, которые могли попасть только через Юго-Восточную Европу. Наиболее поздними предметами являются изделия IV в. до н. э. По-видимому, после этого времени скифские вторжения в Центральную Европу прекратились⁵. В Центральной Ев-

ропе в эпоху раннего железного века столкнулось движение двух крупных этнических волн — скифов и кельтов. Это отмечено античными историками, в том числе Страбоном⁶. Крайне интересно курганное погребение, открытое около деревни Викс близ Шатильона-на-Сене, в департаменте Кот-д'Ор во Франции⁷, содержавшее, видимо, захоронение жрицы. Найдены диадема, кратер, браслеты и бусы, в частности янтарные. Наиболее характерной вещью, принадлежавшей скифам, является диадема, которая имеет аналогии в находках из богатых курганов IV—III вв. до н. э. Большинство остальных предметов связано с античным миром⁸. Следует упомянуть также и бляшку из Лотарингии в виде головы лося, выполненную в скифском зверином стиле⁹.

О движении с Востока, несомненно, говорят монголоидные маски на бронзовом кувшине из Рейнхейма.

В последние десятилетия открыты новые материалы, связывающие мир Восточной Европы с Центральной и Западной Европой. По-видимому, походы скифов затрагивали не только Восток, но и Запад. Эти походы были эпизодическими и не повлияли на процесс формирования самих народов, однако памятники скифской культуры и искусства сыграли некоторую роль в формировании культуры народов Западной Европы. С другой стороны, движение кельтов на Восток заставило часть населения Центральной Европы продвинуться в Приднепровье. Это сказалось в появлении последовательных волн праславян на нашей территории.

Культурные связи и проникновение населения Центральной Европы на Восток начались еще в позднебронзовую эпоху. Такое движение продолжалось и позднее, в течение многих последующих веков. Оно затронуло этнические пласты праславянского мира, а затем древних славян, продвинувшихся позднее в глубь территории Восточной Европы. Эта эпоха контакта иранского и праславянского мира нашла отражение в иранских элементах в современных славянских языках.

Наиболее известным событием из области скифской активности на западных границах является деятельность скифского царя Атея, которого многие исследователи считают основателем скифского рабовладельческого государства. Уже примерно в середине IV в. до н. э. Атей довольно прочно обосновался на правом берегу Дуная. Эта

территория известна у древних авторов под названием Малой Скифии. Атей вел в этом районе активную политику. В сочинениях Климента Александрийского сохранилось послание Атея гражданам греческого города Византии, в котором он грозил напоить своих коней у стен города¹⁰. Известна его победа в сражении с трибаллами. Наконец, известно о его войне с Филиппом II Македонским, отцом знаменитого Александра Македонского. Отголоски этой войны, последней для Атея, довольно подробно изложены в сочинениях римского историка Помпея Трога.

Атей вел борьбу с истрианами, и борьба складывалась не в пользу скифов. Тогда Атей обратился за помощью к Филиппу. Последний откликнулся на просьбу, но помощь оговорил условием: Атей должен был сделать его своим наследником и, следовательно, Филипп должен был получить после него Скифию. Атею в это время было около 90 лет. Но в это время скончался царь истриан, и война, вероятно, прекратилась. Атей отослал македонян обратно и заявил Филиппу, что у него есть свой сын и он не нуждается в наследниках. После переговоров, в ходе которых Филипп требовал уступок, отношения были прерваны, и македонцы выступили походом против скифов. Произошло сражение, в котором девятидесятилетний скифский царь сам руководил войсками. Скифы проиграли это сражение, а Атей в нем погиб. По имеющимся сведениям, Филипп захватил в плен 20 тыс. женщин и детей, угнал столько же чистокровных лошадей и множество скота.

Потомки амазонок наступают

Время правления Атея было временем наибольшего расцвета скифской державы, наибольшего ее могущества. Смерть

Атея и поражение в войне — начало упадка. После этого удара, по-видимому, последовали крупные политические перемены, сократилась территория царства в результате отпадения некоторых племенных групп. Сражение, в котором погиб Атей, произошло в 339 г. до н. э. Через восемь лет Македония нанесла скифам еще один удар. В 331 г. до н. э., когда у власти находился уже Александр Маке-

донский, греки совершили еще один поход. Руководил войсками полководец Александра Зонирион. Пройдя до низовьев Днестра, его войско осадило Ольвию. Правда, осада была неудачной, взять город не удалось. Ольвиополиты прибегли к крайним мерам — они отпустили на свободу рабов, чем резко увеличили число защитников города. Но уже сама возможность проникновения враждебной армии в центральные районы Скифии свидетельствует о значительном ее ослаблении. На ослабление скифов откликнулись савроматы, активизировав свою деятельность на восточных границах царства. Мирные отношения с ними были нарушены. Если и раньше савроматские группы переходили Дон, то теперь этот процесс принял характер вторжения. Скифская держава, страдавшая, вероятно, от классовых противоречий и межплеменных разногласий, не смогла оказать должного сопротивления. Господство скифов в степях Причерноморья быстро клонилось к закату и в конце концов завершилось разгромом. В II в. до н. э. хозяевами степей между Доном и Днепром стали сарматы, выходцы из Поволжья.

Диодор Сицилийский, живший во второй половине I в. до н. э. и использовавший более ранние источники, сообщает, что савроматы, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню¹. Описывая амазонок — савроматских женщин-воительниц, — Диодор пишет про одну царицу, имени которой он не называет: «...отправившись войной в страну за рекою Танаисом, она покорила все соседние племена вплоть до Фракии и, возвратившись домой с богатой добычей, построила великолепные храмы богам...»².

Сарматы, которых древние авторы сопоставляли с савроматами, во многом походили на скифов. Однако у них во времена их завоеваний были и некоторые отличия. Вооружение их состояло не только из лука и стрел, но и из длинных мечей, довольно редкого оружия у скифов. Длинное тяжелое копье дополняло вооружение. Защитным вооружением были панцири и несколько позднее, с начала нашей эры, кольчатая броня.

Что заставило сармат предпринять поход на запад, в земли своих соседей скифов? Побудительной причиной явилось развитие кочевого скотоводства, которое требовало огромных пастбищ и захвата рабов для обслуживания

стад. Сарматы шли волнами на юг, в область Северного Кавказа, и на запад. Первыми из них источники упоминают языгов, затем роксолан, сираков, аорсов и, наконец, алан.

Картографирование сарматских памятников показывает их распространение в Северном Причерноморье по всей степной части, местами они заходят и в область лесостепи, на Дон, Северский Донец, Днепр и Днестр, где известны сарматские курганы³. По-видимому, рисующий картину полного разгрома скифского государства Диодор прав только частично. Известны скифские памятники на Днепре и к востоку, по реке Молочной, с типичным скифским обрядом погребения и инвентарем, что плохо согласуется со свидетельством Диодора о полном разгроме Скифии. Очевидно, это коснулось только тех районов, где сарматы встретили сопротивление. В других местах скифы могли откупиться и сохранить жизнь и имущество при условии выплаты дани. Есть все основания полагать, что Нижний Днепр, Крым и территория, которую Страбон называет «Малая Скифия», сохранила старое скифское население. Несколько позднее Скифия будет ограничена только площадью Крыма и узкой полосой побережья до Ольвии. Едва ли царство Скилура и Палакка имело земли выше по Днепру. Нужно учесть, что одновременно с сарматами, а может быть и немного позже, с Запада, с правобережья Днепра на Восток проникают племена «полей погребальных урн», которых многие исследователи связывают с праславянами, а некоторые — со скифами, считая их наследниками культуры скифского времени в лесостепной полосе.

Процесс отступления скифов протекал одновременно с проникновением сармат, волны которых последовательно занимали территорию степей, вытесняя постепенно скифов оттуда, где они еще сохранились после разгрома в конце IV в. до н. э. Уже в первые века нашей эры прослеживается ассимиляция сармат праславянами, точнее племенами «полей погребальных урн». Памятниками проникновения сармат в лесостепные районы можно считать погребения в грунтовых ямах с северной ориентировкой, с типичным сарматским вооружением, керамикой и украшениями⁴. Так постепенно, в течение довольно короткого времени сменилось население в степной части Украины. Старое скифское население и племена скифского времени

в области скифов-пахарей на Среднем Днепре были поглощены новым населением.

Существенные изменения претерпели отношения скифов с античными городами-колониями, прежде всего с Ольвией. До этого Ольвия сохраняла свою независимость и скифы, вероятно, не пытались ее подчинить. Несомненно, скифы использовали Ольвию как посредника в торговле и раньше, но в условиях мощной скифской державы, внутри которой находилась Ольвия, скифам не было нужды уничтожать ее политическую самостоятельность.

Судьба Ольвии, особенно торговой Ольвии, целиком зависела от отношений со скифской державой, являвшейся главным ее торговым партнером. Отношения между ними были в основном мирными. Известно, например, что некоторые скифские цари имели в Ольвии свои дворцы и пользовались правом свободного входа в город. Теперь, после ослабления скифов, положение изменилось. Территория Скифского царства ограничивалась Крымом и Нижним Днепром. В степях появилась новая сила — савроматы. Чтобы заставить Ольвию служить своим интересам, скифы должны были подчинить ее и в политическом отношении. Свидетельством того, что скифы так и поступили, являются ольвийские монеты с именем скифского царя Скилура. Существует также одна надгробная надпись II в. до н. э., в которой Ольвия названа скифским городом⁵. Однако подчинение Ольвии, вероятно, не было длительным или постоянным. К тому же II веку до н. э. относится знаменитый ольвийский декрет в честь Протогена, из которого следует, что Ольвия является свободным городом, а скифы и другие племена ищут защиты за ее стенами, опасаясь нашествия галатов. По-видимому, в данном случае имелись в виду те скифы, которые обитали в окрестности Ольвии.

Центр скифов перемещается в Крым. Около теперешнего Симферополя возникает новая столица — Неаполь Скифский. У историков это политическое образование известно под именем Скифского царства в Крыму. К истории его мы и обратимся, оставив в стороне часть скифов, поселившихся за Дунаем и сыгравших некоторую роль в политической жизни тех районов, а позднее растворившихся во фракийской среде.

Скифское царство в Крыму

На этом последнем этапе своей истории скифы — это небольшое рабовладельческое государство.

Территория его значительно сокращена по сравнению с прежней. Сокращается и число соседей. Это тавры, потомки киммерийцев, на юге, в Крымских горах, это Боспорское царство на Керченском полуострове и Херсонес — греческий город на западном побережье (около современного Севастополя). Выход из Крыма в степи Украины закрывают сарматские племена. Ольвия, оказавшаяся на периферии государства, постепенно теряет свое значение, все большую роль в торговле приобретает Херсонес, который скифы пытаются полностью подчинить.

Около рубежа нашей эры некоторую роль стали играть тавры, которые были втянуты в общую политическую жизнь Крыма, и, по-видимому, уже не были такими дикарями, какими их рисовали греческие писатели. Из изучения погребальных памятников степного Крыма ясно виден тесный контакт скифов и тавров. В погребениях скифов северного предгорья появляется ориентировка, свойственная таврской, и захоронения в скорченном положении¹. В грунтовых могильниках у с. Партизанское и в некрополе Неаполя Скифского встречаются коллективные захоронения, типичные для тавров. За последние годы было открыто немало коллективных захоронений рядовых скифов. Это каменные ящики, сооруженные на поверхности земель, содержащие от 10 до 173 костяков. Интересно, что в рядовых могилах, как правило, отсутствует вооружение. Такие скифские каменные ящики встречаются только в предгорной части, т. е. в соседстве с таврами. Тесные взаимоотношения тавров и скифов сказываются не только в обрядовой стороне погребений, но и в инвентаре. В первые века нашей эры появился новый термин «тавро-скифы». Этот термин встречен был на одной из боспорских надписей. Он позволяет, по мнению некоторых исследователей, говорить о частичной ассимиляции тавров скифами. Страбон считал, что такая терминология не отражает истинного положения вещей, а свидетельствует о незнании древними географами этнического состава населения².

Мнение Страбона, одного из самых достоверных авторов, к высказываниям которого историки древности при-

слушивались внимательно, заставляет не считаться с термином тавро-скифы, который как будто предполагает отдельный народ. Но появление этого термина, несомненно, свидетельствует о тесных связях обоих народов.

За последние годы в Крыму были исследованы многие скифские поселения, и они в той или иной мере носят античный характер, что сказывается и в системе укреплений, и в постройках. Наиболее интересным и показательным является Неаполь Скифский — полуварварский, полугреческий город. Заслуживают также внимания исследования турецкого вала и рва, вероятно, ограничивавших Крым по линии Перекопа. Ров в древности соединял моря Черное и Азовское.

Скифская держава, потеряв значительную территорию и ослабев экономически, пыталась вести в Крыму активную политику. Особенно трудно приходилось Херсонесу; это заставило его искать поддержку на стороне. В 179 г. до н. э. был заключен договор с понтийским царем Фарнаком, который обещал защищать Херсонес от варваров. В самом конце II в. до н. э. Херсонес опять был принужден обратиться за помощью к Понтийской державе. Преемник Фарнака, Митридат VI Евпатор, в 110 г. до н. э. послал в Крым армию под командованием Диофанта, разбившего скифов и тавров. Декрет в честь Диофанта, которым почтили его херсонесцы, упоминает о том, как скифский царь Паллак внезапно напал на город с большим войском. «Он [Диофант] поневоле принял битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми». Несколько позднее, когда, как говорится в декрете, скифы, проявив врожденное вероломство, отложились от царя (Митридата) и изменили соотношение сил, Диофант овладел Керкенитидою и Стенами, которые в это время были захвачены скифами, и приступил к осаде Прекрасной Гавани. Война, как можно судить по документу, окончилась для скифов печально. Диофант взял Неаполь и Хавей, полностью разгромил скифское войско и надолго спас Херсонес от скифского нашествия.

Победе Диофанта посвятил несколько строк и Страбон.

Тяжелые для скифского царства в Крыму события не привели к его гибели, но создали превосходство греков. Может быть, этим объясняется более решительная позиция Боспора, о чем пишет Страбон. Касаясь взаимоотношений

со скифами, он отмечает, что кочевники ведут войны из-за денег. Они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются получением обусловленной платы, умеренной, необходимой для удовлетворения своих потребностей. Однако с теми, кто им не платит, кочевники воюют. Кочевникам не платят люди, уверенные в своей силе. Так поступил боспорский царь Асандр (47—17 гг. до н. э.), который, по сообщению Гипсикрата, построил на перешейке, поблизости от Меотиды, стену с башнями³. Следует помнить, что и сами греческие центры в это время попали в тяжелое положение. Восстание рабов на Боспоре в 107 г. до н. э. привело к подчинению всех городов Митридату Евпатору и втянуло античные государства Крыма в борьбу Понта с Римом.

В это время степи были заняты одним из крупнейших племенных объединений сармат — роксоланами. По-видимому, у них были не враждебные отношения со скифами.

Когда мы говорим о переходе центра и, конечно, части населения скифской державы в Крым, мы не должны забывать о проникновении вместе с ними туда и сарматских племен. Во всяком случае погребения сармат встречаются в Крыму. Несомненно, в Крыму происходили и события, описанные Страбоном: «Роксоланы, — пишет он, — воевали даже с полководцем Митридата Евпатора под предводительством Тасия. Они пришли на помощь Поллаку, сыну Скилура, и считались воинственными. Однако любая варварская народность и толпа легко вооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае роксоланы, числом около 50 000 человек, не могли устоять против 6000 человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены»⁴. Да и позднее, судя по тому, что скифы временами властвовали над Ольвией, сарматы не нарушали их кочевий в устье Днепра и возле Ольвии. Правда, защитить Ольвию от Митридата, а позднее от гетов скифы не смогли. Геты разгромили Ольвию в I в. до н. э., после чего, по желанию скифов, Ольвия была восстановлена, как об этом пишет Дион Хрисостом. Однако теперь новая Ольвия ничем не напоминала богатый и цветущий город прежних лет; была заселена только небольшая часть города. В середине I в. н. э. Ольвия существовала под протекторатом

скифов и в знак своей зависимости выпускала монеты с именами скифских царей, Фарзоя и Инисмея, но скифы уже не могли влиять на общую политическую обстановку и, когда во II в. римляне сочли необходимым включить город в свою империю, они без труда это сделали, разместив там свой гарнизон.

К этому времени скифская держава не могла вести сколько-нибудь самостоятельной политики. Иногда скифы проявляли активность и вели наступление на греческие государства.

Так было в середине I в. н. э., когда скифы вновь осадили Херсонес, которому на выручку отправился римский легат Мезии Плавций Сильван, заставивший снять осаду. Едва ли скифы этого времени были в состоянии противостоять римским войскам — лучшей европейской армии того времени.

В течение I—II вв. н. э. между скифами и Боспором также происходили конфликты, нашедшие отражение в надписях. Перевес во всех известных случаях был на стороне Боспора. Что же заставляло скифов искать конфликта со своими более сильными соседями? По-видимому, скифам постоянно приходилось отстаивать свои интересы с оружием в руках, но эта защита, судя по отрывочным документам, не была успешной.

Скифская держава в первые века нашей эры уже не была жизнеспособной. Ее экономика была окончательно подорвана. Пункты, через которые она могла бы вести внешнюю торговлю, были для нее теперь недоступны, последней была захвачена Римом Ольвия.

В это время усиливается движение варваров. По-видимому, большую роль в этом движении сыграла держава Германариха, включившая в свой состав многие племенные объединения Северного Причерноморья. Вместе с сарматами и праславянами, оставившими такой памятник, как могильник Харакс⁵ в Крыму, проникли в Крым и готы, которые археологически пока не выделяются. В III в. н. э. разрушен Неаполь и другие скифские города по западному берегу Крыма. К этому времени относится появление готов в Крыму. Вероятно, им и следует приписать разрушение скифских городов.

С этим событием связана политическая смерть скифской державы, существовавшей с V, а может быть и VI в. до н. э. до III в. н. э.

В предыдущих главах были рассмотрены основные вопросы истории скифов, в первую очередь их отношения с внешним

миром, с соседними племенами. Это то, что сейчас обычно называют внешнеполитической историей. Попутно затронуты и некоторые проблемы внутренней жизни скифской державы, но далеко не достаточно. В этой и последующих главах мы попытаемся ознакомить читателя с хозяйством и бытом, с политическими институтами и искусством скифов.

Основу жизни всякого общества составляет экономика, хозяйство. С этого мы и начнем.

Мы все привыкли считать степных скифов кочевниками. Однако это понятие весьма условно, и в степной части, наряду с кочевниками, уживались оседлые земледельцы. (Это замечание не относится к лесостепной полосе, где основой хозяйства являлось земледелие и оседлое скотоводство).

История скифского скотоводства тесно связана с предшествующим временем, когда во второй половине II тысячелетия до н. э. население степной зоны Восточной Европы постепенно начинало переходить к кочевническому хозяйству, что в тех исторических условиях означало рост производительных сил общества. По-видимому, этот процесс происходил не в короткие сроки, а постепенно и продолжался приблизительно до первой четверти I тысячелетия до н. э.

О хозяйстве скифов-степняков известно из сообщений античных авторов и из данных археологии. Об их кочевом хозяйстве говорит Геродот. Он отмечает, что к востоку от реки Пантикапа «обитают уже скифы-кочевники, ничего не сеющие и не пашущие; вся эта страна лишена деревьев, за исключением Гилеи. Эти кочевники к востоку занимают область на четырнадцать дней пути, простирающуюся до реки Герра¹». За этой рекой Геродот локализует царских скифов, «считающих прочих скифов своими рабами. . . , частью же их владения простираются до реки Танаиса²». Геродот описывает кочевой быт скифов и говорит о безрогой породе скота у них.

Значительно больше сведений дает остеологический материал, полученный в результате раскопок. Изучение его позволило раскрыть сложную картину развития ското-

водства в условиях рабовладельческого общества³. Получило подтверждение существование комолого скота у скифов, о котором до этого было известно только из сведений античных авторов и по изображениям. Этот скот мелкой породы, комолый, или короткорогий, по мнению палеозоологов, появился в Северном Причерноморье только в скифскую эпоху и, по-видимому, был приведен скифами⁴. В настоящее время установлено, что скифы кастрировали быков с целью создавать хороший рабочий и транспортный скот⁵. Сравнительно мелкими были лошади. Кости крупных лошадей встречаются редко. Изображение крупных лошадей сохранило нам античное искусство.

Весь материал позволяет прийти к выводу, что породы лошадей в Северном Причерноморье в скифское время были разнообразны. Среди них и небольшие лошади, характерные для стада простого кочевника, и хорошие породистые лошади, по-видимому, выведенные из Средней Азии и являвшиеся собственностью богатых людей. Кастрация лошадей, о которой сообщают древние авторы, также содействовала разнообразию внешнего облика лошадей. О кастрации сообщает Страбон, который говорит, что скифы и сарматы холостят своих лошадей, чтобы сделать их более послушными⁶. Разводили скифы и мелкий рогатый скот, о чем известно не только из свидетельств античных источников и данных изобразительного искусства, но и из остеологического материала, который позволяет внести коррективы в сообщения древних.

В скифскую эпоху овцы были мелкими, но не комолыми, что отмечено Аристотелем⁷. Разводили скифы и коз. В оседло-земледельческих хозяйствах были свиньи. Как правило, свиньи были мелкие, чуть выше русской лесной свиньи. Имелась в хозяйстве скифов и собака. Таков состав стада кочевников. Работы палеозоологов уточнили сведения, основанные на скупых сообщениях античных авторов и изобразительного материала.

Помпей Трог (I в. н. э.), рассказывая о войне Филиппа Македонского со скифским царем Атеем, сообщает, что греки среди трофеев захватили множество скота и 20 000 кровных кобылиц, которые были отправлены в Македонию для улучшения породы⁸. Сохранилась легенда, свидетельствующая о высокой культуре отбора высокопородных лошадей. Клавдий Элиан (II в. н. э.) сооб-

щает: «Мне известно, что один скифский царь имел кобылицу, обладавшую всеми достоинствами, какие от коней требуются и свойственны им, имел также и рожденного ею жеребца, отличавшегося от других прекрасными качествами. Царь, не находя возможности ни случить кобылицу с другим жеребцом, который был бы достоин ее, ни свести своего жеребца с другой, достойной получить от него оплодотворение, по этой причине свел их между собою»⁹.

Много продуктов скотоводства скифы вывозили в окружающие страны. Сообщая о скотоводстве у скифов, античные писатели почти ничего не говорят об общественных отношениях у кочевников. Однако кое-что, отдельные штрихи позволяют судить о сложных отношениях в их среде. Интересные косвенные сведения об имущественном расслоении сообщает Гиппократ. Касаясь вопроса о болезнях у скифов, он отмечает: «Этой болезни подвержены скифские богачи, — не люди самого низкого происхождения, а напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом; причина ее заключается в верховой езде; бедные люди менее страдают ею, так как не ездят верхом»¹⁰. Это свидетельствует о существовании среди кочевников людей, не имеющих лошадей.

Изучение быта кочевников XVIII—XIX вв. свидетельствует о том, что кочевое скотоводство возможно только при определенном составе стада и определенном числе голов скота. Если это соотношение нарушается, то кочевник или должен поступать в качестве работника к своему более удачливому соседу, или переходить к оседлому образу жизни. Особенно бедственное положение складывается в периоды эпизоотий или сильного гололеда, когда гибнет много скота. Установлено, что наиболее приспособлены для кочевки лошади и овцы. В правильно поставленном хозяйстве они должны преобладать¹¹. Гибель скота особенно пагубно отражается на верблюдах и лошадях, поголовье которых восстанавливается медленно. Другое дело мелкий и крупный рогатый скот, который восстанавливается сравнительно быстро.

Замечено, что сокращение поголовья лошадей и верблюдов характеризует упадок кочевого хозяйства. Так, например, у калмыков 60-х годов прошлого столетия наблюдался процесс имущественного расслоения. Кочевое скотоводство сохранялось только в богатых семьях. Бедные или

совсем не имеющие скота, или владеющие им в ограниченном количестве, принуждены были бросать кочевой образ жизни и переходить к оседлости или идти на отхожие промыслы, или в работники¹². Сравнение обстановки среди скифских племен по данным палеозоологии заставляет предполагать обеднение значительной части кочевников и переход их к оседлому образу жизни¹³. Та картина, которую рисуют античные авторы, касается не скифов-кочевников вообще, а только определенной их части — владельцев крупных стад. Именно к ним относится сообщение Гиппократата: «... а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные, они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две или по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку. Таков образ жизни и обычай скифов»¹⁴. Гиппократ был врачом и его интересовали вопросы физиологии. Выше уже говорилось, что с его точки зрения скифские богачи, владельцы стад, страдают некоторыми болезнями, причину которых он видит в праздной жизни. Он отмечает также полноту, тучность богатых женщин, страдающих бесплодием, и противопоставляет им худощавых, плодовитых рабынь, ведущих трудовой образ жизни.

Есть и прямые свидетельства существования бедных скифов. У греческого лирика Пиндара (522 — около 422 гг. до н. э.) говорится¹⁵: «Среди кочевников скифов блуждает Стратон, который не имеет дома, возимого на повозке...» Древний комментатор добавляет к этому: «Блуждает Стратон потому, что скифы зимою, вследствие ее невыносимости, складывают свое имущество на повозки и уезжают в другую страну. Не имеющий там повозки считается у них бесчестным»¹⁶.

В настоящее время в степной части Украины археологи открыли много скифских поселений. На левобережье

Нижнего Днепра обнаружены поселения скифов, относящиеся ко II в. до н. э.¹⁷ Расположение земледельческих поселений в степной части Украины еще не означает, что они принадлежали скифам-земледельцам. С большой долей вероятности в них можно видеть поселения осевших кочевников, обедневших и бросивших кочевое хозяйство. Такие городища, как Лепетихинское или Любимовское, относящиеся ко времени после IV—III вв. до н. э. и приписываемые скифам-земледельцам, может быть, оставлены осевшими кочевыми скифами¹⁸. Археологические исследования Северного Крыма свидетельствуют об оседлом населении с IV в. до н. э.¹⁹ По-видимому, правы те исследователи, которые считают, что скифские городища Крыма возникли не потому, что скифы, вытесненные из степной Украины, переселились в Крым, а потому, что население перешло к оседлому образу жизни²⁰.

Попытка резко отделить племена скифов-земледельцев от кочевых едва ли закономерна. Это разграничение нельзя провести и в материальной культуре. При существующем сейчас уровне знаний можно говорить, что кочевой быт скифов-кочевников неуклонно шел к упадку и постепенно переходил к более прогрессивным формам хозяйства, т. е. оседлому земледельческо-скотоводческому образу жизни. Естественно, земледельцы могли селиться только по берегам рек, по балкам и в районе лесов, которых, надо думать, в I тысячелетии н. э. было немало. Кочевой быт мог сохраняться только в степи у крупной рабовладельческой знати.

О земледелии у скифов сохранились лишь отрывочные данные, позволяющие, тем не менее, делать вывод о его широком распространении и высоком уровне. Земледелие в лесостепной и частично в степной части существовало издревле, еще в эпоху энеолита и бронзы. И, несмотря на смену населения, которая никогда не была полной, несмотря на различные этнические передвижения, старая земледельческая традиция в Приднепровье сохранялась до весьма позднего времени.

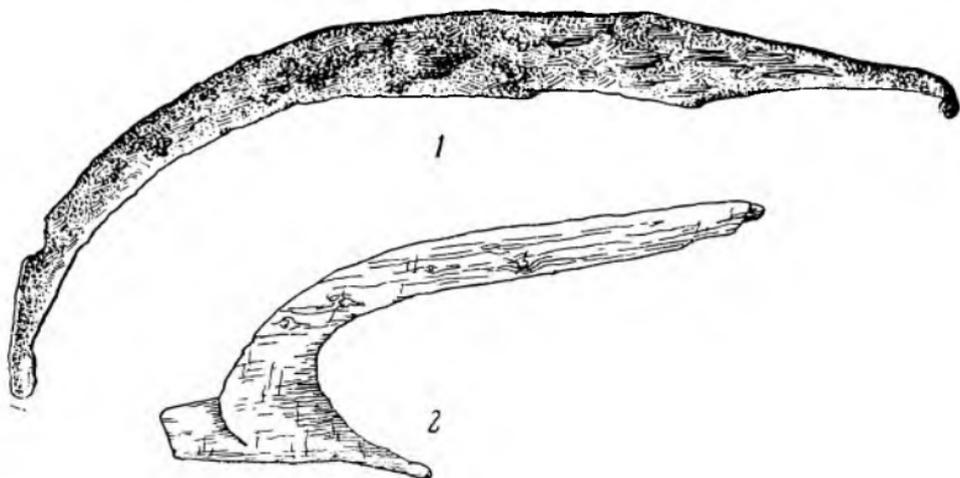
Довольно долго археологи и историки древности клали в основу изучения земледелия у скифов только сообщение Геродота, которое позднее повторялось и другими авторами. Характеризуя этническую карту Скифии, Геродот упоминает скифов-земледельцев и скифов-пахарей, которые сеют хлеб не для собственного употребления, а на

продажу. Кроме того, он приводит легенду об упавших с неба предметах, с которой мы познакомились в начале книги. Согласно первой легенде, с неба на скифскую землю упали золотые предметы — плуг, ярмо, секира и чаша. Этой легенде посвящено немало исследований. Обычно три предмета — плуг, ярмо и секира — считаются принадлежностью скифов-пахарей. Чаша, один из обязательных аксессуаров культа, могла принадлежать любому скифскому племени. Секира, упоминаемая в легенде, могла быть боевой и не имела отношения к земледелию.

Многие античные авторы сообщают о вывозе хлеба из различных пунктов Северного Причерноморья в греческую метрополию. В литературе этот вывоз обычно приписывают скифам-пахарям, у которых предполагается плужное земледелие. Скифы-земледельцы обладали якобы одной только мотыгой. Едва ли этот взгляд имеет какую-либо почву. Скорее всего, техника земледелия во всех частях Причерноморья была одна и та же, одни и те же орудия обработки почвы и уборки урожая, да и зернохранилища, связанные с земледелием, и культурные злаки не различались во всей Скифии. Поэтому справедливо поступают те авторы, которые привлекают к оценке скифского земледелия аналогии²¹.

В Европе плуг появляется довольно рано. Ему предшествовало деревянное рало, известное по наскальным изображениям с эпохи бронзы. Позднее, в эпоху раннего железа, деревянный плуг известен был в Центральной и Западной Европе.

Весьма развитые железные орудия обработки почвы были известны в латенской культуре, причем там встречены различные орудия — от рала до плужного лемеха²². Боспорские бронзовые монеты сохранили изображение плуга вместе с головой быка и колесом. Это можно считать свидетельством того, что вспашка происходила на быках и волах²³. К несколько более позднему времени, по-видимому, относится железный сошник, или рало, найденное на Пашковском селище. Это грубая пластина длиной около 20 см, шириной около 8 см. Такое рало можно рассматривать как прототип орудий более позднего времени, вплоть до конца I тысячелетия н. э., относящихся к салтово-маяцкой культуре, в значительной мере являющейся наследницей культуры населения степей скифского периода. На рубеже нашей эры орудия типа сошников

Орудия земледелия скифов

1 — серп с Каменского городища (собрание ГИМ); 2 — плуг из торфяника у с. Токари Сумской обл.

не были редкостью ни в Восточной, ни в Западной Европе. Для определения техники обработки земли в скифское время большую ценность представляет находка деревянного плуга в торфянике у с. Токари, Сумской области, СССР²⁴. Основу плуга составляет кусок дубового ствола с отходящим суком. Край ствола заострен и образует нижнюю горизонтальную часть, взрыхляющую землю. Сук образует так называемый грядиль, к которому прикреплялось ярмо с дышлом. Плуг крайне простой. При движении плуга горизонтальный ползун разрыхляет землю.

Утверждать, что существовал металлический наконечник плуга, оснований нет. Плуг мог работать будучи целиком деревянным. Плуги такого типа были широко распространены в Европе. Они известны по вазовой живописи греков, а также найдены в Центральной и Северной Европе²⁵. Существует хорошо обоснованное мнение, что такой плуг должен был иметь чересло—нож для разрезания дерна. Такие чересла обнаружены во многих курганах²⁶. Некоторые археологи выделяют рабочие топоры и мотыги. Это небольшие железные пластины с загнутыми краями для насадки, а также костяные и роговые орудия. Таковы отдельные и наиболее известные орудия обработки почвы. Они совершенно аналогичны тому уровню разви-

тия техники земледелия, который был в древней Европе. Археологические данные в полной мере соответствуют Геродотовой легенде о золотом плуге.

Если вопрос об орудиях обработки почвы археологи разрешили только за последние годы, то с орудиями уборки урожая дело обстоит значительно лучше. Уже много лет назад при раскопках Каменского городища были найдены серпы, в том числе один прекрасно сохранившийся. Его длина 22 см. Рукоятка, длиной 5 см, продолжает лезвие. Рабочий край имеет зазубрины²⁷. Ныне таких серпов найдено довольно много. Железные серпы найдены и на Пастерском городище. Однако трудно установить, к какому времени они относятся. Серпы скифского времени известны и на Кубани, у меото-синдских племен, и на Среднем Дону. От скифских меотские серпы отличаются меньшими размерами, а иногда меньшим изгибом лезвия. В послескифское время эволюция серпа шла по линии увеличения изгиба.

Орудиями размола зерна служили небольшие зернотерки, подобные тем, которые существовали в предшествующие эпохи, начиная с неолита. Чаще всего они имели овальную форму и достигали в длину 40 см, в ширину 20 см.

Наряду с примитивными орудиями размола зерна в областях, примыкающих к античным центрам, находили более совершенные зернотерки. Таков жернов, найденный на городище Золотая балка, расположенном на правом берегу Днепра, выше Каховки. На этом городище III—II вв. до н. э. был найден жернов, представляющий собой прямоугольную плиту с отверстием посередине²⁸. Эта часть является верхним жерновом, позволяющим не только растереть зерно, но и засыпать его на нижний жернов. Движением верхнего жернова производился размол зерна.

В скифском хозяйстве при огромном развитии земледелия существовали и зернохранилища. Среди них встречаются простые земляные ямы и более усовершенствованные, которые обшивались деревом или обмазывались глиной. В местах с каменным грунтом такие ямы высекались в камне. Так, в Нижнем Поднепровье, на городище Казацком было раскрыто 10 ям, расположенных вдоль крепостной стены²⁹. Иногда встречаются ямы грушевидной или колоколообразной формы. Этот тип удерживался

довольно долго, до позднего средневековья включительно, а в некоторых местах и до нового времени. Некоторые ямы достигали больших размеров. Так, на Нижнем Днепре было раскрыто зернохранилище глубиной 4 м, с диаметром верха — 1 м и низа — 2,7 м³⁰. Нередко в ямах находили остатки зерна³¹. Все данные археологии свидетельствуют о разведении проса, ячменя, пшеницы, гороха, вики. Высокий уровень техники земледелия, прекрасный степной чернозем сделали Северное Причерноморье житницей тогдашнего цивилизованного мира.

Наряду с земледелием и скотоводством скифские племена занимались охотой и рыболовством. Правда, и то и другое в это время потеряло свое основное хозяйственное значение. По всей вероятности, охота сохранялась в кругах рабовладельческой знати как своего рода спорт или развлечение. Об этом можно судить и по произведениям прикладного искусства, где охотник, как правило, представлен в виде всадника с копьем, гонящегося за диким животным. Эти сцены напоминают произведения более позднего сасанидского искусства, посвященные изображениям царской охоты.

Изучение костей диких животных, находимых на поселениях и в курганах, показывает, что число их крайне невелико и достигает лишь 4%, а на некоторых поселениях, как, например, в столице скифов Неаполе — только 2,6%³². Среди животных, на которых производилась охота, встречались благородный олень, лось, кабан, сайга, лисица, заяц, бобр, выдра, барсук и волк. Заслуживают внимания кости льва и леопарда, найденные, правда, не у скифов, а в Ольвии³³. Некоторые ученые допускают, что лев в плейстоцене был распространен по всей Европе, а в историческую эпоху мог встречаться в Северном Причерноморье. Геродот сообщает о львах в Македонии, отмечает их нападения на верблюдов во время походов Ксеркса через эту страну. Об этом же сообщает и Аристотель³⁴. Впрочем, кости льва, найденные в Ольвии, могли принадлежать зверю, завезенному для цирка.

Рыболовство существовало в виде подсобного занятия в поселках по берегам рек. Об этом можно судить по глиняным грузилам и немногим рыболовным крючкам, найденным в поселениях.

Нельзя не отметить и пчеловодство, или бортничество. О вывозе меда из городов Северного Причерноморья рас-

сказывают античные авторы. Так, Клавдий Элиан (II в. н. э.) отмечает, что «... в Скифии водятся и пчелы, ничуть не страдающие от холода, и что скифы даже привозят к мисийцам на продажу не привозной, а добываемый у них самих мед и туземный воск»³⁵.

Город мастеров и торговые пути

Скотоводством и хлебопашеством, рыбной ловлей и бортничеством занималась или могла заниматься каждая семья,

хотя и здесь существовала некоторая специализация, зависевшая прежде всего от окружающих природных условий.

Внутри семьи осуществлялись и такие работы, как прядение, ткачество, изготовление обиходной керамики и т. д. Производство этих предметов находилось, как принято говорить, на стадии домашнего ремесла. Но у скифов были уже и ремесленники, для которых производство каких-либо предметов было основным занятием, основным средством к существованию, профессией. Они производили продукцию не только и не столько для себя, сколько на продажу. В области своей специализации они достигали высоких результатов и совершенства.

Вопрос о ремесле у скифов за последние годы, благодаря большому размаху археологических исследований и технологическому изучению музейного материала, раскрывается довольно полно. Еще старые раскопки таких городищ, как Бельское (Полтавская область), Матронинское и Пастерское (Киевская область), дали материал, позволяющий судить о существовании центров, где было сосредоточено ремесленное производство.

Последние раскопки Каменского городища на Днепре сильно обогатили наши представления о ремесле у населения степной и лесостепной зон в скифское время. Сейчас можно не только поставить вопрос о ремесле, но и в какой-то степени решить его, как и вопрос о вероятном существовании городов — центров ремесла и торговли. Все исследователи скифских поселений и городищ отмечают высокое развитие металлургии. Одним из крупнейших ремесленных центров справедливо считается Каменское

городище на Днепре¹. Исследователи даже при поверхностном осмотре городища обнаружили много железных шлаков и криц. Раскопки дали ясную картину существования там в древности крупного металлургического центра. Встречены сотни кусков шлака, обломки ошлакованных тиглей и разбитых горнов, остатки кричных горнов. Были раскрыты мастерские. Так, в одном помещении обнаружены ямы с древесным углем и глинобитный горн с сильно прокаленными стенами, размерами 1 × 1 м сверху и 1,35 × 1,35 м внизу, высотой 0,7 м, заполненный углем. Здесь же найдены остатки медного литья, тигли и льячки для плавки меди. Установлено, что литье производилось по восковой модели. Все это входило в один жилой и производственный комплекс. Помимо печи для восстановления железа, здесь были орудия для кузнечных работ. Таких комплексов открыто несколько, и это свидетельствует о том, что мастера Каменского городища работали на широкий круг потребителей. Материал раскопок позволил прийти также к выводу, что вся металлургия являлась специальностью одних и тех же лиц. Кричник, добывавший железо в горне, был и кузнецом, который не только проковывал крицу, но и выковывал железные предметы. Он же занимался и литьем. Здесь же готовили медные стрелы и украшения для рядовых членов скифского общества.

Ремесло у скифов еще не было дифференцировано. Оно еще только вступало в свою первую фазу, когда мастера, обслуживавшие до этого только одну свою общину, стали работать на широкий рынок.

Исследователи Каменского городища установили, что одни и те же мастера проводили все операции по изготовлению вещей. Поэтому, приготавливая ножи, они не только отковывали металлическую часть, но и вырезали рукоять из кости, судя по остаткам костерезного производства. Такой порядок ремесленного производства сохранялся довольно долго. Во всяком случае в раннем средневековье ремесленное производство во многих местах выглядело так же. Мастера Каменского городища изготавливали не только простые вещи. Были обнаружены серебряная головка орла и золотая серьга — показатели высокого ювелирного искусства.

Помимо готовой продукции, мастера продавали и крицы. И хотя форму товарных криц исследователям уста-

новить не удалось, можно предполагать, что их производили.

На каменном городище обнаружено много редких ремесленных орудий. Так, например, найден молот-пуансон, служивший, как предполагают, для изготовления панцирных чешуек². Найдены пробойники, зубила разных размеров³. Продукция различных мастерских городища представлена остатками копий, бронзовыми наконечниками стрел различных типов, крючками для подвешивания горитов или колчанов, пращевыми камнями, панцирными бляшками, железными и медными, и различными частями конского упряма.

Помимо мастеров-металлургов, были, по-видимому, представители и других ремесел. К их числу можно отнести специалистов по обработке кожи. Здесь, по-видимому, следует выделить первичную обработку кожи, которая шла не только на нужды самого населения, но и являлась предметом экспорта за пределы Скифии. Страбон особо отмечает шкуры в качестве товара, идущего из Скифии. Говоря о городе Танаисе (в устье Дона), он пишет: «... раньше он служил общим торжищем для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры, разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино, прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни»⁴. Изготавливались также кожаные защитные одежды, заменяющие бедному человеку панцирь. Одежду же, как, например, башлык, шаровары и обувь, по всей вероятности, каждая семья производила сама⁵.

Таково было производство ремесленного характера на крупнейшем скифском городище. Все остальные ремесла имели домашний характер. Так, каждая хозяйка изготавливала глиняную посуду по слагавшейся древней семейной традиции, пряла и шила одежду. Можно думать, что наконечники стрел из кости, кочедыги, грузила делала каждая семья. Об этом свидетельствуют черты индивидуальной отделки костяных вещей. Если это трудно поддается определению при изучении таких вещей, как рукоятки, струги, костяные наконечники стрел, то весьма хорошо выясняется на памятниках прикладного искусства. Наряду с произведениями высокого искусства, в которых угадывается рука талантливого резчика-профессионала,

встречаются вещи, плохо изготовленные или совершенно лишенные художественной отделки.

Знакомясь с орудиями труда, можно прийти к заключению об их дифференцированности. На Каменском городище найдены пробойники и зубила разных размеров и профиля.

О высоком уровне технологии ремесла можно судить по материалам, полученным при изучении металлических орудий, хранящихся в наших музеях⁶. Металлографическое изучение железных орудий показало различие в приготовлении орудий в зависимости от их назначения. Так, установлено, что ножи по способу изготовления делятся на четыре группы: цельножелезные, стальные, приготовленные из цементированных частей и сделанные путем наварки стального лезвия на железную основу. Выяснилось, что определенному технологическому приему соответствует и форма ножа. Так, ножи без черенка, у которых деревянная рукоятка присоединялась при помощи заклепок, — все цельножелезные. Среди ножей этой группы оказался только один стальной. Ножи с горбатой спинкой — сварные. Из металла невысокого качества сделаны иглы. Серпы были наварными. Удила имели различный структурный состав. Они изготавливались из чистого железа или из высокоуглеродистой стали. Скифские мечи изготавливались из материала различного качества: из малоуглеродистой и высокоуглеродистой стали с цементацией режущей стороны и полосатой структурой.

О совершенстве техники изготовления мечей свидетельствует крайне малое количество шлаковых включений, что достигалось тщательностью проковки. Проковка была длительной, металл успевал остыть и его приходилось подогревать. Об этом судят по структуре зернистого перлита (железоуглеродистый сплав), которая получается двух-трехкратным нагревом при невысоких температурах 680—750°. Сталь, имеющая структуру зернистого перлита, отличается высокими механическими свойствами. Этот технологический прием является, несомненно, весьма прогрессивным.

Интересен прием изготовления меча с Бельского городища. Этот меч был откован из малоуглеродистой стали, почти железа. После проковки лезвие меча подвергли цементации, благодаря чему лезвие имеет большую твердость, а сердцевина сохраняет вязкость. Иной, более со-

Вещи из богатого скифского кургана близ с. Аксютинцы Сумской обл. (раскопки Д. Я. Самоквасова, собрание ГИМ)

1 — железный меч; 2 — топор; 3 (а, б, в, г) — наконечники от удил; 4 — килик

вершенный прием был применен при изготовлении мечей, происходящих с Шалина на Северном Кавказе и из Куйбышевской области. Оба меча частично изготовлены из процементированной заготовки. Такая заготовка ковалась, сгибалась, сваривалась и снова проковывалась. В результате многократного повторения такой операции меч приобретал полосчатую структуру: перлитовые (стальные) полосы чередовались с ферритными (железистыми)⁷. Первые давали твердость, а вторые — вязкость. Такой способ изготовления мечей и сабель долго сохранялся в Европе и известен был еще в средневековье. Точно так же и при изготовлении копий и дротиков мастер стремился к приданию твердости при сохранении вязкости.

Изучение всего материала показывает, что уже в раннюю пору скифской истории мастера умели получать высокоуглеродистую сталь. С самого раннего периода, во всяком случае с VI в. до н. э., как можно судить по материалу Бельского городища, скифские кузнецы знали цементацию⁸. Если привлекать более поздний средневековый материал, с которым скифский связан культурной преемственностью, можно реконструировать следующую картину. В средневековое время железные вещи клали в глиняные горшки с углем и обломками костей животных. Затем горшок закрывался наглухо и ставился в большой пламя. Благодаря присутствию костей процесс науглероживания протекал более активно и по прошествии необходимого срока горшок разбивали и вещи поступали в окончательную обработку на обычном кузнечном горне. В скифское время, по-видимому, была та же картина. Подготовленные из железа предметы клались в горшки с углем, костями и кожей. Обломки горшков со скипевшимся железом были неоднократно найдены на городищах скифского времени⁹.

В археологическом материале встречаются вещи, изготовленные на недостаточно высоком уровне, с другой стороны, известны орудия, качество которых свидетельствует о точном выполнении технологического режима, приводившего к получению высококачественных вещей. По-видимому, уже к VI в. до н. э. скифы обладали большим опытом в обработке металла. Скифам была известна и кузнечная сварка, необходимая для многих целей. Существенных различий между данными по степной и лесостепной части нет. Однако, по-видимому, кузнецы таких центров,

каким было Каменское городище или сменивший его в политической жизни Неаполь Скифский, обладали бóльшим опытом, чем кузнецы мелких населенных пунктов¹⁰, работавшие изолированно. Изучение небольших открытых скифских поселений дает материалы, свидетельствующие о кузнечно-литейном производстве¹¹. Здесь мастера, по-видимому, работали на свою общину. Так, на Нижнем Днепре при раскопках Нижнепокровского селища были обнаружены куски железной руды и шлака¹².

В более позднее время, когда на территории степей Причерноморья уже господствовали сарматы, в районах, близких античным центрам, возникло гончарное производство. Его возникновение относится ко времени около II в. н. э.

Можно полагать, что в Северном Причерноморье скифские города существовали уже с V в. до н. э. Они возникали как ремесленные и торговые центры в процессе бурного исторического развития, ускоренного связями с античным рабовладельческим миром.

Каменское городище, в частности, было не только поселком металлургов, но и центром торговли. Археологи нашли множество античных амфор, обломки чернолаковой и краснолаковой греческой посуды. Импортная греческая посуда относится ко времени IV—II вв. до н. э. и хорошо и полно характеризует торговые связи.

Таким представляется Каменское городище, один из немногих, но не единственный город Скифии, центр ремесла и торговли. Его население, кроме того, занималось сельским хозяйством и подсобными промыслами, точно так же, как и позднее, в средневековых городах, подсобными занятиями жителей были земледелие и скотоводство.

Касаясь вопроса о культурных и торговых связях скифов, не следует забывать, что население Северного Причерноморья находилось в культурных и торговых отношениях с другими странами Причерноморья и Средиземноморья значительно раньше, может быть уже в III тысячелетии до н. э. Греческим мореплавателям северное побережье Черного моря было известно еще до основания их городов-колоний. Уже в VII в. скифы вступают в контакт с центрами античной и малоазийской цивилизаций. Восточные вещи из Урарту и Ассирии попадали в Предкавказье и Северное Причерноморье и оказали влияние на искусство скифов. Многие вещи из ранних скифских

Греческая посуда из скифских курганов

1 — блюдо; 2 — пелика; 3 — канфар (1—3 из курганов у с. Аксютинцы Сумской обл.); 4 — панафинейская амфора из кургана на Тамани (собрание ГИМ)

курганов выполнены во вкусе стран Переднего Востока. Особенно оживленными были торговые связи с греками, проходящие красной нитью через всю историю скифов. Скифы сами совершали поездки к грекам с торговыми целями. Греки, по сведениям Геродота, с теми же целями совершали поездки в глубь скифских земель. В своей «Истории» Геродот отмечает, что при дальних поездках на северо-восток страны скифы пользуются для своих деловых сношений семью переводчиками и семью языками¹³. Связи со всеми греческими центрами осуществлялись через греческие колонии Черного моря. Из ввозимых вещей для раннего времени характерна ионийская керамика, которая, по-видимому, шла через торговый пункт на острове Березань, расположенном близ устья Южного Буга. Эти ранние образцы греческой художественной посуды широко распространялись в Восточной Европе: на правобережье (курган Болтышка) и левобережье (Бельское городище) Среднего Днепра, на Дону и в других местах. Позднее ассортимент ввозимых греческих предметов расширился. Археологи находят самый разнообразный состав расписной посуды как столовой, так и для косметики. Встречается много амфор для перевозки вина, которое потребляли скифы. Значительно меньше встречено художественной металлической посуды. Она найдена только в самых богатых скифских погребениях. Однако и эти вещи встречаются не только по соседству с античным миром, но и далеко на севере. Роскошная бронзовая гидрия V в. до н. э., найденная на Среднем Дону, ярко иллюстрирует это положение. Ввозилось много золотых украшений, от простых до роскошных изделий, являющихся подлинными шедеврами ювелирного искусства. Эти вещи были рассчитаны на господствующую верхушку. Особенно много дорогих изделий греческого производства встречается в курганах, расположенных недалеко от греческих городов, где проживали знатные скифы, находившиеся в тесных экономических связях с греками. Но помимо вещей, предназначенных богатым покупателям, от греков шли и простые вещи, небогатые украшения и много бус.

Помимо изделий, выполненных в античной манере, из греческих городов Причерноморья поступали вещи, изготовленные по заказу скифов и рассчитанные на их вкус. Ярким примером является серебряная ваза из Чертомлыцкого кургана с изображением скифов с лошадьми. Фриз

Серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана
(собрание Эрмитажа)

этой вазы вызывает восхищение многочисленных посетителей Эрмитажа тонкостью работы и строгим реализмом в передаче фигур скифов и их коней. Весь остальной декор вазы выполнен в античной манере. Несомненно, такой шедевр мог выполнить только крупный мастер — художник, хорошо знавший быт скифов.

Скифы вывозили сырье и хлеб, которого много производили оседлые племена каллипидов, аллазонов, скифов-земледельцев и пахарей. Страбон перечисляет статьи экспорта: хлеб, рабов, шкуры животных, мед, рыбу. Торговые связи, несомненно, содействовали развитию у скифов товарного хозяйства и усилению эксплуатации рабов.

Скифы играли огромную роль в посреднической торговле. Несомненно, через них попадали к народам северной периферии вещи из культурных центров тогдашней цивилизации. Найденная на Северном Урале бронзовая фигурка египетского бога Аммона обязана своим появлением на севере Европы скифам. В Приуралье встречаются и вазы из ахеменидского Ирана. За пределами скифских земель встречаются греческие расписные сосуды VI—V вв. Примером могут служить находки на городище Кузина гора. Через скифов попадали в очень отдаленные места зеркала, крючки, скифские мечи, бусы и различные произведения быта и прикладного искусства, оказавшие большое влияние на местное искусство. Предметами вывоза из этих мест были ценные меха бобров и других пушных животных, дорого ценившиеся в то время. Следует напомнить и о связях с населением Центральной и Западной Европы, которые особенно оживленными стали с IV в. до н. э. Эти связи доказываются найденными на территории скифов (в частности, в Неаполе) латинскими вещами, в том числе мечами и шлемами. Вторжение сарматских племен в Северное Причерноморье привело в III в. до н. э. к упадку торговли Скифии с внешним миром.

Рабы и цари

Мы рассмотрели производство у скифов, уровень развития этого производства. Известно, что именно производство определяет в конечном счете общественные отношения, характер отношений между людьми в обществе. Но связь тут не столь уж про-

ста, чтобы можно было, изучив производство, с уверенностью реконструировать общественные отношения. На сложение последних влияют и другие факторы, в том числе окружение, пример соседей. Несомненно, что на формирование скифского общества оказало влияние знакомство с классовыми обществами Переднего Востока и постоянно оказывало воздействие соседство рабовладельческих греческих государств и городов. Также несомненно, что основную роль здесь играли все же внутренние процессы развития.

Попытаемся суммировать то, что мы знаем о скифском обществе. Уже упоминалось, что в ранний период истории скифы находились на стадии военной демократии. Это было общество еще родовое, но нормы родовой жизни уже претерпели значительные изменения, происходит разложение этого уклада, зарождаются предпосылки для возникновения классов и государства.

Насколько далеко зашло разложение родоплеменных отношений, можно судить по одному из свидетельств Геродота.

«С головами врагов, впрочем не всех, а только злейших, они обращаются следующим образом: отпилив всю часть черепа до бровей, скиф очищает его и затем, если он беден, то только снаружи обтягивает его сырою воловьей кожей и пользуется им в таком виде, а если богат, то обтягивает череп кожей, покрывает внутри позолотою и в таком виде употребляет вместо чаши. Так поступают они и с родственниками, если рассорятся с ними и если перед лицом царя один одержит верх над другим. Когда явятся гости, которым скиф желает оказать внимание, то он приносит такие черепа и рассказывает, что это были его родственники, но вступили с ним в борьбу и он одержал верх над ними. Это рассказывается как геройский подвиг»¹. Понятно, что данное свидетельство ничего общего не имеет с нормами родового общества. Здесь родственные связи, ранее священные, не играют никакой роли. В случае ссоры с родственником с ним сражаются на поединке в присутствии царя и поступают не просто как с врагом, а как со злейшим врагом².

Одним из показателей разложения родоплеменного уклада является разделение членов общества на богатых и бедных. В науке этот процесс называется имущественной дифференциацией. Этот процесс у скифов зашел уже

очень далеко и хорошо иллюстрируется археологическими памятниками. Рассматривая этнокарту Геродота, мы могли убедиться, что на скифской территории повсеместно выделяются погребения знати с очень богатым инвентарем. Касались мы этого вопроса и при описании скотоводства, когда говорили об объединении части скифов и кочевников, вынужденных либо переходить к оседлости и земледелию, либо идти в услужение к богатым скотоводам. В последнем случае уже предполагается эксплуатация богатыми скифами своих соплеменников. Но говорить на этом основании о существовании классов, по-видимому, еще рано. Вероятно, такая эксплуатация носила патриархальный характер, можно предполагать включение обедневших в число домохозяев большой семьи, как это известно из этнографических примеров. Во всяком случае такие обедневшие соплеменники, вероятно, оставались формально свободными.

Но одновременно есть сведения о существовании у скифов и не свободного населения, рабов. Правда, во всех случаях следует учитывать, что сведения исходят от греческих авторов, для которых рабство было привычной нормой жизни, естественным состоянием общества. Поэтому они могли рассматривать как свидетельство существования рабства такие явления в жизни скифов, которые не были рабством или были, но не на той стадии развития, которая была привычна грекам. Что же сообщают на этот счет древние авторы?

Геродот, как мы помним, сохранил не очень ясное описание восстания рабов, происшедшее при возвращении скифов из похода. Передавая эту легенду, мы опустили ту ее часть, где рассказывается, каким образом скифы победили рабов. Дело будто бы было так: «Когда произошло несколько сражений и скифы никак не могли одолеть врага, один из них сказал следующее: «Да что мы делаем, скифы! Сражаясь с нашими рабами, мы и сами становимся малочисленнее, вследствие потерь убитыми и, убивая их, уменьшаем число своих рабов на будущее время. Поэтому я теперь предлагаю оставить копья и луки, а каждому взять конскую нагайку и идти на них: пока они нас видели с оружием в руках, они считали себя равными нам и одного с нами происхождения; но когда они увидят у нас в руках нагайки вместо оружия, они тотчас поймут, что они наши рабы, и в сознании этого не устоят против нас».

Услышав это, скифы привели совет в исполнение; рабы, пораженные случившимся, забыли о сражении и обратились в бегство»³.

Приведенный рассказ довольно точно передает психологию рабовладельцев и психологию рабов. Причем передает эту психологию, так сказать, в ее расцвете, и это заставляет подозревать, что именно греки — основные творцы данной легенды. Любопытно, что древние авторы сохранили еще один подобный рассказ, но действие его уже происходит в самой Греции, в Спарте. Понятно, что последнее обстоятельство еще более увеличивает сомнения. Но все же было, вероятно, какое-то реальное восстание и у скифов. Упоминание о плетке не случайно. На каменных изваяниях скифов, вошедших в науку под именем «каменных баб», рядом с кинжалом находится изображение нагайки. Некоторые ученые даже полагают, что плетка символизировала власть рабовладельцев⁴. Во всяком случае следует думать, что степень развития рабства, показанная в приведенном рассказе, — это степень развития его у греков, а не у скифов. В науке нет единого толкования описанного события. Одни исследователи считают, что в данном случае речь идет не о рабах, а о племенах, плативших скифам дань, которых царские скифы, как пишет тот же Геродот, считали своими рабами. Другие видят здесь восстание рабов, принадлежавших отдельным скифам. Наконец, есть и такие, которые не видят в этом сообщении никакой исторической правды.

Гораздо интереснее объяснение Геродота по поводу того, почему скифы ослепляют своих рабов, данное в той же легенде. Он пишет: «Всех своих рабов скифы ослепляют из-за кобыльего молока, употребляемого для питья. . . Выдоенное молоко скифы сливают в глубокие деревянные сосуды и, расставив вокруг сосудов слепцов, велют им взбалтывать молоко; поднимающиеся при этом на поверхность сливки снимаются и считаются более ценными, а остающееся внизу считается худшим сортом. Из-за этого скифы ослепляют всех, кого только захватят в плен»⁵. Не совсем понятно, зачем нужно ослеплять рабов, которые взбалтывают молоко; вряд ли таким путем можно было убереечь сливки. Тут объяснение Геродота явно неудовлетворительно. Но из него мы узнаем, что рабами были военнопленные и что они использовались на домашних работах, а не на основном производстве. Есте-

ственно, что слепые рабы не могли заниматься сложными ремеслами, пахать землю, а тем более пасти скот. Следовательно, это была лишь подсобная сила, еще не определявшая жизнь общества. Рабство еще только зарождалось, причем зарождалось внутри большой патриархальной семьи. Из этнографии известны примеры, когда рабов специально калечили. Обычно это было в тех случаях, когда они выполняли в основном домашние работы, а государственный аппарат, призванный охранять интересы рабовладельцев, был недостаточно развит. И калечили их, разумеется, не для того, чтобы сберечь сливки, а чтобы они не могли бежать.

Вопрос о первоначальных формах рабства в науке еще мало разработан. На ранней стадии своего развития рабство имело коллективный характер, иначе говоря, рабами владели сообща. Так, по-видимому, дело обстояло у древних евреев, когда рабы принадлежали всему роду и распоряжался ими, естественно, глава рода, патриарх. В Библии Авраам, возглавлявший род или, может быть, племя, руководит и народом и рабами⁶. У древних германцев и в древней Греции известно о целых племенах, находившихся в рабстве, покоренных более сильными племенами. То же можно сказать о древних этрусках и других племенах древней Италии⁷. Этнографический материал позволяет несколько конкретизировать подобные формы рабства. Так, североафриканские туареги в XIX в. держали другие родственные племена в коллективном рабстве, заставляя пасти свой скот, обрабатывать землю и выполнять другие работы. Результатами такого рабского труда пользовалось все племя⁸. По-видимому, эти отношения аналогичны сложившимся между скифами царскими и другими племенами⁹. Эти отношения отнюдь не были мягкими, а покоренные племена несли все тяготы рабского положения.

В принципе не так уж важно, какая группа рабов возмстала в случае, описанном Геродотом: коллективные или частные рабы. Важен сам факт. В VI в., по-видимому, у скифов существовало и коллективное и индивидуальное рабство. Сообщение Геродота интересно тем, что говорит о напряженных отношениях между рабами и рабовладельцами, о каких-то классовых конфликтах, о классовых отношениях, за которыми скрываются классовые противоречия, приводящие в конечном счете к образованию государства.

Ленин отмечал: «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»¹⁰.

Достигло ли скифское общество таких непримиримых классовых противоречий, неизвестно. О рабстве у скифов упоминают и более поздние авторы. Гиппократ сообщает о существовании у скифов рабынь¹¹, Страбон в своей «Географии» упоминает о продаже рабов. Эти краткие сообщения не дают возможности конкретизировать положение рабов у скифов и определить род их деятельности.

Значительно дополняет наши знания археология. Наиболее ранними курганами, где обнаружены погребения с рабами, являются кубанские. Так, в кургане № 1, около станицы Келермесской, за пределами сооружения, созданного для умершего, около восточной стены были найдены кости человека, смешанные с лошадиными. В кургане у станицы Костромской, на уступах погребальной камеры, найдены погребения слуг или, вернее, рабов. В кургане у станицы Елисаветинской найдены погребения лошадей и людей, расположенные вне камеры. Во втором кургане этой же станицы оказалась точно такая же картина: вне основной могилы найдены четыре покойника и десять лошадей. При покойниках были ожерелья из простых бус. В третьем кургане вне склепа обнаружено пять женских костяков. Почти во всех богатых погребениях находились оружие, украшения и бытовая утварь, лошади и погребения рабов. Слуги, как правило, похоронены вместе с имуществом, чаще всего с лошадьми.

В курганах Приднепровья также погребены лошади и рабы, в частности, весьма интересны погребения рабов, открытые за последние годы в лесостепном левобережном Приднепровье. Основные погребения совершались по строгому ритуалу. Трупы же убитых рабов, сопровождавшие в загробный мир своих господ, просто бросали в могилу.

Так их и нашли археологи — лежащими в самых невероятных позах, с разбросанными руками и ногами¹². Положение рабов в курганах находится в строгом соответствии с идеологией рабовладельцев, считавших рабов имуществом.

Данные письменных источников и археологии позволяют утверждать, что рабство у скифов существовало. Труднее ответить на вопрос о степени его развития. В раннее время, VII—VI в. до н. э., оно, по-видимому, носило еще патриархальный характер. Что касается позднего периода, после V в. и эпохи Крымского царства, то многие исследователи полагают, что в это время оно уже было достаточно развито и, может быть, приближалось к тому уровню, какой существовал в античных городах — в Херсонесе, Ольвии и на Боспоре.

С вопросом о рабстве тесно связан и вопрос о возникновении государства у скифов. Разделение общества на классы, в данном случае на рабовладельцев и рабов, неминуемо ведет к возникновению государства, к созданию аппарата угнетения. Вопрос о государстве у скифов еще не может быть окончательно решен в силу недостатка материала и различного понимания форм государства в раннем рабовладельческом обществе. В настоящее время по вопросу о сложении государства у скифов и его первоначальной форме существует несколько точек зрения.

Некоторые исследователи относят сложение рабовладельческих отношений к раннему времени, VI—V вв. до н. э.¹³ Основываясь на геродотовой характеристике общественных отношений у скифов, эти исследователи склонны считать государственным аппаратом военные отряды, находившиеся в распоряжении скифских царей. По-видимому, опорой государственной власти здесь, как и в других ранних рабовладельческих обществах, были отряды вооруженных рабовладельцев.

Однако система господства не могла проявляться только в существовании вооруженных воинов, способных ограждать интересы господствующего класса и защищать свою землю. Это сложная система насилия и идеологического воздействия, которая существовала у скифов, пронизывая все поры общества.

Старые родовые учреждения используются в новых условиях для удержания власти над рабами и рядовыми членами общества¹⁴. Энгельс в своей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечает: «...органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного

регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹⁵.

Существует и другая точка зрения, относящая возникновение государства у скифов к правлению царя Атея (конец V в.—339 г. до н. э.)¹⁶. Сторонники этого взгляда не располагают прямыми данными для подтверждения своей точки зрения и основывают существование государства с этого времени на косвенных соображениях, которые в такой же мере могут относиться и к VI и V вв. до н. э.

Уже в VII в. у скифов существовала наследственная царская власть, которая сохранилась до конца существования скифского царства. Во главе отдельных областей стояли вожди племен, платившие дань скифскому царю. В IV в. царь Атей объединил отдельные части скифского государства под своей властью. К этой эпохе относятся богатейшие скифские курганы, свидетельствующие о сосредоточении огромных ценностей в руках правящей верхушки. Из изучения всех материалов можно сделать вывод, что IV век был золотым веком Скифии. Скифские цари использовали все методы идеологического воздействия, в том числе и легенду о Геракле.

На основании этой легенды устанавливалось божественное происхождение царской власти еще в доатеевское время. Совершенно естественно, что позднее этот сюжет получил широкое распространение в прикладном искусстве. Однако считать IV в. до н. э. временем возникновения скифского государства нет никаких оснований.

Рабовладельческие отношения, подтверждаемые всей совокупностью данных, существовали давно, а при царе Атее рабовладельческая Скифия находилась в зените своего расцвета. Принципиальных различий между эпохой Атея и эпохой его предшественников нет¹⁷.

Сторонники третьей точки зрения считают, что государство возникло только в последний, крымский период, когда столицей стал Неаполь Скифский¹⁸. Однако правильно отмечено в нашей печати, что никаких новых источников, подтверждающих возникновение рабства в это время, нет, а есть только косвенные соображения о возникновении в это время государства у скифов¹⁹.

Государственная власть не может возникнуть с чиновниками, войском, тюрьмами, т. е. в готовой форме, характерной для развитого государства. Первое рабовладельческое государство, совершенно естественно, должно было приспособить старые учреждения родового общества к новым задачам. Некоторую эволюцию родовые учреждения проделали уже в период военной демократии, когда им приходилось удерживать в повиновении захваченных в плен рабов.

Наличие в государственном аппарате раннего классового общества элементов старых родовых учреждений — явление не исключительное. Подобные факты известны и в других ранних рабовладельческих обществах. Таким примером может служить Египет, где во время формирования государства при I династии было характерно приспособление старых институтов родовой организации к новым задачам. Там сам институт царской власти носил на себе отпечаток происхождения из института власти племенного вождя. По этому пути шло развитие титулатуры и обожествления царя. Должности отдельных государственных чиновников также выросли из обязанностей членов родовых советов.

Скифская примитивная государственная власть во многом напоминала родовые учреждения. Однако ее функции были иными. Старая оболочка давала возможность господствующей группе вуалировать классовые противоречия. Таким представляется государственный аппарат в скифском рабовладельческом государстве.

В начале этой главы мы остановились на вопросе о рабах. На другом полюсе скифского общества находились цари. Пришедшие на смену родовым вождям, обладавшим огромным авторитетом среди сородичей, цари должны были опираться не только на свои вооруженные отряды, в условиях раннего рабовладельческого общества выполнявшие роль государственного аппарата, но и на идеологию. Именно потребностями создания определенной идеологической базы и следует объяснять возникновение легенды о происхождении скифов и прежде всего скифских царей от богов — Зевса или Геракла. Той же цели служило и принятие царем на себя роли главного жреца. Можно думать, что по примеру переднеазиатских монархий и у скифов обожествлялась личность царя. Во всяком случае сохраненное Геродотом описание погребения скиф-

ского царя свидетельствует о воздании ему действительно божественных почестей, вплоть до человеческих жертвоприношений.

«Царские гробницы находятся в Геррах, до которых судоходен Борисфен (Днепр). Когда у них умрет царь, здесь выкапывают большую четырехугольную яму, изготовив ее, намазывают труп покойного воском, разрезают живот, вычищают его, наполняют рубленным кунером, ладаном, семенами сельдерея, анисом, затем снова зашивают, берут труп и на повозке везут к другому племени. Те, к которым привезут покойника, делают то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку. Оттуда везут на повозке труп царя к другому подвластному им племени, причем те, к которым приезжали раньше, следуют за ними. Объехав таким образом с трупом всех, они приезжают к геррам, которые из всех подвластных народов живут на самой отдаленной окраине и в земле которых находится кладбище. Здесь кладут труп в могилу на подстилке, по обеим сторонам его втыкают колья, на них кладут доски и покрывают их камышом, а в остальном пространстве могилы хоронят одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей, по отборной штуке всякого другого скота и золотые фиалы (серебро и медь вовсе не употребляются); после всего этого они все вместе насыпают большой курган, всячески стараясь сделать его как можно больше»²⁰.

Погребения скифских царей известны археологам. Назовем здесь два кургана: Чертомлык и Солоху, упоминавшиеся уже при описании этнокарты, ритуал которых, по данным раскопок, очень близко напоминает описание, приведенное выше. Напомним, что бальзамирование тоже уже известно по алтайским скифам, где условия вечной мерзлоты способствовали сохранению трупов погребенных. Однако продолжим описание обряда погребения, точнее уже не погребения, а поминок.

«По прошествии года снова совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают самых способных (они природные скифы, ибо царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у них вовсе нет) и из этих слуг пятьдесят человек, а также пятьдесят отборнейших коней,

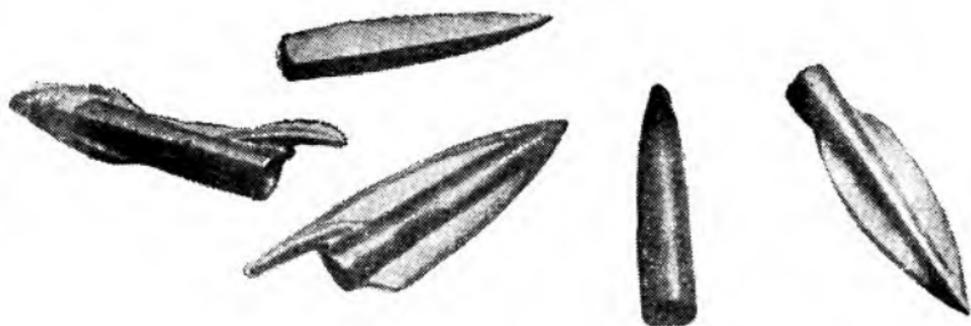
удушают, затем, вынув внутренности и очистив живот, наполняют мякиною и зашивают; потом укрепляют на двух столбах — половину колеса ободом вниз, а другую половину на двух других столбах; сколотив таким образом много подобных стоек, протыкают сквозь лошадей, во всю длину их до самой шеи, толстые колья и поднимают лошадей на эти колеса так, что передними полукружьями поддерживаются плечи лошадей, а задними — живот у бедер, а обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; затем накидывают на лошадей уздечки с удилами, протягивают их вперед и привязывают к кольшкам. Наконец, каждого из пятидесяти удушенных юношей сажают на лошадь следующим образом: в труп каждого протыкают вдоль позвоночного столба прямой кол до самой шеи; выдающийся вниз конец этого кола втыкают в дыру, просверленную в другом коле, проткнутом сквозь труп лошади. Расставив вокруг могилы таких всадников, скифы расходятся. Так хоронят скифы своих царей»²¹.

Можно привести и другие отрывки из древних авторов, но вряд ли они охарактеризуют власть скифских царей и поклонение, которым они были окружены, столь красочно и впечатляюще, как это описание похорон.

Конные стрелки из лука

Выше уже говорилось, что военные отряды скифов уже с V в. являлись основной опорой государственной власти. Упоминания о них встречались и при описании многочисленных войн, как оборонительных (походы Дария), так и наступательных, грабительских (походы скифов в Переднюю Азию). Настало время ознакомиться с этим войском поближе, дать характеристику его вооружения и тактики. В этом помогут сообщения древних авторов, изображения скифов в прикладном искусстве и археологические материалы.

Древние авторы знали скифов как конных стрелков из лука. Впрочем, древние авторы такими видели не только скифов, но и другие племена, населявшие южную часть Европы. В произведениях прикладного искусства греков и иногда самих скифов скифские воины чаще всего

Скифские наконечники стрел

изображались верхом на коне, вооруженными луком или мечущими дротик. На куль-обской вазе скиф в короткой куртке, штанах навывпуск натягивает тетиву лука. Такими мы видим скифов и в произведениях самих скифов. Скифы пользовались небольшим сложным луком, удобным для всадника. Богатый набор стрел свидетельствует о большом значении этого оружия у скифов. Систематическое изучение стрел скифов ясно показывает их разнообразие. Типы стрел эволюционировали, и образцы их менялись в течение всего скифского периода по мере совершенствования всего оружия и особенно оборонительных доспехов. Из разнообразия стрел видно значение, которое придавали этому оружию скифы. Скифские стрелы возникли в предшествующую эпоху, в конце бронзового века, когда вырабатывались их прототипы. Однако наибольшее разнообразие падает на ранний скифский период. Не перечисляя все типы наконечников стрел, можно отметить среди них большие трехгранные, пулевидные и большие плоские с шипом у основания. Шипастый тип наконечников стрел являлся своеобразным предшественником разрывной пули, рассчитанной на тяжелые ранения. Такие стрелы трудно или, вернее, невозможно вынуть из раны, а в случае изъятия древка наконечник стрелы остается в ране. Медная окись рано или поздно приводила к смерти даже при сравнительно легком ранении.

Кроме лука и стрел, конные скифы вооружались дротиками для метания и тяжелыми копьями. Вооружение дополнял короткий (30—50 см) меч, который в археологической литературе обычно называется акинаком. Изучая оружие, археологи выделяют многочисленные типы мечей, разделяя их по оформлению. Особенно разнообразны рукоятки,

навершья и перекрестия. Среди них встречаются простые железные и обложенные золотыми пластинами. Разнообразны и ножны. Все эти элементы конструктивного и декоративного характера дают возможность определить время бытования того или иного типа меча. В раннее время в украшении оружия (и не только мечей) господствуют восточные элементы, по-видимому, навеянные искусством Ассирии и Урарту, а в более позднее — греческие. Эти иноземные элементы сосуществуют и тесно переплетаются с местным, типично скифским звериным стилем. Украшения имели не только эстетическое назначение. По представлениям людей того времени, они должны были усиливать действие оружия, помогать воину в его ратном деле. Излюбленные скифами изображения скачущего оленя, фигуры орлов, грифонов, изображение клюва хищной птицы должны были сообщать воинам быстроту, силу и ловкость. Изображение на рукояти или навершьи меча когтя или глаза орла, по представлениям скифских воинов, придавали меткость и силу удару¹. Естественно, что богато отделанное золотом оружие было доступно не всем, а только знатым воинам. Как правило, его находят в курганах, в которых и остальные вещи отличаются роскошью и свидетельствуют о привилегированном положении погребенного.

Из наступательного оружия следует отметить еще секиры и длинные мечи. В отличие от акинаков, являвшихся оружием колюще-режущим, длинные мечи были оружием рубящим. Широкого распространения у скифов они не получили и чаще встречаются уже во время господства в Причерноморье сармат. Здесь же назовем еще два предмета, являвшихся принадлежностью скифского воина: колчан для стрел и горит, в котором хранился лук. Изготавливались они из дерева и кожи, которые обычно не сохраняются в земле и поэтому не попадают в руки археологов. Судить об их форме можно в тех случаях, когда они имели металлические украшения. Известны богатые наборы блях или даже целые пластины, украшавшие колчаны или гориты.

К оборонительному вооружению относятся шлем, панцирь, поножи и щит. Шлемы, преимущественно бронзовые, имели полусферическую форму с вырезом для лица и существовали уже с VI—V вв. до н. э.² Панцирь защищал корпус воина. Изготавливался он из железных или медных

пластин, нашиваемых на кожаное основание. Пластины делались прямоугольные с полукруглой нижней частью. Поножи — щитки, закрывавшие ноги спереди от колена до щиколотки, употреблялись сравнительно редко. Сами скифы их не изготавливали, а использовали поножи греческой работы. Щит был круглым, с выемкой сверху. Тип этого щита хорошо виден на навершии знаменитого гробня из кургана Солоха.

По-видимому, значительная часть защитного вооружения рядовых воинов изготавливалась из кожи. Именно такие доспехи мы видим на скифах, изображенных на сосуде из Куль-Обского кургана.

Всадник, одетый в доспехи, вооруженный копьем, луком и длинным мечом, должен был иметь и соответствующую седловку лошади. Как правило, скифы ездили без стремян. По-видимому, с IV в. до н. э. появляются примитивные стремяна в виде ременных петель. Изображение их находится на одной из лошадей Чертомлыцкой вазы. Без такого упора всадник, особенно тяжеловооруженный, не мог легко вылезти из седла. Простое седло закреплялось на лошади системой подпружных ремней, иногда богато украшенных металлическими бляшками.

Представление о тяжеловооруженных воинах мы получаем на основании раскопок курганов. В качестве примера назовем раскопанный Н. Е. Бранденбургом в 1901 г. курган около Мокиевки (УССР). В обычной могиле находилось захоронение и при нем наконечники стрел и остатки чешуйчатого панциря. Найденный там же греческий сосуд датирует курган VI—V вв. до н. э. Другое погребение Старшая могила и по пышности обряда захоронения, и по огромной насыпи кургана надо отнести к числу погребений племенной знати. При покойнике найдены большой железный меч, остатки деревянного колчана с костяными, бронзовыми и железными наконечниками стрел. В могиле находился богатый конский набор с богато ornamentированными железными, бронзовыми и костяными псалиями. На особом уступе лежали бронзовые навершия, остатки лука, колчана с бронзовой застежкой и бронзовыми наконечниками стрел. В углу — четыре наконечника железных копий, два железных топора, чешуйчатый панцирь, бронзовые пластины от пояса.

К более поздним погребениям (IV в.) такого же типа относится богатое захоронение в урочище Кара-Кият.

Здесь под высокой монументальной насыпью находилась большая центральная могила, покрытая деревянным накатником и войлоком. Стены могилы также были покрыты войлоком. Сам покойник находился в нише. В могильную яму положены: часть туши быка, пять наконечников копий, воткнутых в землю, стрелы с бронзовыми наконечниками и кусок кожи. На ложе около покойника лежал панцирь. Голову закрывал головной убор с золотыми бляшками. В яме у стены лежал горит, покрытый золотыми пластинками с изображением орла, терзающего зверя, и трех грифонов.

К числу таких богатых погребений относится и раскопанный несколько лет назад курган близ Мелитополя с исключительно богатым погребальным инвентарем, в том числе богатой золотой пластиной от горита.

Погребения описанного типа принадлежат племенной знати, рабовладельцам, которые и составляли тяжеловооруженную конницу, являющуюся основой скифского войска, ее главной ударной силой. Менее состоятельные скифы, лишенные тяжелых доспехов, вооруженные луками, дротиками и акинаками, составляли отряды легкой конницы. Наконец, курганы рядовых скифских воинов, как

Оружие скифов

1, 2 — копьё и кинжал из Сумской обл.; 3 — шлем бронзовый из Краснодарского края (собрание ГИМ); 4 — шлем бронзовый из кургана Солоха (собрание Эрмитажа); 5 — часть панциря из Старшей могилы у с. Аксиютинцы Сумской обл. (собрание ГИМ)

3

4

5

правило, не содержат предметов, связанных с копьем. Вероятно, именно из их среды, из обедневших общинников и набиралась пехота.

Как мы видим, разделение на «роды войск» у скифов совпадало с имущественным положением воинов, иными словами, это деление носило социальный характер. Эта картина наблюдается не только у степных скифов-кочевников, но и в лесостепной полосе у оседлого земледельческого населения, независимо от его этнической принадлежности. Войско скифов было всенародным в том смысле, что каждый взрослый свободный мужчина был воином. Задачей войска была защита прежде всего интересов правящей верхушки. По-видимому, войско составлялось из отрядов, приводимых по приказу царя представителями племенной знати, владельцами крупных стад. Весьма вероятно, что участие в том или ином военном походе было для таких предводителей отрядов не строго обязательно и стимулировалось долей в добыче.

Скифам были знакомы различные тактические приемы ведения войны. Чаще всего применялся метод внезапных налетов. Скифские легковооруженные всадники внезапно появлялись перед врагом, осыпали его градом стрел и снова исчезали. Такая тактика была характерна не только для скифов, но и для всего кочевого мира древности и средневековья. Позднее монголы применяли ту же тактику в своих походах в Среднюю Азию и Европу. Напоминают тактику скифов и налеты кавалерийских корпусов в войнах XVIII—XIX вв. Внезапные налеты, изматывание противника, нарушение его коммуникаций, заманивание врага в глубь своей разрозненной территории, что так удачно применили скифы в войне с Дарием, рано или поздно приводили к гибели врага или к его отступлению и уходу. Однако было бы неверно думать, что скифы придерживались только тактики партизанских налетов.

Изучая тактику конных скифов, нельзя отбрасывать методы войны родственных им сармат и сако-масагетского мира, культура, быт и уклад которых весьма близки скифскому.

Большую ценность имеют сведения, характеризующие войны между варварами Средней Азии и войсками Александра Македонского, а также римлянами. Эти данные отчасти помогают нам разрешить вопрос о причинах появления у скифов тяжелой кавалерии, которая позднее

под именем катафрактариев действовала на полях битв между Востоком и Западом.

Наиболее ярко тактика тяжелой конницы была проявлена в битве при Каррах, когда римляне столкнулись с парфянами, в армии которых кочевники играли большую роль. Описание этой битвы приведено Плутархом. Против лучшей в Европе римской пехоты, построенной в фалангу, парфяне бросили закованную в железо конницу. Парфяне градом стрел опрокинули шедшую впереди римской фаланги легкую пехоту. Осыпая противника стрелами, они охватили римлян со всех сторон и по существу почти уничтожили римскую армию. Ее остатки погибли в последующие дни³.

Древние историки военного искусства справедливо отмечают, что тактика катафрактариев в своих истоках восходит к скифской тактике. В битве при Каррах против пехоты эта тактика была применена в законченном виде. Конечно, между катафрактариями времени рубежа нашей эры и тяжелой конницей ранних скифов дистанция огромного размера. У скифов этот род войск только зарождался.

История знает и другие случаи применения тяжелой конницы. Так, Александр Македонский, используя ее, разгромил в Азии своих противников. Еще ранее, в ахеменидский период, тяжелую конницу применяли персы. Существует мнение, что впервые она применялась кочевниками Средней Азии, там, где позднее и появились катафрактары полководца Сурены⁴. Весьма вероятно, что этот род войска впервые появился в землях саков. Археология знает изображения сакских воинов рубежа нашей эры в тяжелом вооружении. Изображения катафрактария копейщика в пластинчатом доспехе есть на монетах Вонона (конец II в. до н. э.) у массагетов, уже в эпоху Геродота были распространены панцири и защитное вооружение для коня.

Помимо конницы, у скифов была пехота. По-видимому, в ранние периоды их истории она не имела большого значения. Большую роль она стала играть позднее, с укреплением рабовладельческих отношений, с обнищанием части населения, принужденной бросить кочевую жизнь и перейти к оседлости. Отсутствие коня лишало бедняка возможности нести службу в коннице и оставалась одна возможность — сражаться пешими. Геродот при описании

1

2

Изображения скифов

1 — скиф натягивает тетиву лука; 2 — скиф забинтовывает ногу (1, 2 — на сосудах из кургана Куль-Оба, собрание Эрмитажа); 3 — пластинка с изображением скифа с луком (из кургана у с. Аксютинцы Сумской обл. — собрание Эрмитажа)

построения войск скифов в войне с Дарием отмечает пеших и конных скифов⁵.

Следует прислушаться к мнению о необходимости создания пехоты для борьбы против греческой фаланги, составлявшей основу войска греков. Конница в таких случаях играла второстепенную роль. Хорошо натренированная фаланга являлась почти неуязвимой для конницы, которая могла только осыпать противника стрелами с большого расстояния, но была бессильна против выставленных вперед копий фаланги. По-видимому, роль пехоты скифами была оценена приблизительно в IV в.⁶, когда отношения с греческими городами стали обостряться.

Позднее пехота приобретала все большее значение, обусловленное внутренними, социальными отношениями и необходимостью иметь войско, отвечающее требованиям времени. Из истории Боспорского царства известна меж-

доусобная борьба сыновей царя Перисада: Эвмела, Сатира и Притана. На стороне Сатира сражались греческие и скифские союзники. Войско последних состояло из 22 тыс. пехоты и 20 тыс. всадников. Существование укрепленных городов вызвало необходимость иметь пехоту и для их защиты, и для их штурма. За время, прошедшее с VII в. до н. э. до первых веков нашей эры, когда скифов в степной части сменили сарматы, военное искусство скифов, по-видимому, эволюционировало.

О боевом построении скифского войска судить из-за отсутствия источников трудно. Вождь обычно помещался в центре, возглавлял основную группу, которая и начинала битву. Такой порядок был у всех варваров Евразии. Не сохранила нам история никаких данных и об осадной технике скифов.

Будучи кочевниками, они вряд ли были склонны вести правильную осаду и, по-видимому, внезапный налет оставался основным, хотя и не единственным, приемом при штурме городов. Что касается построений пехоты, то можно думать, что греческая фаланга IV—III вв. до н. э., с которой скифам часто приходилось сталкиваться, оказала определенное влияние.

Итак, каждый свободный мужчина скиф был воином. Война являлась средством обогащения, особенно на раннем этапе истории скифов, на стадии военной демократии. Соответственно этому существовал и ряд связанных с таким образом жизни обычаев, о которых рассказывает все тот же Геродот.

Уже упоминалось о поединках между скифами как способе разрешения споров, об изготовлении чаш из черепов убитых врагов. Чаши делались из черепов только «почетных», злейших врагов. С остальных убитых противников скифы снимали скальп, который привязывали к узде коня. Число скальпов свидетельствовало о заслугах воина. Убийство первого врага отмечалось особо — воин пил его кровь. Головы убитых скифы относили царю, «потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а непринесший не получает»⁷. Удачливые воины, кроме добычи и почетных скальпов на узде, поощрялись и иным способом. «Ежегодно по разу каждый начальник в своей области приготавливает кратер вина, из которого пьют только те скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина

и, как обесчещенные, садятся отдельно, это для них величайший позор. Напротив, те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по два ковша и пьют из обоих разом»⁸. Обычаи были жестокие, варварские, но ведь в то время скифы и были варварами. Отметим, кстати, что существование ежегодных пиров лишний раз подтверждает, что война, набеги были у скифов обычным явлением. Во всяком случае до V в. до н. э., когда писал Геродот.

Жертвы мечу

Жизнь древнего народа, и не только скифов, немыслима без религии. В религии находит отражение миропонимание древних, их отношение к окружающему, религия является идеологией общества. И само общество находит отражение в религии, ибо религию творят люди, и творят по своему подобию.

Процесс завоевания и объединения скифских племен и их соседей в единое целое, хотя бы и в такое политическое объединение, как союз племен, уже в раннее время привел к созданию и единого пантеона скифских божеств. В него вошли боги отдельных племен, особо почитавшиеся этими племенами, были и боги, получившие всеобщее признание.

Геродот характеризует скифский пантеон весьма кратко, видя в нем повторение собрания греческих богов. «Они чтут только следующих богов: выше всех Гестию, затем Зевса и Гею, признавая последнюю супругой Зевса, далее Аполлона, Афродиту-Уранию, Ареса и Геракла. Эти божества чтут все скифы, а так называемые скифы царские приносят жертвы еще и Посейдону. Гестия по-скифски называется Табити, Зевс — Папай, по моему мнению совершенно правильно, Гея — Апи, Аполлон — Гайтосир, Афродита-Урания называется Аргимпаса, Посейдон — Фагимасад. Скифы не имеют обыкновения ставить кумиры, алтари и храмы ни одному божеству, кроме Ареса: сооружения же в честь последнего у них в обычае»¹. Геродот рассказывает и о жертвоприношениях богам: «... жертвенное животное ставят со связанными передними ногами, а приносящий жертву, стоя позади животного, тянет за конец веревки и опрокидывает его на

землю; в то время как животное падает, он взывает к тому божеству, которому приносит жертву, затем накидывает петлю на шею животного, поворачивает палку, вдетую в петлю, и удавливает животное... удавив животное и содрав шкуру, жертвоприноситец приступает к варке мяса... В жертву приносятся всякий скот, а особенно лошади»².

От описанного порядка жертвоприношений отличался культ бога войны Ареса. Вот как он описывается. «В каждой области по околоткам построены у них следующие святилища Ареса: связки хвороста накладывают одна на другую на пространстве трех стадий в длину и ширину, а в высоту несколько меньше³; наверху устраивается четырехугольная площадка; три стороны кургана делаются отвесными, а с одной есть доступ. Ежегодно привозят полтораста возов хвороста, потому что от непогоды это сооружение постоянно оседает. На каждом таком кургане водружен старинный железный меч, и он-то служит кумиром Ареса. Этому мечу они ежегодно приносят в жертву рогатый скот и лошадей и еще большие жертвы приносят, чем другим богам, а именно: из числа пленных врагов приносят ему каждого сотого мужчину, но не тем способом, как скот, а по-другому: совершив возлияние над головами жертв вином, они режут их над сосудом, а затем несут кровь на вершину кучи хвороста и обливают ею меч; наверх они несут кровь, а внизу у святилища совершают следующее: отрубив у всех убитых людей правые плечи с руками, бросают их в воздух, затем, совершив другие жертвоприношения, удаляются, каждая рука остается там, где упадет, а туловище лежит отдельно»⁴. Трудно придумать более символичное, более выразительное и обнаженное в своем значении изображение бога войны, чем меч, обгаренный кровью пленных, — бог войны получает от плодов своих. И еще раз напомним здесь об экономическом значении войн у ранних скифов.

Отражены в религии и другие стороны деятельности скифов, уже чисто хозяйственные. Несомненно, что культ Геи-Апи (Земли) и Аполлона-Гайтосира особенно был развит у земледельцев. Письменные источники говорят об этом мало, но кое-что о культах плодородия мы знаем по археологическим материалам.

При исследовании городища Караван (Северский Донец, VII—II вв. до н. э.) открылась интересная картина⁵

В северо-западной части этого городища было исследовано пространство, окруженное валом серповидной формы; вал сделан из обожженной глины. Высота вала достигала 0,55 м; по существу это — условное препятствие. Внутри вала находился зольник, в котором в древности были вырыты три ямы, рядом жертвенник из глины овальной формы, к которому вела дорожка, вымощенная камнем. От сильного огня поверхность жертвенника прокалилась и растрескалась. Размеры жертвенника в диаметре 1,5 м. Зольник, окружавший жертвенник, состоял из золы, включавшей различные культовые и бытовые предметы. При совершении обряда использовались как ритуальные вещи, так и бытовые. Из первых были найдены миниатюрные сосудики, небольшие лепешки, к глине которых примешивались зерна и стебли растений, и антропоморфные фигурки. В числе культовых предметов, связанных с земледелием, обнаружены и глиняные модели зерен. Все они сделаны из тонко отмученной глины с примесью выгоревших органических остатков. Среди моделей хорошо выделяются бобовые культуры, пшеница, рожь, ячмень, просо. Все модели несколько больше натуральных, но пропорции соблюдены достаточно точно. Большой интерес представляют остатки ржи и бобовых; к последним относятся нут, вика и чуфа. Заслуживает внимания совпадение мнения ботаников с данными археологии о первом появлении ржи на нашей территории в I тысячелетии до н. э. Виды бобовых, найденных на святилище, были известны древним грекам⁶. Весьма вероятно, что к скифам они попали от греков.

В лаборатории Государственного Эрмитажа в Ленинграде было проведено изучение найденных моделей зерен. Оказалось, что модели зерен отличаются друг от друга не только формой, но и внутренним строением. Так, модели зерен ржи, пшеницы отличаются мелкопористой структурой, в то время как бобовые имеют плотную массу, что соответствует различиям в структуре зерен. Этот материал позволяет говорить об известной системе религиозных магических заклинаний, которые, по мнению скифов, позволяли улучшить урожай.

Подобные жертвенники, связанные с зольниками, были широко распространены в области скифских, да и не только скифских племен; они известны почти на всех городищах. На Пастерском городище обнаружен жерт-

венник с находящимся рядом зольником, разбросанными вокруг желудями, орехами и зёрнами злаков. Такие памятники известны и за пределами скифского мира. В иных случаях это — небольшие жертвенники родового характера, в других — огромные святилища, по-видимому, племенного значения. В Ульяновской области известно одно такое святилище под названием «Шолом». Там в центре, на постаменте, был поставлен идол, а вокруг располагались жертвенники, принадлежавшие, по-видимому, отдельным семьям или родам. Культ огня, широко распространённый в древности, заставлял людей бережно относиться к золе. Поэтому золу ссыпали в определенное место. Так образовались зольники. Этот очаг-жертвенник, видимо, являлся родовым, а не семейным, и был связан с сельским хозяйством.

В жертву покровителям земледелия и скотоводства приносили продукты сельского хозяйства. В древности практиковался обычай заменять подлинные вещи моделями. Поэтому вместо подлинных злаков приносили их изображения, вместо настоящих животных — статуэтки. Такие статуэтки часто встречаются на скифских поселениях. Жертвенник городища у с. Караван очень типичен и исследование его проведено на должном уровне.

Существовал у скифов и культ предков. Как составная часть входил в него культ божественных предков царей, имевший большое политическое значение. В самом начале этой книги были приведены два варианта легенды о божественном происхождении правящей династии. Судя по произведениям искусства, особой популярностью у скифов пользовался второй вариант, в котором скифы ведут происхождение от Геракла и полудевы-полузмеи. Мы располагаем значительным числом бляшек и пластин, добытых из раскопок, на котором изображен Геракл, борющийся со львом. Иногда вместо льва изображалось другое животное. Этот сюжет широко использовался в скифской среде⁷. Много таких бляшек находят в курганах знати, в частности царей. Датируются они в основном IV—III вв. до н. э., но можно не сомневаться, что будут обнаружены и более ранние. Существует мнение, что греческий Геракл тождествен скифскому Таргитаю («первому человеку» из первой легенды), и на последнего перенесены все предания, связанные с Гераклом. Культ Геракла — Таргитая возник, вероятно, уже в VI в. до н. э.

и продолжал существовать на протяжении всей последующей истории скифов.

Не менее популярен был и культ змееной богини. Этот образ также нашел отражение в искусстве скифов и греческих городов Причерноморья, где проживали скифы, меоты и тавры. Так, на золотом наобнике из Цимбаловой могилы изображена фигура женщины с ногами в виде волют, заканчивающихся головами змей. В этой греческой переработке нетрудно увидеть ту полудеву-полузмею, временную супругу Геракла, от которой произошли, согласно второй легенде, скифы. Несколько пластин с аналогичными изображениями обнаружены при раскопках Херсонеса⁸.

Любопытно, что в Крыму произошло, по-видимому, слияние культа скифской змееной богини с девой — божеством, почитавшимся у тавров. Находки в Херсонесе дают основания для такого утверждения. Напомним, что тавры в последний период существования скифского государства были ближайшими соседями скифов и многое заимствовали от них.

Все эти культы дополнялись в повседневной жизни гаданиями. Этим делом занимались «специалисты». Геродот особо отмечает гадание на прутьях. «Гадают при помощи множества ивовых прутьев следующим образом: принесши большие связки прутьев и положив их на землю, они раскладывают их порознь и затем, перекалывая прутья по одному, гадают; произнося предсказания, они вместе с тем снова собирают прутья и раскладывают их поодиночке. Таков у них исконный способ гадания». Геродот добавляет, что, по словам энареев (женоподобных мужчин), искусство гадания даровано им Афродитой. Это обстоятельство и то, что гаданием занимались энареи, заставляет предполагать, что раньше этим делом у скифов занимались женщины.

К предсказаниям, полученным путем гадания, скифы относились с полным доверием и серьезностью. За «неверное» определение виновника болезни царя гадатели расплачивались жизнью.

В заключение следует сказать то же, что говорилось уже не раз: дошедшие до нас сведения о религии скифов оказались преломленными через призму сознания греков, что явствует уже хотя бы из сопоставления Геродотом

скифских божеств с греческими. Поэтому к изложенным сведениям следует относиться осторожно, но все же трактовка Геродотом скифской религии не оставляет сомнения в том, что перед нами религия классового общества.

Звериный стиль

В области искусства от скифов остались бытовые изделия, выполненные в так называемом зверином стиле, и примитивная скульптура. Истоки и популярность этого искусства в скифском обществе лежат в области религиозных и магических представлений, что характерно для большинства народов древности и средневековья. Скифы любили украшать одежду различными узорами, у них, видимо, была распространена и татуировка. Узоры содержали символику, связанную с родовыми и племенными представлениями и имеющую религиозный характер. Религиозный стиль узоров заключался в стремлении людей путем нанесения определенных знаков оградить их носителя от влияния злых сил, которые, по мнению человека того времени, населяли весь мир.

В искусстве скифов, как отмечено выше, существовали и параллельно развивались два направления: одно — реалистическое, посвященное изображению животных и сцен из жизни людей, второе — орнаментальное. В искусстве VII—VI вв. до н. э. ощущается влияние Востока, а приблизительно с V—IV вв. чувствуется сильное воздействие античности. Особенностью звериного стиля является передача зверей чаще всего в движении с подчеркиванием силы зверя и нанесением мышц в виде орнамента на поверхности тела. Иногда художник всю фигуру зверя превращал в орнаментальный сюжет, и тогда только по контуру можно узнать зверя или его часть. Характерны для этого направления сцены борьбы животных, изображаемых иногда в неестественных позах.

В развитии скифского звериного стиля на различных территориях наблюдается определенное своеобразие, вызванное, по-видимому, конкретными условиями исторического развития.

Вопрос о происхождении звериного стиля в искусстве волнует науку весьма давно. Высказывались различные точки зрения. Большое значение придавалось Востоку.

Однако эти взгляды не решали проблемы хотя бы потому, что в восточном искусстве нет многих сюжетов, распространенных у скифов. В настоящее время мы еще далеки от окончательного ответа. Ясно, что следует учесть и произведения прикладного искусства Евразии предшествующего времени. Раскопки последних десятилетий в Сибири и на Урале открыли интересную страницу искусства эпохи поздней бронзы. Особого внимания заслуживает один из памятников конца II тысячелетия до н. э. под названием Горбуновский торфяник, где были найдены деревянные резные вещи. Эти изделия передают в реалистической форме фигуры различных животных. Однако в этой передаче чувствуется и некоторая схематизация, отвлеченность, желание подчеркнуть только определенные характерные черты сюжета. Аналогичные уральские изделия были широко распространены на севере Европы. Они известны, в частности, в сейменской культуре, где изображения зверей при достаточной обобщенности образов, при некоторой схематичности, передают их характерные черты. Эта особенность получит свое развитие позднее в скифо-сарматских изделиях¹.

Почему же оказался так популярен новый стиль, зародившийся на основах того искусства, которое когда-то, в глубочайшей древности имело отношение к тотему, затем было связано с магией и, наконец, стало играть какую-то другую роль? Если мы обратимся к истории I тысячелетия до н. э., то увидим на большей части Евразии развитие классообразования, наступление эпохи военной демократии. Формирующаяся рабовладельческая знать стремится выделиться себя из числа прочих родичей. Могилы знати устраиваются не только богаче, но с подчеркиванием особого положения в обществе ее представителей.

Вещи знати, в частности оружие, богато декорировались сюжетами звериного стиля. Он проникал всюду. Им украшались и погребальные сооружения, весь инвентарь, так или иначе связанный с умершим. Кроме того, эти изображения играли роль оберегов, которые должны были не только ограждать людей от беды, но и давать им качества, свойственные изображаемым зверям: силу, ловкость и быстроту. Так украшались колчаны для стрел, где в центре был глаз сокола или орла. Вполне понятны и закономерны сцены борьбы хищников с парнокопыт-

Золотая фигура пантеры из Келермесского кургана
(собрание Эрмитажа)

ными или нападения орлов на животных. Звериный стиль получил свое распространение прежде всего там, где складывались классовые отношения или уже сложилось рабовладельческое государство. Так было у племен Алтая или в области Южной Сибири, племена которой переживали процесс классовообразования, у скифов-пахарей, у будинов и савроматов и в Средней Азии, где государство сложилось уже в доахеменидскую эпоху. Этот стиль характерен для Ирана, Кавказа и, наконец, Скифии. В Скифии процесс классовообразования завершился сложением рабовладельческого государства в начале V, а может быть, в конце VI в. до н. э. За пределами этого мира лежит область родовых общин и там, как правило, звериный стиль не получил широкого распространения. Это мы видим в центральных областях Восточной Европы, на всем Севере Европы, где процессы общественного развития шли в несколько замедленном темпе. Здесь можно встретить некоторые вещи, несущие на себе следы влияния скифов, изображения животных с деталями тела, переданными в типично скифской манере, в том числе в трактовке зубов и глаз, но то, что характерно для звериного стиля в целом, здесь не встречается.

Своеобразие звериного стиля в разных областях бесспорно, оно определяется своеобразием исторического процесса и очень часто различными влияниями, шедшими извне.

В настоящее время можно наметить несколько областей, имеющих специфические черты звериного стиля.

Совершенно особый не скифский стиль наблюдается в Юго-Восточной Азии, где типичны своеобразные формы передачи животных и, пожалуй, человека, переплетенных с растительными узорами, сохранившимися до весьма позднего времени. Это направление проходит яркой чертой через все средневековые вплоть до нового времени и пронизывает весь быт и архитектуру. Излюбленным мотивом там был дракон в совершенно своеобразной форме.

Для искусства Переднего Востока весьма характерны сцены геральдического характера. Они широко известны в древнем и средневековом Востоке, откуда и попали в Европу, Сибирь и Алтай. Оттуда произошли и некоторые сцены борьбы хищников с парнокопытными, широко распространенные в искусстве кочевников. Некоторые из них, по всей вероятности, имеют своим прообразом произведения Переднего Востока.

Изображения животных

1 — ручка зеркала в виде пантеры, курган Бис-Оба, Оренбургской обл.; 2 — голова барана от псалми из Старшей могилы Сумской обл.; 3 — навершие из Келермесского кургана с изображением грифона (1, 2 — собрание ГИМ, 3 — собрание Эрмитажа)

Особую область представляет Северный и Центральный Кавказ. В данном случае речь идет не о памятниках скифов, которые имеют совершенно иной характер, а об искусстве аборигенов Кавказа с характерными для него памятниками кобанской культуры. В тематике северокавказского прикладного искусства встречаются изображения барана, оленя, быка, но главным образом домашних животных. Они использовались, по-видимому, в магических обрядах, связанных с восстановлением поголовья стада. Все эти изображения имеют резкое отличие от того направления, которое известно в Сибири. На Кавказе нередки изображения животных в геральдической позе. Все эти предметы хорошо сопоставляются с искусством Переднего Востока, а некоторые черты могут найти объяснения в Средиземноморье, где в искусстве «дипилонского» стиля встречаются изображения лошадей с подчеркнутым крупом, характерным для оленей на бляхах Центрального Кавказа. Область Кавказа, если отбросить скифские курганы Прикубанья, составляет особую область, искусство которой весьма своеобразно и не имеет черт, позволяющих сопоставить его с классическим скифским звериным стилем. Здесь почти отсутствуют сцены борьбы зверей и трактовка животных иная; она не имеет условности скифского искусства, условности, которая проявляется в соединении реалистического образа с орнаментальными элементами.

Искусство скифов Северного Причерноморья и савромат имеет своеобразные черты, причем савроматское искусство, видимо, занимает промежуточное место между южносибирским и скифским. В орнаментации уздечного набора савромат встречаются грифоны, горные козлы, распластанные барсы, волк и другие хищники. Так же, как в искусстве скифов, здесь соединяются реалистическое и орнаментальное направления. Хорошо прослеживаются влияния сибирских племен, ощущается близость европейских скифов, а также Переднего Востока с искусством Ассирии и Урарту.

Очень своеобразен звериный стиль лесостепных племен области Приднепровья и Подонья.

За границами собственно скифского мира лежит полоса финно-угорских племен, где широкое распространение получила реалистическая передача звериных образов. Те немногочисленные вещи, которые дошли до нас из об-

ласти распространения дьяковской культуры, свидетельствуют об этом достаточно ясно.

Искусство европейских скифов представлено изделиями, являвшимися декоративными элементами вооружения, конского убранства, одежды, бытовых предметов. Излюбленными мотивами были хищники — сказочные грифоны, драконы, львы, животные, с которыми скифы могли сталкиваться и в жизни, — пантеры, кабаны, олени, иногда медведь, хищные птицы — орлы, ястребы и соколы. Между прочим, олень господствует и в европейской и азиатской областях.

Самобытное в своей основе скифское искусство испытало влияние искусства передовых цивилизаций того времени. Здесь прежде всего следует отметить опять же влияние Переднего Востока, очень заметное в ранний период. В Прикубанской группе, в таких курганах, как Келермесский, Костромской, Ульский, а в Приднепровье — Литой, имеются вещи, в которых искусство Переднего Востока выступает почти в чистом виде. Однако довольно скоро заимствованные элементы уже в переработанном виде органически вошли в прикладное искусство скифов, главным образом их знати, и стали его отличительной чертой. Очень показательны вещи из Литого кургана, вошедшие в науку под названием Мельгуновского клада; они отражают тесную связь с Ассирией, может быть с Урарту. Орнаментальные узоры мельгуновского меча типичны для декора ассирийских вещей. К ним относится композиция ножен с изображениями шагающих чудовищ, стреляющих из лука. Некоторые из них с головами баранов, с изогнутым рогом и характерной ассирийской «прической», другие имеют голову льва, человека и орла. В передаче этих фигур, с одной стороны, видно желание мастера быть ближе к реальной природе, что сказалось в трактовке лап и мышц, с другой — к декоративности. Заканчиваются ножны пластиной с изображением двух чудовищ, по-видимому, львов, изображенных в геральдической позе. Сцена на перекрестье с фигурами двух лежащих оленей и деревом жизни в центре также навеяна искусством Переднего Востока и представляет собой скифскую переработку сюжета. Имеются и чисто скифские элементы. Таково, например, изображение оленя на боковом выступе ножен в той характерной позе, которая типична для скифо-сибирского стиля, с вытянутыми вдоль спины рогами, переданными

в орнаментальной манере. В этом же комплексе имеется диадема, сплетенная из нескольких цепочек и украшенная розетками типа, широко известного в прикладном искусстве Востока. Пластинка с фигурой обезьяны и двумя страусами точно так же напоминает изделия Востока.

Особенно популярен у скифов образ грифона. Археологи различают несколько вариантов грифона. Один порожден переднеазиатским искусством, другой — проникает с VI в. до н. э. из Малоазиатской Греции. Это грифон, присевший на задние лапы для прыжка. Он отличается особой трактовкой ушей и крыльев, с приподнятыми вверх перьями, и раскрытой пастью. Такой тип широко распространен в области Кубани. В литературе иногда грифоном называют изображение головы хищной птицы, составляющей обязательный компонент в декоре упряжи и оружия².

Своеобразие звериного стиля состоит в сочетании чисто декоративного начала с реалистической передачей зверя. Уже в ранних образцах, как, например, в изображении пантеры из Золотого кургана в Крыму, относящегося к рубежу VII и VI вв. до н. э., при правильной передаче экстерьера животного туловище его покрыто пластиной с полихромными вставками эмали. Так же трактована и пантера из Келермесского кургана, хвост и лапы которой украшены фигурами свернувшегося в круг зверя, а ухо овальной формы имеет полихромные вставки эмали. Интересны также головы грифонов из кургана Ульского аула, где дан, собственно говоря, силуэт головы грифона с орнаментальными линиями в отдельных местах, подчеркивающими детали головы. На плоскости его изображен олень с повернутой назад головой. Этот элемент декоративности усиливается к сарматскому времени, что видно хотя бы по фигуре оленя из Куль-Обского кургана в Крыму, где олень и особенно его голова даны в реалистической передаче, а рог трактован в виде ровной полосы завитков. Самое же тело покрывают фигуры грифона, льва с повернутой головой и какого-то скачущего четвероногого. Совершенно орнаментальный характер носят налобники из Цимбалки IV в. до н. э., где глаз показан в виде спирали, а верхняя закрученная губа уходит как бы в раскрытую пасть, усаженную мелкими зубами. Вся пластина покрыта орнаментальными нарезками. В IV в. становятся характерными орнаментальные завитки, которые можно видеть

Изображения животных

1 (а, б, в) — бляхи от колчана из кургана у с. Деревня Сумской обл. (собрание ГИМ); 2 — крючок, орнаментированный фигурами хищников, отсюда же (собрание ГИМ), 3—4 — псаши из скифских курганов Краснодарского края (собрание ГИМ); 5 — бляха с грифонами, служившими оберегами, с Клеменковского хутора Воронежской обл. (собрание ГИМ)

и в рогах оленей, и в наверху, где почти невозможно выделить первоначальный образ зверя.

Другая внешняя художественная школа, оказавшая огромное влияние на скифов, была античная школа в лице ионийских греков Малой Азии и колоний Северного Причерноморья. Греки, заинтересованные в торговле со скифами, учитывали их потребности и создавали для них замечательные произведения. К их числу относится знаменитая Чертомлыцкая ваза, свидетельствующая о том, что греки прекрасно знали быт и вкусы своих северных соседей. Античные вещи в разных видах попадали в степную и лесостепную зоны. Скифские мастера многое почерпнули из античного искусства и создали свои произведения, лучше отвечавшие вкусам своих соплеменников.

Скифы оставили нам не одни памятники прикладного искусства. В настоящее время накоплен некоторый материал, позволяющий охарактеризовать скульптуру скифов. В разных местах Северного Причерноморья находят грубые изваяния, высеченные чаще всего из известняка. За несколько столетий эта область искусства проделала некоторую эволюцию. Ранние отличаются от более поздних упрощенностью и обобщенностью образа. Более поздние претерпели некоторое воздействие античного искусства.

Скифские изваяния составляют особую группу, которая отличается и от более ранних, эпохи бронзы, и от более поздних, тюркского времени. Скифские изваяния иногда называют каменными бабами, хотя, строго говоря, каменными бабами принято называть тюркские надкурганые фигуры мужчин и женщин. Скифские изваяния выделяются по изображению оружия, чаще всего акинака, доспехов и ритона. Одним из ранних памятников является плита, найденная в кургане у станицы Елисаветинской в устье Дона. Эта плита имеет почти четырехугольную форму, грубо отесана голова, на лицевой стороне плиты прочерчены руки; левая рука держит едва просматриваемый на неровности камня грубо обитый ритон, правая — полусогнута. Ниже на поясе изображен кинжал, типичный скифский акинак, с хорошо различимой боковой пластиной на ножнах, рукоять заканчивается брусковидным навершием. С левой стороны высечен горит с выступающим луком. Весьма вероятно, что линия, идущая вдоль шеи, передает гривну, которую носили не только женщины как украшение, но и мужчины. Самая стела высечена крайне

1

3

2

4

Каменные изваяния скифов

1 — стела с изображением скифского воина из ст. Елисаветинской (собрание ГИМ); 2 — стела с изображением скифа, найдена близ с. Ольковчик Донецкой обл.; 3—4 — стела с изображением скифа с Северного Кавказа

грубо. Нижняя часть, около трети изваяния, оставлена почти не обработанной. Очень грубо высечено лицо. Два горизонтальных углубления обозначают глаза, переходящие в прямой выступ носа³.

Другое изваяние хранится в Краснодарском музее. Оно отличается от первого более совершенной обработкой поверхности и, несмотря на сильную испорченность — отсутствие головы и левой руки, — можно говорить о значительной эволюции мастерства по сравнению с первой статуей. На изваянии отмечены пластины панциря, идущие от плеча до пояса. Особенно рельефно они переданы на груди, ниже они намечены более грубо перекрещивающимися линиями. Плечье имеет украшения в виде головы грифона, а в центре орнаментальный узор, в настоящее время плохо различимый. Пояс передан насечками, которые, по-видимому, имитируют бронзовые пластины скифского пояса⁴. Спереди, ниже пояса, несколько наклонно висит акинак с выступающей сверху пластиной, характерной для этого типа оружия. Рукоять заканчивается брусковидным навершием. С левой стороны изображен подвешенный горит с выступающей верхней частью лука⁵. В правой согнутой руке изваяния — ритон, изогнутый почти под прямым углом.

В настоящее время подобных фигур известно еще несколько. Все они довольно однообразны. На одном рельефе с левой стороны мастер изобразил плетку⁶. Эта группа, вероятно, изображает царей или вождей племен. В стелах, как правило, представлен только обобщенный образ с аксессуарами, необходимыми для выявления его социального положения. В позднюю эпоху, по-видимому, возникла некоторая индивидуализация образа. Это особенно хорошо чувствуется в рельефе, изображающем скифских царей Скилура и Палакка. В это время можно уже проследить значительное влияние античного искусства. Оно сказывается и на форме рельефа, и на композиции, и, наконец, на ряде деталей. Мастер изобразил двух всадников, старого и молодого, едущих рядом. Композиция дана так, что зритель воспринимает первым старого и несколько сзади молодого. Это достигается различием в пропорциях и более высоким рельефе деталей тела старшего царя⁷. Весьма индивидуально переданы черты лица. Лицо старого человека, гордое, удлиненное, с орлиным носом, насупленными бровями, с несколько мрачным

взглядом. Лицо юноши округлое, с тяжелым подбородком, прямым и широким носом, с небольшими глазами, с выступающими скулами. Перед нами, несомненно, портретные черты⁸. Обе фигуры на головах имеют мягкие остроконечные шапки скифского типа. На плечах изображен греческий плащ, скрепленный круглой застежкой-фибулой. Рельефы были рассчитаны на установку на площади, как это делалось в греческих государствах по отношению к людям, которых за какие-то заслуги хотели отметить. Оба всадника изображены на конях. Композиция, напоминая скульптуру античных мастеров, по отделке, весьма несовершенной, заставляет видеть в рельефе произведение местного скульптора. Неаполь Скифский развивался в значительной мере как город сильно эллинизированный и, естественно, здесь можно было встретить рельеф, выполненный в античном стиле.

В Северном Крыму известно несколько конных портретов скифов. Появление портретных фигур было вызвано социальными условиями скифского рабовладельческого общества, необходимостью популяризировать правящую династию. Скифское искусство знало и изображения различных сцен из быта скифов.

Таким было искусство европейских скифов, составляющее только часть того направления в искусстве населения евразийских степей, в котором различные скифские племена (саки, массагеты, алтайские скифы и савроматы) создали замечательную страницу.

Бытовые подробности

В предыдущих главах мы рассмотрели основные стороны жизни скифов, познакомились с хозяйством, ремеслами и торговлей, охарактеризовали, насколько позволяют источники, государственное устройство и военное дело, религию и искусство. Мимоходом затрагивали и некоторые бытовые черты, обычаи, связанные с войной. Но всего этого недостаточно, чтобы реально представить себе скифов и реконструировать их повседневную жизнь. Описание бытовых черт, даваемое ниже, является попыткой хотя бы отчасти облечь в плоть эти общие представления. А таких бытовых деталей известно довольно много благодаря па-

мятникам искусства и наблюдательности древних авторов. В основном они касаются кочевых скифов, образ жизни которых особенно резко отличался от греческого и поэтому удивлял греков и привлекал их внимание.

Значительную часть времени скиф, по крайней мере зажиточный, проводил на лошади. Женщины и дети передвигались со становища на становище в четырехколесных или шестиколесных кибитках-фургонах, влекаемых волами. Внутри такая кибитка имела несколько отделений.

Одежда мужчин состояла из куртки, спускающейся ниже пояса, и длинных штанов, носившихся или навыпуск, как это представлено на Чертомлыцкой вазе, или вправленных в невысокие мягкие полусапоги, стянутые на подъеме ремнем. Куртка без ворота запахивалась, оставляя открытой шею, и имела узор по краям и орнаментальную полосу на спине или была обшита мехом. Штаны также украшались узорами. На голове — башлык с выступом над лбом. Скифы носили длинные волосы и бороду. Кожаный пояс

1

2

Изображения скифов

1 — пластина из кургана Куль-Оба (собрание ГИМ); 2 — пластина с изображением танцующих женщин из кургана Куль-Оба (собрание ГИМ); 3 — пластина от головного убора из кургана Карагодеуашх (собрание Эрмитажа)

3

служил для подвешивания колчана с левой стороны и кинжала с правой. Он нередко покрывался металлическими бляшками. О женской одежде мы знаем очень мало. Если судить по золотой пластине от женского головного убора из кургана Карагодеуашх, то можно думать, что на голове у них был убор, напоминающий башлык, с поднимающейся вверх передней частью. Они носили длинное платье, на которое надевали длинную же накидку. У некоторых женщин и голова покрывалась накидкой. Такой женский костюм известен по ряду изображений. Одежда делалась из шерсти, из растительного волокна (конопли) и из кожи.

Скифы широко применяли всевозможные украшения, часть которых, как это было часто в древности, имела значение оберегов. К ним следует отнести разнообразные медальоны с изображением богинь. Здесь можно напомнить великолепный медальон с нагрудным изображением Артемиды, найденный в Неаполе Скифском¹. Среди излюбленных сюжетов можно назвать пластины с изображением змееногой богини².

Носили много стеклянных и каменных бус, браслеты, серьги, сделанные местными мастерами или привозные. Обычны у рядовых скифов были серьги в виде двух конусов, соединенных основаниями, на небольшой изогнутой проволоке, или в виде полого конуса с проволокой, закрепленной внутри. Интересны поясные крючки с изображением зверей в зверином стиле. Встречены перстни.

Другой характер имеют вещи, принадлежащие рабовладельческой знати. Здесь следует отметить украшения, вышедшие из мастерских греческих городов Причерноморья. Замечательные диадемы тонкой филигранной работы, такие же серьги, нагрудные и височные подвески, — все эти вещи высокого ювелирного искусства. Принадлежностью каждой женщины было бронзовое зеркало. Разнообразие их типов отвечало различным вкусам и соответствовало социальным отношениям. Найдены простые зеркала и зеркала, украшенные орнаментом и позолоченные. Известны зеркала ольвийской работы, выполненные специально для скифов, с ручками, украшенными в зверином стиле.

В быте знати заметно большое влияние античной культуры. В богатых погребениях скифов много хорошей греческой чернолаковой расписной посуды. В числе их сосуды для питья — килики, всевозможные сосуды для воды и вина. На скифских городищах, особенно на Каменском городище на Днестре, очень много обломков амфор для вина. Это свидетельствует о том, что виноградное вино, широко употребляемое в Греции, находило потребителей и в Скифии. Была одна существенная разница в употреблении вина. Греки пили его разведенным водой. Скифы же употребляли целое, что вызывало осуждение в греческом обществе и считалось варварством и некультурностью. В Скифии находят также и сосуды из-под косметики. Правда, скифы неохотно допускали в свою среду проникновение греческой культуры и образа жизни. Геродот в своей «Истории» приводит трагическую историю с Анахарсисом и Скилом. Он говорит, что скиф Анахарсис во время своего путешествия в Грецию видел в Кизике совершение жертвоприношения матери богов. Там он дал обет в случае благополучного возвращения принести жертву этой богине. По возвращении домой он отправился в рошу и совершил там жертвоприношение с тимпаном в руке, увешанный изображениями богини. Кто-то из скифов увидел действия Анахарсиса и донес об этом царю Савлию; последний,

убедившись в справедливости доноса, убил Анахарсиса. Согласно родословной, царь Савлий был родным братом Анахарсиса. Много лет спустя аналогичная судьба постигла и Скила, получившего в молодости греческое воспитание и поэтому не любившего скифский образ жизни. Он часто приходил в Ольвию и там жил, как греки. Скил носил греческое платье и совершал религиозные обряды по греческому обычаю. Об этом узнали скифы и, свергнув с царского престола Скила, поставили царем Октамасада. Скил бежал во Фракию и, будучи выдан скифам, был обезглавлен. Геродот отмечает: «Скифы избегают заимствования чужеземных обычаев, притом не только от других народов, но и в особенности от эллинов»³. В данном случае нарушение племенных обычаев было особенно неприемлемо, так как относилось к религии. Несмотря на то, что скифы осуждали попытки нарушения племенных обычаев, иноземный быт входил в культуру знати. Скифские рабовладельцы имели дворцы в Ольвии (царь Скил) и широко пользовались греческими вещами.

Описание Геродотом скифской бани настолько любопытно, что имеет смысл привести его полностью. «Сначала умащают и обмывают голову, а потом для очищения тела устраивают следующее: поставив три шеста, наклоненные один к другому, натягивают на них шерстяной войлок и, стянув его как можно плотнее, бросают раскаленные докрасна камни в сосуд, поставленный между этими обтянутыми войлоком шестами... Скифы берут семена конопли, входят под войлоки и бросают семена на раскаленные камни. От брошенных семян поднимается такой дым и пар, что никакая греческая паровая баня не превзойдет этой скифской. Скифы восхищаются такой баней и воют от удовольствия; это заменяет им омовение, так как они вовсе не обмывают себе тела водою»⁴.

Коль скоро речь зашла о гигиене, приведем один косметический рецепт, не ручаясь за его действенность и не рекомендуя к употреблению. «Женщины их (скифов) трут о шероховатый камень кипарисовое, кедровое и ливанное дерево, подливая к ним воды, и получаемой при этом густой массой вымазывают себе все тело и лицо; это придает телу приятный запах, а когда на другой день снимут мазь, то тело оказывается чистым и глянцеви́тым»⁵.

Для приготовления пищи скифы употребляют медные котлы на подставке и с ручками. Это довольно крупные

сосуды, высотой 70—80 см и диаметром 60—70 см. Такие котлы существовали у многих других народов: у савромат и у саков, в Сибири и на Алтае. Имелись у скифов и деревянные и глиняные сосуды, но глиняная посуда не занимала в быту кочевников большого места. У них существовал совершенно оригинальный способ варки мяса. «Содрав с животного кожу, очищают от мяса, затем кладут ее в котлы... если котла не окажется, то вкладывают все мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости; они горят отлично, а очищенное от костей мясо легко умещается в желудке. Таким образом бык сам себя варит»⁶. Замечанием, что описанный Геродотом скифский способ варки никем, по нашим сведениям, экспериментально не проверялся, мы и закончим наш беглый экскурс в область быта.

Наследство и наследники

В литературе отмечалось, что реминисценции звериного стиля живут еще и ныне в разных местах России в художественных поделках народа и в убранстве его домов¹. Примером могут служить фигуры козлов с повернутыми назад головами, обычный сюжет на севере Восточной Европы, где такими фигурами украшаются кресла. Несмотря на большой хронологический разрыв, позднее искусство при всей грубости передачи сохранило скифские традиции в позе животного и в деталях тела, в частности в трактовке мышц. Многие культовые изображения птиц, найденные археологами и этнографами в мольбищах народов Приуралья и Западной Сибири, напоминают скифские прототипы.

По-видимому, русское народное искусство получило от скифов или населения лесостепной полосы образы, оказавшиеся одной из основ народного искусства. Изучение его произведений заставило обратить внимание на сюжеты и их передачу, напоминающую произведения скифского и сарматского искусства. Так, довольно распространенным сюжетом в русской народной вышивке на полотенцах или росписи на прялках является женская фигура со стоящими по бокам всадниками. Иногда фигура женщины заменяется деревом, встречаются и другие варианты². Такие сцены, особенно широко распространенные на русском Севере,

напоминают композиции скифского и сарматского искусства. В качестве примера можно напомнить женское божество на пластине из кургана Карагодеуашх, с предстоящими всадниками и стоящими людьми, и сцену на ритоне из Куйбышевской области, где изображена женщина на троне, с предстоящими всадниками, с ритоном в поднятой руке. В кургане Карагодеуашх имеется пластина с двумя всадниками, один из которых трактуется как бог, передающий скипетр царю скифов. Этот сюжет изучен достаточно хорошо и освещен в нашей литературе³. Изучение монументальной росписи склепов Неаполя Скифского протянуло нити, связывающие их элементы с русским и украинским декоративным искусством⁴. Реминисценции скифского искусства сохраняются во многих изделиях. Можно указать тематику пряничных досок⁵. Можно напомнить изображение змееногой богини, столь популярной у скифов, аналогичной «берегине» русского фольклора⁶. Наконец, излюбленным сюжетом в народном архитектурном декоре является лежащий лев, напоминающий фигурки ползущих львов скифской торевтики⁷.

Население Севера сохранило нам немало произведений русской культуры. Там долго бытовали русские былины, могли сохраняться и произведения изобразительного искусства, передававшиеся из поколения в поколение. Несомненно, те праславянские племена, которые жили близко к населению лесостепной полосы скифского времени, были связаны и культурно и, как показывает археологический материал, этнически со скифами и поэтому передача этого искусства потомкам более чем возможна.

Конечно, трудно судить о преемственности в области культуры по отдельным звеньям, разделенным отрезками во много сотен лет, но поразительное сходство образов и сходство в трактовке позволяют прийти к такому выводу.

С некоторыми оговорками можно отметить и сходные элементы в трактовке некоторых образов декора русской архитектуры домонгольской Руси. Здесь прежде всего на память приходят соборы XII в. во Владимире и Юрьеве-Польском, где фигуры лежащих львов украшают капители колонн, храм Покрова на Нерли. Ползущие на брюхе львы изображены в той же характерной для скифского искусства позе. Этот же сюжет можно видеть в настенном декоре центрального прясла церкви Покрова на Нерли и на капителях Дмитриевского собора⁸. Нельзя не отметить

и излюбленный сюжет скифского звериного стиля с изображением грифона, терзающего лань или оленя. В той же церкви Покрова на Нерли имеется в декоре на стене орлиноголовый грифон, раздирающий лань⁹. Интересно, что в ряде случаев декоративность, присущая скифскому искусству, сохраняется и в реминисценциях русского искусства, когда мастер покрывал тело изображенного животного различными насечками, иногда подчеркивая мускулатуру, как у прыгающего барса из Покрова на Нерли, а иногда — сплошь орнаментальными линиями, как в настенной резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

Этот сравнительный перечень можно было бы продолжить, но совершенно ясно, что звериный стиль, сложившийся у скифов, не умер вместе с политической смертью скифского государства, а развивался у других народов, приобретая новые детали и новый смысл, который никогда не вкладывали в него мастера прошлого. Человек рабовладельческого общества мыслил иначе, чем русский мастер эпохи феодальных отношений или России нового времени.

Не остался без влияния скифского искусства и Кавказ, хотя воздействие скифов здесь было значительно меньше. Не останавливаясь на изображении змееной богини, которая нашла свое повторение в рельефе средневековой Армении, как, например, на стеле из Талина¹⁰, можно привлечь барельеф из Ованабанка с фигурой птицеголового грифона, терзающего птицу. Вся поверхность изображенных птиц покрыта орнаментальными узорами, передающими оперение. Барельеф отдаленно, по сюжету напоминает скифское искусство, остальное — другое, в том числе и общая передача грифона и птицы¹¹. Можно отметить такие же реминисценции и в прикладном искусстве народов Алтая. Следует заметить, что сцена грифона, терзающего животное, распространена довольно широко, и в эпоху раннего средневековья бытовала на всем Европейском Севере.

Приведенные материалы дают возможность заключить, что скифское декоративное искусство нашло продолжение в искусстве европейских и азиатских народов.

Скифы не оставили прямых потомков, но искусство их оказало влияние на многих. Одним из наследников являемся и мы. При оценке роли скифов не следует забывать, что именно они впервые вовлекли многочисленные древние народы нашей страны в русло единого развития, приобщили их к передовым культурам того времени, о чем уже говорилось в начале этой книги.

Список принятых сокращений

АС	— Археологический съезд
ВДИ	— «Вестник древней истории»
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»
ИАК	— «Известия археологической комиссии»
ИТУАК	— «Известия Таврической ученой архивной комиссии»
КСИА	— «Краткие сообщения Института археологии АН СССР»
КСИИМК	— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР»
МАР	— «Материалы по археологии России»
МИА	— «Материалы и исследования по археологии СССР»
ОАК	— «Отчеты археологической комиссии»
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— «Советская археология»
САИ	— «Свод археологических источников»
ТОИПК	— Труды отдела истории первобытной культуры Эрмитажа
АА	— Archaeologischer Anzeiger
WA	— Wiadomości archeologiczne

Рекомендуемая литература

- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1947, № 3.
- Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму. ВДИ, 1948, № 8.
- Артамонов М. И. Этнография Скифии. «Ученые записки Ленинградского университета», серия исторических наук, вып. 13, 1949.
- Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2.
- Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии. Сборник «Доклады VI научной конференции Института археологии». Киев, 1953, стр. 177.
- Вопросы скифо-сарматской археологии. М.—Л., 1952.
- Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в народном творчестве. «Труды ГИМ», вып. 1, 1926.
- Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. «Труды секции археологии РАНИОН», вып. 2, 1928.
- Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.
- Граков Б. Н. Скифы. Київ, 1947.
- Граков Б. Н. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.
- Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954.
- Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.
- Грязнов М. П. Памятники майэмйского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947.
- Грязнов М., Булгаков А. Древнее искусство Алтая. Л., 1958.
- Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953.
- Забелин И. Е. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1868.
- Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
- Ильинская В. А. Скифы-пахари и будины Геродота. КСИИМК, вып. XI, 1951.
- Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1.
- Калистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности. «Записки Общества русской и славянской археологии». СПб., 1887.
- Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1906.

- Либеров П. Д. К вопросу о скифах-пахарях. ВДИ, 1951, № 4.
- Либеров П. Д. Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия», т. I. М., 1952.
- Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
- Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях России. ЖМНП, 1891, № 11.
- Мошкова М. Г. Памятники Прохоровской культуры. САИ, вып. Д1-10.
- Приотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.
- Придик Е. М. Мельгуновский курган. МАР, № 31, 1911.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. САИ, вып. Д3-9.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Л., 1960.
- Семенов-Зусер С. А. Родовая организация у скифов Геродота. «Известия ГАИМК», т. IX, 1931, вып. 1.
- Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.
- Смирнов А. П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935.
- Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1963.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1—9.
- Спицын А. А. Памятники лятенской культуры в России. ИАК, 1904, вып. 12.
- Спицын А. А. Скифы и Гальштат. «Сборник археологических статей, поднесенных А. Бобринскому». СПб., 1911.
- Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей. ИАК, 1918, вып. 65.
- Спицын А. А. Скифо-сарматские курганы Крымской степи. ИТУАК, вып. 54, 1918.
- Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М.—Л., 1948.
- Толстов С. П. Низовья Аму-Дарьи, Саракамы, Узбой. М., 1960.
- Толстов С. П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, № 2.
- Фабрициус I. В. До питання про топографізацію племен Скіфії. «Археологія» т. V, 1951.
- Фармаковский Б. В. Архаический период в России. МАР, № 34, СПб., 1918.
- Черников С. С. Золотой курган Чиликтинской долины. КСИА, № 98, 1964.
- Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
- Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Шульц П. Н. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму. «Советский Крым», 1946, № 2.
- Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного
стиля. М., 1940.

Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959.

Кроме перечисленных выше работ, вопросам скифо-сарматской
археологии посвящены выпуски «Материалов и исследований по ар-
хеологии СССР» № 33, 50, 53, 64, 93, 96, 113, 115.

Borovka G. I. Scythian Art. New York, 1928.

Ebert M. Sudrussland im Altertum. «Bucherei der kulturische
Geschichte», Bd. 12, 1921.

Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

Minns E. H. The scythians and northera nomads. Cambridge Ancient
History, III, 1929.

Rostovzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

Rostovzeff M. Skyihien und der Bosporus. Berlin, 1931.

Sulimirski T. Kultura luzyczna a scytowie. WA, t. XVI, S. 96.

Примечания

К главе «Почему скифы?»

- ¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 164.
- ² А. М. Тальгрэн. L'éroque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919, p. 67; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952, стр. 164.

К главе «Легенды»

- ¹ Геродот, IV, 5—7.
- ² Там же, 8.
- ³ Там же, 8—10.
- ⁴ М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов. «Государственный Эрмитаж. Археологический сборник», вып. 2. Л., 1961.
- ⁵ Геродот, IV, 11, 12.
- ⁶ С. А. Семенов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.

К главе «О кочевниках эпохи железа и военной демократии»

- ¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, М., 1961, стр. 28.
- ² Там же, стр. 32.
- ³ Там же, стр. 160.
- ⁴ А. А. Иссен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э.

на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49.

- ⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 163.
- ⁶ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, № 4, стр. 3.
- ⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 8.
- ⁸ Б. Н. Граков. Указ. соч.; А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 70.
- ⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 164.
- ¹⁰ Там же.

К главе «Звон мечей и пенья стрел»

- ¹ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 192.
- ² «Библия. Из книги пророка Иеремии». ВДИ, 1947, № 1, стр. 274.
- ³ Там же, стр. 273.
- ⁴ И. М. Дьяконов. История Миндии. М.—Л., 1956, стр. 246.
- ⁵ Геродот, I, 105.
- ⁶ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 247.
- ⁷ Там же, стр. 254.
- ⁸ А. И. Тереножкин. Доклад на секции раннего железного века

сессии отделения исторических наук. 1964.

⁹ Геродот, I, 106.

К главе «Культура катакомб»

¹ «Труды XII АС 1902 г.», т. I. М., 1905, стр. 65.

² «Труды XIII АС 1905 г.», т. I. М., 1907, стр. 195.

³ «Отчет исторического музея за 1914 г.» М., 1916.

⁴ А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, № 4, стр. 3.

⁵ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. «Труды ГИМ», вып. 24, 1955, стр. 69.

⁶ Там же, стр. 173.

⁷ Там же, стр. 173.

⁸ Там же, стр. 152, 153.

⁹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 году. «Известия РАИМК», IV. Л., 1925, стр. 11.

¹⁰ Л. С. Клейн. Происхождение скифов царских по археологическим данным. СА, 1963, № 4.

К главе «Окутанные мглою и тучами»

¹ Гомер. Одиссея, XI, 12—19.

² «Комментарии к Гомеру». ВДИ, 1947, № 1, стр. 280.

³ Ю. С. Крушкол. К вопросу о киммерийцах. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 91.

⁴ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. «Труды секции археологии РАНИОН», вып. II. М., 1928, стр. 48.

⁵ Дионисий. Описание населенной земли. ВДИ, 1948, № 1, стр. 240.

⁶ Геродот, IV, 11.

⁷ В. А. Городцов. Указ. соч. стр. 48.

⁸ Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточ-

ной Европы. Л., 1925, стр. 238; М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 28.

⁹ Геродот, IV, 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Книга бытия», X, 1—3.

¹² Полагают, что в основе ее лежит более древний источник. («Книга бытия», X, 1—3).

¹³ «Книга бытия», X, 1—3.

¹⁴ «Письмо Синахериба Саргону II». ВДИ, 1947, № 1, стр. 267 и сл.

¹⁵ В. А. Городцов. Указ. соч. стр. 48.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докабанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 66—68.

¹⁷ А. А. Захаров. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. «Труды РАНИОН», вып. II, 1928, стр. 39, 40; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 162.

¹⁸ Геродот, IV, 11.

¹⁹ Там же. 12.

²⁰ Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944, стр. 20.

²¹ «Библия. Из книги пророка Исаии», V, 25—30. ВДИ, 1947, № 1, стр. 269.

²² Геродот, I, 15.

²³ Страбон. География, I, 1, 10.

²⁴ Там же, I, 3, 21; XI, 2, 5; XIII, 4, 8.

²⁵ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1950, стр. 228.

К главе «Где памятники киммерийцев»

¹ Л. А. Ельницкий. Киммерийцы и киммерийская культура. ВДИ, 1949, № 3, стр. 23—25.

² А. А. Иссен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 50.

³ И. Т. Круликова. Памятники

- эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. 43, 1948, стр. 108.
- ⁴ *И. Т. Кругликова.* Раскопки Киммерика. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 138 сл.
 - ⁵ Там же, стр. 140.
 - ⁶ *В. А. Городцов.* К вопросу о киммерийской культуре. «Труды секции археологии РАНИОН», вып. II, 1928, стр. 46.
 - ⁷ *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 117.
 - ⁸ *Е. И. Крупнов.* Жемталинский клад. М., 1952, стр. 31.
 - ⁹ *Ф. Брун.* Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях. «Черноморье», ч. II. Одесса, 1880, стр. 54 и сл.; *А. М. Лесков.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965.
 - ¹⁰ *А. М. Лесков.* Таврская культура в горном Крыму. М., 1961, стр. 9. Автореферат.
- номорья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1960, стр. 35; Он же. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке. «Бюллетень Московского об-ва испытателей природы, отд. биологии», т. I, XIX (3), 1964, стр. 25.
- ² *А. А. Спицын.* Курганы скифов-пахарей. ИАК, 1918, вып. 65, стр. 89 и сл.
 - ³ *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1948, стр. 136.
 - ⁴ *Н. Л. Членова.* Скифский олень. МИА, № 115, 1962, стр. 167.
 - ⁵ *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на Днепровском Правобережье, Киев, 1961, стр. 201.
 - ⁶ Там же, стр. 200.
 - ⁷ Там же, стр. 186.
 - ⁸ *Диодор Сицилийский.* Библиотека, II, 43—47.
 - ⁹ *А. И. Тереножкин.* Указ. соч., стр. 198 сл.

К главе «Еще один предшественник»

- ¹ *А. И. Мелюкова.* Работы в Поднестровье в 1958 г. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 113; Она же. Курганы эпохи бронзы у с. Олонешты. КСИА, вып. 89, 1962, стр. 30.
- ² *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 6.
- ³ *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 182.
- ⁴ *О. А. Кривцова-Гракова.* Указ. соч., стр. 113.
- ⁵ *О. А. Кривцова-Гракова.* Указ. соч. стр. 159.

К главе «Появление главного героя»

- ¹ *В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные Северного Причер-

К главе «Причина бесконечных споров»

- ¹ *Ф. М. Штительман.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, 1956, стр. 255; *Н. Н. Погребова, Н. Г. Елагина.* Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г. КСИА, вып. 89, 1962, стр. 6.
- ² *Ф. М. Штительман.* Указ. соч., стр. 268.
- ³ *А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 5 и сл.; Она же. Скифские курганы Тираспольщины. МИА, № 115, 1962, стр. 114; Она же. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 60; Она же. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК,

- вып. 56, 1954, стр. 59; *Она же*. Работы в Поднепровье в 1958 г. КСИА, вып. 84, 1960, стр. 113.
- ⁴ *П. Д. Либеров*. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. 30, 1949, стр. 95 и сл.; *В. Г. Петренко*. Культура племен правобережного среднего Приднепровья в IV—III вв. МИА, № 96, 1961, стр. 53.
- ⁵ *В. Г. Петренко*. Указ. соч., стр. 65.
- ⁶ *М. И. Артамонов*. Венеды, невры и буддины в славянском этногенезе. «Вестник Ленинградского университета», 1946, № 2, стр. 70 и сл.
- ⁷ *В. В. Хвойко*. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 42; *П. Д. Либеров*. К вопросу о связях культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. 34, 1950, стр. 75; *Ю. В. Кухаренко*. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 111; *В. П. Петров*. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 41—50; *П. Н. Третьяков*. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 36.
- ⁸ *В. Г. Петренко*. Указ. соч., стр. 100.
- ⁹ Там же, стр. 63, 65.
- ¹⁰ Там же, стр. 69.
- ¹¹ *В. А. Ильинская*. Северный ареал скифов в Поднепровье. «Тезисы докладов на заседании, посвященном полевым исследованиям 1963 г.» М., 1964, стр. 40.
- ¹² *Б. Н. Граков*. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954.
- ¹³ *Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин*. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 1963, № 4, стр. 36.

- ¹⁴ *Д. Я. Самоквасов*. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 103.
- ¹⁵ *Геродот*, IV, 19.

К главе «Считающие прочих скифов своими рабами»

- ¹ *Геродот*, IV, 20.
- ² Там же.
- ³ Там же, 101.
- ⁴ *М. И. Ростовцев*. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 404; *И. В. Яценко*. Скифия VII—V вв. до н. э. «Труды ГИМ», вып. 36, 1959.
- ⁵ *Страбон*. География, IV, 5, VII.
- ⁶ *П. Шульц*. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.
- ⁷ *Н. Н. Погребова*. Мавзолей Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXX, 1947, стр. 23.
- ⁸ Там же, стр. 24, 25.
- ⁹ Там же, стр. 30.
- ¹⁰ *П. Н. Шульц*. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму в 1945 г. «Советский Крым», 1946, вып. 2, стр. 107, 111, 112.
- ¹¹ *Страбон*. География. VII, IV, 7.
- ¹² *О. Д. Дашевская*. Скифские городища Крыма. М., 1954, стр. 14. Автореферат.

К главе «К востоку от Танаиса»

- ¹ ОАК за 1904. СПб., 1905, стр. 86 и сл.
- ² ОАК за 1898 г. СПб., 1899, стр. 30 и сл.
- ³ ОАК за 1897. СПб., 1898, стр. 11 и сл.
- ⁴ *К. К. Герц*. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г. М., 1876, стр. 56 и сл.
- ⁵ *М. И. Ростовцев*. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 349 и сл.
- ⁶ Там же, стр. 354.
- ⁷ *Н. В. Анфимов*. Основные этапы развития культуры меото-сармат-

- ских племен Прикубанья. М., 1954.
- ⁸ *Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа.* М., 1960.
- ⁹ Там же, стр. 143, 153.
- ¹⁰ *Геродот, IV, 110—117.*
- ¹¹ *К. Ф. Смирнов. Савроматы.* М., 1964, стр. 201.
- ¹² *И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. II.* СПб., 1889, стр. 64.
- ¹³ *Геродот, I, 184—187.*
- ¹⁴ «Библия. Третья книга царств», X, 1—10.
- ¹⁵ *В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник.* МИА, № 60. М., 1959, стр. 422.
- ¹⁶ *К. Ф. Смирнов. Указ. соч.,* стр. 198.
- ¹⁷ *Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов.* ВДИ, 1947, № 3, стр. 100.
- ¹⁸ *К. Ф. Смирнов. Указ. соч.,* стр. 87.
- ¹⁹ *В. П. Шилов. Указ. соч.,* стр. 430.
- ²⁰ *С. А. Токарев. Этнография народов СССР.* М., 1958, стр. 424.
- ²¹ *К. Ф. Смирнов. Указ. соч.,* стр. 255.
- ²² Там же, стр. 255.
- ²³ *Геродот, IV, 67.*
- ²⁴ *И. М. Дьяконов. История Мидии.* М.—Л., 1950, стр. 248 и сл.
- ²⁵ *С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий.* ВДИ, 1963, № 2, стр. 23.
- ²⁶ *К. А. Акишев, Г. А. Кушасв. Древняя культура саков и усуней долины реки Или.* Алмата, 1963, стр. 74.
- ²⁷ Там же, стр. 93, 94.
- ²⁸ Там же, стр. 101.
- ²⁹ *С. С. Черников. Золотой курган Чиликтинской долины.* КСИА, вып. 98, 1964, стр. 29.
- ³⁰ *С. П. Толстов. Указ. соч.,* стр. 42; Он же. Приаральские скифы и Хорезм. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960.
- ³¹ *М. П. Грязнов. Раскопки княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, № 2—4; С. И. Руденко. Культуры населения Центрального Алтая в скифское время.* М.—Л., 1960, стр. 14.
- ³² *С. И. Руденко. Указ. соч.,* стр. 12.
- ³³ Там же, стр. 190.

К главе «Земли почти неизвестные»

- ¹ *О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья.* КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 46; Она же. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 28; Она же. Клад браслетов в дер. Горошков. ВДИ, 1956, № 1, стр. 153.
- ² *Геродот, IV, 18.*
- ³ Там же, 106.
- ⁴ Там же, 20.
- ⁵ Там же, 101.
- ⁶ *В. П. Левенок. Городища южновской культуры.* КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 49; *А. Е. Алихова. Особый тип сооружения на городище Кузина Гора. СА, 1958, № 3, стр. 197.*
- ⁷ *П. Д. Либеров. Гелоны и бунины на Среднем Дону. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г.»* М., 1964, стр. 42.
- ⁸ Там же, стр. 45.
- ⁹ *Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца.* Харьков, 1962, стр. 210 и сл.
- ¹⁰ *В. И. Далкин. К истории животноводства и охоты в восточной Европе.* МИА, № 107, 1962, стр. 63.
- ¹¹ *Геродот, IV, 22.*

К главе «Персы идут на скифов»

- ¹ Геродот, IV, 1—3.
- ² Там же, 1.
- ³ Там же, 119.
- ⁴ Там же, 125.
- ⁵ Там же, 127.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же, 132.
- ⁸ Там же, 73.
- ⁹ Скилак Кариандский. ВДИ, 1947, № 3, стр. 24.

К главе «Атей против Филиппа Македонского»

- ¹ Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 47. Карта.
- ² Nadi. Ein la Tene zeitlicher Grabfund von Skythischen Charakter aus Budapest Rakospalota. AA, Bd. IX, F. 1—4, 1958, S. 337.
- ³ А. А. Спицын. Скифы и Гальштат. «Сборник в честь А. А. Бобринского». СПб., 1911, стр. 165.
- ⁴ М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 77.
- ⁵ З. Буковский. Скифские элементы на территории лужицкой культуры. Доклад на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР, 1963.
- ⁶ Страбон. География, I, 2, 27.
- ⁷ Я. Розен-Пшевская. К вопросу о кельто-скифских отношениях. СА, 1963, № 3, стр. 67.
- ⁸ Там же, стр. 68, 69.
- ⁹ Там же, стр. 76.
- ¹⁰ Клемент Александрийский. ВДИ, 1948, № 2, стр. 282.

К главе «Потомки амазонок наступают»

- ¹ Диодор Сицилийский. ВДИ, 1947, № 4, стр. 251.
- ² Там же, стр. 252.
- ³ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.

«Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 216.

- ⁴ Там же, стр. 217.
- ⁵ Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 99.

К главе «Скифское царство в Крыму»

- ¹ Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Симферополь, 1954, стр. 14, 15.
- ² Страбон. География, I, 2, 27.
- ³ Там же, VII, 4, 6.
- ⁴ Там же, 3, 17.
- ⁵ А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 32.

К главе «Не только кочевники»

- ¹ Геродот, IV, 19.
- ² Там же, 20.
- ³ «История скотоводства в Северном Причерноморье». МИА, № 53, 1960.
- ⁴ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1955, стр. 35.
- ⁵ Там же, стр. 35.
- ⁶ Страбон. География, VII, 4, 8.
- ⁷ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 56.
- ⁸ Помпей Трог. ВДИ, 1949, № 1, стр. 253.
- ⁹ Помпей Трог. ВДИ, 1948, № 4, стр. 223.
- ¹⁰ Гиппократ. ВДИ, 1947, № 2, стр. 298.
- ¹¹ П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, 1955, стр. 133.
- ¹² Там же, стр. 135.
- ¹³ Там же, стр. 147.
- ¹⁴ Гиппократ. ВДИ, 1947, № 2, стр. 296.
- ¹⁵ «Позднейшие схолии». ВДИ, 1947, № 1, стр. 310.
- ¹⁶ «Схолии к комедиям Аристо-

- фана». ВДИ, 1947, № 2, стр. 300.
- 17 Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья. М., 1953, стр. 4. Автореферат.
 - 18 «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стр. 176.
 - 19 М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 8, стр. 57.
 - 20 О. Д. Дашевская. Скифские городища Крыма. М., 1954, стр. 13. Автореферат.
 - 21 П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия СССР». М., 1952.
 - 22 J. Dechelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romain, t. IV. Paris, 1927, p. 884.
 - 23 В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 97.
 - 24 Д. Т. Березовец. Плуг з Токарівського торфовища. «Археологія», т. VII. Київ, 1952, стр. 174.
 - 25 Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, стр. 80.
 - 26 Там же, стр. 86.
 - 27 Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 141; П. Д. Либеров. К истории земледелия. . ., стр. 81.
 - 28 Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 243; П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 87.
 - 29 Там же, стр. 90.
 - 30 Там же.
 - 31 О. Д. Дашевская. Скифские городища Крыма, стр. 9.
 - 32 В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 86, 87.
 - 33 Там же, стр. 78.
 - 34 Там же.
 - 35 Клавдий Элиан. О животных, II, 53. ВДИ, 1948, № 2, стр. 223.

К главе «Город мастеров и торговые пути»

- 1 Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 115.
- 2 Там же, стр. 121.
- 3 Там же, стр. 123, 124, 125.
- 4 Страбон. География, XI, 2, 3.
- 5 Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 110.
- 6 Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 1963, № 4, стр. 36.
- 7 Там же, стр. 49.
- 8 Там же, стр. 53.
- 9 Там же, стр. 53.
- 10 Там же, стр. 55.
- 11 Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 209.
- 12 Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 158.
- 13 Геродот, IV, 24.

К главе «Рабы и цари»

- 1 Геродот, IV, 65.
- 2 А. И. Тереножкин в своем докладе о ранних рабовладельческих отношениях у скифов привлек этот материал (Сессия ИА АН СССР 1964 г.).
- 3 Геродот, IV, 3, 4.
- 4 П. Н. Шульц. Доклад на скифосарматской секции конференции ИА АН УССР в 1964 г.
- 5 Геродот, IV, 2.
- 6 «Библия. Книга Бытия», гл. XIII, XIX.
- 7 Л. А. Ельницкий. Возникновение и развитие рабства в Риме. М., 1964, стр. 93.
- 8 Там же, стр. 94.
- 9 Там же, стр. 94.
- 10 В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33. М., 1962, стр. 7.
- 11 Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 28.
- 12 В. А. Ильинская. Северный ареал Скифии в Поднепровье.

- «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г.» М., 1964, стр. 40 и сл.
- ¹³ А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935; А. И. Тереножкин. Доклад на сессии Ин-та археологии и этнографии, посвященной полевым исследованиям 1963 г. М., 1964.
- ¹⁴ А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, стр. 31.
- ¹⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21. М., 1961, стр. 164—165.
- ¹⁶ Б. Н. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 32; Он же. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 7; Он же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 20.
- ¹⁷ А. И. Тереножкин. Доклад на секции раннего железного века сессии отделения исторических наук. 1964.
- ¹⁸ М. И. Артамонов. Общественный строй скифов, стр. 81 и сл.; С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3, стр. 53; М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму, стр. 77; Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 14.
- ¹⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище... , стр. 29.
- ²⁰ Геродот, IV, 71.
- ²¹ Там же, 72.
- Эрмитажа», т. I. Л., 1941, стр. 99.
- ³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 212.
- ⁴ Там же, стр. 213.
- ⁵ Геродот, IV, 134.
- ⁶ А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, вып. XXXIV. М., 1960, стр. 37.
- ⁷ Геродот, IV, 62.
- ⁸ Там же.

К главе «Жертвы мечу»

- ¹ Геродот, IV, 64.
- ² Там же.
- ³ Стадий у Геродота равен 185 м. Думается, что размеры сооружения в описании значительно преувеличены.
- ⁴ Геродот, IV, 62.
- ⁵ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 199 и сл.
- ⁶ Там же, стр. 203.
- ⁷ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 7 и сл.
- ⁸ Н. П. Пятыхшева. Культ греко-тавского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3, стр. 213.

К главе «Звериный стиль»

- ¹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940, стр. 74 и сл.
- ² Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК, вып. XXII. М., 1948, стр. 62 и сл.
- ³ Собрание ГИМ, зал VI; А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. «Известия РАИМК», т. IV. Л., 1925, стр. 101.
- ⁴ А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 110.
- ⁵ Там же, табл. II.
- ⁶ Доклад П. Н. Шульца на конференции археологов в Киеве в 1964 г.
- ⁷ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Ски-

К главе «Конные стрелки из лука»

- ¹ Н. Я. Мерперт. Акинак с котловидным навершием. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 74.
- ² Б. Э. Рабинович. Шлемы скифского периода. «ТОИПК Гос.

дура и Палакка. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 50 и сл.

⁸ Там же, стр. 50, 51.

К главе «Бытовые подробности»

¹ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 36.

² Н. В. Пятышева. Херсонес. ВДИ, 1947, № 3, стр. 213.

³ Геродот, IV, 76—80.

⁴ Там же, 75.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 59, 60.

К главе «Наследство и наследники»

¹ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, СПб., 1964, стр. 178.

² В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. «Труды ГИМ», вып. I. М., 1926, стр. 7.

³ Там же, стр. 21 и сл.

⁴ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского, стр. 21.

⁵ «История русского искусства», т. VIII, кн. 2. М., 1964, стр. 586.

⁶ Там же, стр. 587.

⁷ Там же, стр. 588, 590.

⁸ «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 408.

⁹ Там же, стр. 405—407.

¹⁰ В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, табл. 53.

¹¹ Там же, табл. 138.

Некоторые термины и имена, встречающиеся в работе

- Белогрудовская культура* — XII—VIII вв. до н. э. — занимала область правобережья Среднего Днепра.
- Борисфен* — древнегреческое название Днепра.
- Вонон II* — правитель Парфии, конец II—I в. до н. э.
- Гальштатская культура* — X—V вв. до н. э. — занимала область южной части Западной и Средней Европы.
- Дипилонский стиль* — греческое искусство конца II—начала I тысячелетия до н. э. Отличается своеобразным орнаментом: в раннее время геометрический, а в позднее — фигуры людей и животных.
- Зопирион* — полководец Александра Македонского, осаждал город Ольвию.
- Истр* — древнегреческое название Дуная.
- Карагодеуаш* — скифский курган IV в. до н. э., расположен у станции Крымской Краснодарского края.
- Карасукская культура* — конец II—начало I тысячелетия до н. э. — занимала территорию Саяно-Алтайского нагорья, бассейн Енисея и верховья Оби.
- Карры* — город в северо-западной Месопотамии, где римский полководец Красс в 53 г. до н. э. был разбит парфянскими войсками.
- Катакомбная культура* — конец III—первая половина II тысячелетия до н. э. — занимала территорию левобережной Украины, правое Нижнее Поволжье и Предкавказье.
- Катафрактари* — тяжелая конница, вооруженная длинными копьями. Всадники и кони защищены панцирями. Известна с IV в. до н. э.
- Каякентско-хорочаевская культура* — X—V вв. до н. э. — занимала территорию Дагестана.
- Кельт* — топор особой формы, скрепляющийся с рукоятью при помощи втулки.
- Кенотаф* — памятник в честь человека, погибшего на чужбине.
- Кизил-кобинская культура* — конец II—начало I тысячелетия до н. э. — занимала территорию горного Крыма.
- Кобанская культура* — XI—V вв. до н. э. — занимала область горной и предгорной полосы центральной части Северного Кавказа.
- Комаровская культура* — XV—VI вв. до н. э. — занимала область верхнего и среднего Поднестровья.
- Культура археологическая* — комплекс поселений, могильников одного времени, одной территории, с присущим только данной территории сходством орудий труда, быта, украшений, типов построек, погребений и т. д.
- Латенская культура* — V—I вв. до н. э. — занимала область Западной и Центральной Европы.

- Лужицкая культура* — XII—V вв. до н. э. — распространена в Средней Европе, в бассейне Одера и Вислы.
- Некрополь* — кладбище, могильник.
- Нимфей* — древнегреческий город на берегу Керченского пролива, существовал с V в. до н. э. по IV в. н. э.
- Ноа* — культура конца II—начала I тысячелетия до н. э. — занимала территорию Молдавии и восточной Румынии.
- Поля погребальных урн* — условное название некоторых культур Центральной Европы Приднепровья — времени от поздней бронзы до IV—V вв. н. э. Для них характерны грунтовые неглубокие захоронения с большим числом сосудов.
- Протоген* — житель города Ольвии начала II в. до н. э., оказал своему городу большую помощь, за что был отмечен памятной надписью, в которой дана оценка его деятельности и характеристика положения города того времени.
- Роксоланы* — сарматские племена — обитали в Северном Причерноморье с II в. до н. э. до IV в. н. э.
- Салтовско-маяцкая, или салтовская культура* — VIII—X вв. н. э. — занимала область Северского Донца, Средний и Нижний Дон, Приазовье и Северный Кавказ.
- Сасаниды* — династия, правившая в Иране с III по VII вв. н. э.
- Сейменская культура* — XIV—XII вв. до н. э. — занимала территорию Средней Волги.
- Сфинкс* — фантастическое существо — лев с головой человека.
- Тагарская (минусинская) культура* — IX—II вв. до н. э. — занимала область верхнего и среднего Енисея.
- Тирас* — древнегреческое название Днестра.
- Тотемизм* — первобытная форма религии, для нее характерно представление о связи человека с животным и растительным миром.
- Хорезмская экспедиция* — археолого-этнографическая экспедиция, возглавляемая чл.-корр. АН СССР С. П. Толстовым, работает в Средней Азии с 1937 г.
- Чернолесская культура* — VIII—VII вв. до н. э. — занимала правобережье Среднего Днестра.
- Чирик-Рабат* — городище на древнем протоке Сыр-Дарьи — Жана-Дарье, относится к I тысячелетию до н. э.

Содержание

Почему скифы?	5
Легенды	7
О кочевниках эпохи железа и военно- демократии	12
Звон мечей и пенье стрел	16
Рациональное зерно	19
Культура катакомб	22
«Окутанные мглой и тучами»	26
Где памятники киммерийцев?	34
Еще один предшественник	38
Появление главного героя	41
Причина бесконечных споров	47
«Считающие прочих скифов своими рабами»	64
К востоку от Танаиса	75
Земли почти неизвестные	95
Персы идут на скифов	104
Атей против Филиппа Македонского	110
Потомки амазонок наступают	112
Скифское царство в Крыму	116
Не только кочевники	120
Город мастеров и торговые пути	129
Рабы и цари	140
Конные стрелки из лука	150
Жертвы мечу	161
Звериный стиль	166
Бытовые подробности	177
Наследство и наследники	182
Список принятых сокращений	185
Рекомендуемая литература	186
Примечания	189
Некоторые термины и имена, встречаю- щиеся в работе	198

Смирнов Алексей Петрович ♦ Скифы ♦

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор И. С. Каменецкий

Редактор издательства Г. Ф. Дубовикова

Технический редактор В. В. Тарасова

Сдано в набор 25/VII 1966 г. Подписано к печати 20/X 1966
Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 10.
Тираж 47 000 экз. Т-14804. Изд. № 587/66. Тираж зак. 1103.
Цена 67 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 4
1-я типография изд. «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, дом 1